

Н.Н.Сушкина

ТАМ,
ГДЕ
ШУМИТ
ОКЕАН
И ЦАРИТ
ВЕЧНОЕ
ЛЕТО

АКАДЕМИЯ

НАУК

СССР

ИНСТИТУТ

ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Н. Сушкина

ТАМ,
ГДЕ
ШУМИТ
ОКЕАН
И ЦАРИТ
ВЕЧНОЕ
ЛЕТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

Главная

редакция

восточной

литературы

Москва

1971

Сушкина Н. Н.

С 91 Там, где шумит океан и царит вечное лето. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

165 с. с илл.

Автор этих увлекательных очерков — профессор МГУ Н. Н. Сушкина делится впечатлениями о Гвинее, куда ее пригласили для чтения лекций в Политехническом институте. Биолог по специальности и увлеченный натуралист-исследователь, автор, естественно, наибольшее внимание уделяет описанию природы и географических особенностей страны. Однако от ее внимательного взгляда не ускользают интересные бытовые подробности жизни населения, архитектура городов и селений. Оригинальные фотографии автора дополняют живое, образное описание страны.

«Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать».

И. А. Гончаров. «Фрегат „Паллада“»

НЕВЕДОМОЕ ЗОВЕТ

Перед моими глазами пальмы, гигантская сейба¹ — красавица, ростом с десятиэтажный дом, и уходящая в бесконечность голубизна Атлантического океана.

Шум прибоя будит меня по утрам и убаюкивает к ночи.

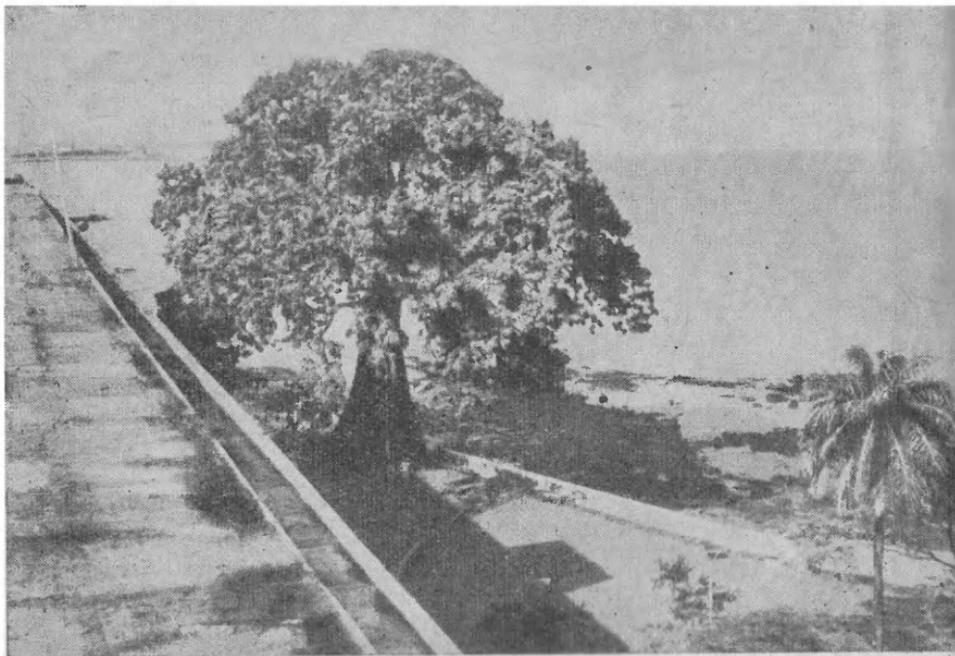
На моей сейбе живут по-семейному два грифа². Птицы молчаливы, покойны, как уважающие себя солидные люди, нелюбопытны, и мы не мешаем друг другу. Меня, наоборот, интересует их «жизненный уклад», но иногда, мне кажется, они тоже наблюдают за мной, сидя ссутулясь неподвижно рядом друг с другом на своих неизменных местах у вершины сейбы, вытягивая по временам длинные голые шеи.

Все это происходит в городе Конакри — столице Гвинейской Республики в Западной Экваториальной Африке.

Я живу в отеле «Камайени» и с балкона своего номера впитываю в себя первые впечатления от этой новой для меня страны.

Но как я попала сюда?

Я, профессор Московского университета, командирована в Гвинею Министерством высшего и среднего специального образования СССР для прочтения курса лекций по почвенной микробиологии в высшем учебном заведении — Политехническом институте. Я с радостью приняла эту командировку. Конечно, я очень волновалась, но вместе с тем мне интересно было испробовать свои силы лектора в незнакомой стране, у студентов другой национальности, да еще на чужом, французском языке. Было также заманчиво познакомиться и сблизиться с новым для меня народом и узнать его страну, его быт, его душу. Мне же, исследователю-натуралисту, рисова-

Сейба на берегу океана перед отелем
«Камайенн»

лись заманчивые картины близкого знакомства с тропической природой.

Я немало путешествовала в своей жизни. Смею сказать, что мне было бы трудно назвать какую-либо значительную область нашего Союза, где я еще не побывала.

Многие зарубежные страны тоже знакомы мне, и не только из окна вагона, парохода, комфортабельной автомашины или отеля.

Но разве когда-нибудь может насытиться с детства присущая страсть — мечта к познанию нового и неизвестного в путешествиях? И поэтому, сидя на балконе, я была погружена в величайшее спокойствие от удовлетворения своих желаний. И должна сказать, что это чувство не изменило мне в течение всего довольно длительного моего пребывания в Гвинее, несмотря на известные трудности, которые неизбежно встречались и в быту, и при выполнении такой, я бы сказала, не всегда легкой работы.

Но все эти трудности так ничтожны по сравнению с тем большим, вечно и неизменно ценным и незабываемым, что навсегда сохраняется в сознании человека.

И это было первое, что подарила мне Гвинея.

Примечания

¹ С е й б а (Seiba) — огромное красивое тропическое дерево, достигающее в высоту 48 м и более. Принадлежит к семейству бомбаковых (Bombacaceae). К этому семейству относится около 22 различных родов: среди них баобаб (*Adansonia digitata*) и многочисленные виды из рода *Seiba*. Сейба встречается в Тропической Африке и Индии (подробнее см. ниже).

² Г р и ф ы — очень крупные птицы, величиной не меньше орлов. Относятся, как орлы, к дневным хищникам из семейства орлиных (*Aquilidae*). Они очень распространены в Гвинее. Шеи грифов лишены оперения.

МОЕ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГВИНЕЕЙ

Отель, в котором я живу. Отель «Камайенн» — одно из лучших зданий в Конакри, находится примерно в пяти километрах от центра города. Его красивый многоэтажный белый корпус обращен фасадом к океану. С этой стороны каждый этаж отеля смотрится как цепочка соприкасающихся между собой балконов.

Противоположная стена здания выходит на дорогу, ведущую в город, и архитектурный облик ее совершенно необычен. На стене нет окон, но вся она «дырчатая». Снизу и доверху стена изрешечена небольшими квадратными отверстиями (примерно 30×30 сантиметров), разделенными лишь узенькими перегородками. Отверстия гедут в соответствующие им по ширине каналы, которые, пронизывая стену наискось снизу вверх, имеют выход такой же величины в коридоры отеля, куда открываются двери номеров.

В сухую погоду дырчатая стена обеспечивает прекрасную вентиляцию, что чрезвычайно важно в условиях тропического климата, а в дождь при таком устройстве вода не попадает внутрь здания. С этой стороны отеля тоже высится огромная сейба.

Свое название отель «Камайенн» получил, видимо, по имени основателя Ботанического сада, почти примыкающего к его территории. Это современно оборудованная гостиница, очень тихая и спокойная, с хорошим рестораном и хорошим обслуживанием.

Перед отелем находится покрытая зеленым газоном площадка, всего шагов семьдесят шириной. Она отделена от моря лишь низеньким каменным парапетом, о который в высокий прилив разбивается волна, обдавая проходящих взлетающими брызгами.

Газон украшают масличные пальмы¹, сейба, небольшой бассейн, а на выступе второго этажа здания в пра-

Отель «Камайенн»

вом углу, словно гигантские цветы, пестрят над столиками открытого кафе красные, синие, желтые, розовые зонтики. По воскресеньям здесь играет джаз.

Время от времени на газон с деревьев, словно горох, начинают «сыпаться» стайки многочисленных ткачиков² — птичек-малюток, величиной семь-восемь сантиметров. У одних перышки на головке, на грудке и под хвостиком красные, у других головка черная, постепенно переходящая в блестяще-синие тона остального наряда. В общем же оперение этих птичек довольно яркое и пестрое.

Некоторое время птички-малютки, поднявши хвостики, деловито бегают по газону, собирая корм, а затем, словно по команде и обязательно всей компанией сразу, шариками вспархивают вверх и исчезают среди деревьев.

Как и громадные сутулые грифы-созерцатели, так и эти суетливые крошки очень типичны для Гвинеи. И те и другие являются неотъемлемым элементом гвинейского пейзажа, и с ними постоянно приходится встречаться.

Почти все ткачики, которых мне пришлось наблюдать в Гвинее, селятся на масличных пальмах, причем единичные их гнездышки встречаются очень редко. Обычно их бывает на одном дереве двадцать-тридцать, иногда же сто и более.

Свое название ткачики получили за удивительно искусное плетение гнезд. Они «ткуют» их из гибких стеблей травы, иногда только из одних жилок листьев или же из полосок (ленточек), которые птички отрывают от листьев деревьев. При этом они захватывают клювом край листа и падают вниз, используя таким образом тяжесть своего тела.

Работают ткачики целеустремленно, быстро и весело, целой компанией, в результате чего выбранная ими масличная пальма часто оказывается совершенно ошипанной. От красивого султана листьев на вершине дерева сохраняется лишь каркас из голых вай, украшенных теперь, словно фонариками, рядочками ткачиковых гнезд.

Отметим еще одну интересную черту этих птичек. Эти малютки — путешественники. Общительные и деятельные, они, как только выкормят своих птенчиков, соединяются в стаи, насчитывающие многие тысячи птиц, и начинают кочевать, совершая поистине опустошительные налеты главным образом на поля с созревшим африканским просом — сорго³. В некоторых районах Африки их считают страшнее саранчи. В Нигерии, например, по данным 1957 года, убыток, нанесенный ткачиками только в одной провинции, исчислялся суммой более миллиона фунтов стерлингов. Особенно плохой репутацией пользуется красноклювый ткачик песочного цвета, так называемый квели-квели. Это поистине гроза полей.

Но продолжим начатое нами обозрение приотельного участка. Идем дальше по дорожке вдоль берега моря. И вот вдруг среди этой тишины и такой отличной от нашей африканской природы раздается с детства знакомый громкий голос российской вороны. Это прокаркал африканский белоплечий ворон (*Corvus scapulatus* из сем. вороновых — *Corvidae*), но прокаркал он все же с иностранным акцентом. И одет-то он был тоже не по нашему, а по другой, зарубежной, иностранной моде. Он был не одноцветно черный, как у нас в СССР, а с

белой манишкой и с отходящей от нее такой же белой широкой лентой вокруг шеи.

Случайно я взглянула вниз, на стволы масличных пальм, и тоже удивилась. Бесшумно бегали по ним какие-то юркие цветастые существа. Оказывается, это ящерицы. Но они ярко-голубые, как ясное небо, а головки у них красно-рыжие, равно как и кончик хвоста. Таких у нас не встретишь.

Со стволов же некоторых тоже необычных для нас деревьев свисали какие-то огромные зеленые букеты. Это оленерогий папоротник (*Platycerium alcicorne*). Он назван оленерогим потому, что его крупная, зеленая, рассеченная по краю листовая пластинка, выходящая из центра тоже зеленой, точно воронкообразной тарелки, прикрепленной к стволу дерева, заканчивается длинными, разветвленными, узкими выростами, похожими на рога оленя.

У нас, в наших средних широтах, папоротники не растут на стволах или ветвях деревьев, а селятся на земле под ними. Почему же в тропиках растения изменяют своим привычкам? Существует такое объяснение. Темно во влажных, тропических лесах. Гигантские деревья, сплетаясь вверху своими кронами, лианы, перекидываясь с ветки на ветку, образуют плотную завесу от солнца, не пропуская его лучей вниз, к земле. Поселяясь на ветвях или стволах деревьев, растения поднимаются выше от земли и выходят из сумрака к свету.

Но как же питаются они, оторвавшись от почвы, из которой берут влагу и необходимые для питания различные минеральные соли?

Они не паразиты и не отнимают пищу у приютивших их деревьев, а добывают все необходимое для поддержания своей жизни из окружающей их среды. Так, в нашем случае, воронкообразная зеленая тарелка, составляющая часть тела папоротника, служит ему резервуаром, в котором собирается дождевая вода. Кроме того, в той же тарелке накапливаются земляная пыль, опавшие листья и другие органические частицы, и таким образом искусственно создается «почва», обеспечивающая растение пищей.

Но существует в растительном царстве много и других разнообразных приспособлений, которые помогают поддерживать жизнь в описанных условиях.

Растения, полностью или частично живущие на других растениях, главным образом на ветвях и стволах деревьев, без связи с почвой, но не паразитирующие на них, носят название эпифитов.

Наш оленерогий папоротник — эпифит.

Эпифиты очень распространены в тропиках. Иной раз они сплошным, густым ковром покрывают ветви и стволы деревьев в тропическом лесу. Особенно хороши среди эпифитов многочисленные орхидеи. Пышные букеты их цветов или свисающие цветущие плети так украшают темный, мрачный, безмолвный тропический лес.

Но вот мы подошли к левому краю площадки перед нашим отелем. Здесь на небольшом мысочке, вдающемся в океан, стоит в одиночестве наша красавица — могучая, гигантская сейба. Она хороша во все времена года. В тропиках их не четыре, как в наших широтах.

В тропиках нет ни осени, ни весны, а только сухой период — зимний, без дождей и дождливый — летний. В Гвинее сухой период продолжается приблизительно с середины октября до начала мая и дождливый — с начала мая по конец октября.

В дождливый период все покрыто зеленью и большинство растений цветет. В сухой же — многие деревья сбрасывают листву.

Сейбу перед нашим отелем я увидела впервые в конце октября. Она была в расцвете своей красоты. Округлая густая шапка темно-зеленых пальчатых листьев (из пяти-семи «пальцев») на длинных стебельках украшала ее вершину. Она парила высоко над плоской крышей нашего шестиэтажного отеля, достигая высоты примерно дома в десять этажей.

Ее поддерживал гигантский, идеально прямой ствол диаметром у основания метра в два. Обходя как-то вокруг него, я сделала пятьдесят семь шагов.

На высоте примерно двадцати метров от этого ствола начинают отходить горизонтально вытянутые могучие ветви толщиной не меньше, чем стволы наших крупных деревьев. Снизу же это гигантское сооружение поддерживается контрфорсами, то есть дополнительными досковидными «корнями», которые, составляя одно целое со стволом, заканчиваются на высоте приблизительно семи-восьми метров. Внизу на них угрожающе торчат большие и острые шипы.

Дерево, покрытое эпифитами

У сейб кроме контрфорсов такие же досковидные выросты могут отходить не только от ствола, но и от корней, которые расположены горизонтально неглубоко под землей. Тогда они, как извивающиеся ползущие по земле змеи, поднимаются на метр-полтора вверх.

Но вот в первой половине декабря я заметила, что сейба начала терять листья. В конце января, уже совершенно голая, она стала обильно цвести мелкими желтовато-кофейного тона цветочками, вслед за которыми быстро появились небольшие плоды.

Со второго февраля показались новые, молодые листочки, а восьмого февраля я фотографировала дерево уже в его новом, свежем наряде. Таким образом, наша сейба сбросила с себя листья всего только на два месяца.

В конце февраля ее плоды созрели и, растрескиваясь, начали выпускать грязно-белый или желтоватый пух. Этот пух тучами носился в воздухе, покрывал дороги, скапливался в обочинах и досаждал жителям, вызывая при попадании в глаза их воспаление. Его многие не совсем правильно называют капоком, как подобный же пух других многочисленных видов сейб и даже других родов, лишь принадлежащих к тому же семейству бомбасовых (*Bombacaceae*). Однако настоящий, истинный капок дает лишь один вид сейбы, так называемое хлопчатое дерево (*Seiba pentandra*). Капок этого дерева состоит из длинных, светлых, шелковистых волосков, обладающих замечательными свойствами: плавучестью, эластичностью и способностью сохранять тепло. Каждое дерево дает ежегодно не менее шести-десяти килограммов капока. Капок находит широкое применение: его используют при изготовлении теплой одежды, спасательных поясов (взамен пробки). Более низкие сорта употребляются для набивки подушек и мебели. Капок можно сравнивать с хлопком невысокого качества, но как прядильный материал он непригоден, так как имеет очень низкую прочность.

Сейбы быстро растут. Через двадцать пять-тридцать лет они достигают по величине размеров дерева средней высоты, а начиная лет с двухсот превращаются в гигантов. Древесина сейб идет на пироги, она может быть также использована как материал для изготовления музыкальных инструментов. Кроме того, из нее делают ино-

Контрфорсы — досковидные выросты, отходящие от ствола сейбы, и такие же выросты на корнях, неглубоко расположенных в почве.

гда своеобразные большие тазы, употребляемые местным населением в хозяйстве в том случае, если требуется их особая прочность.

Гвинейцы мне рассказывали, что, учитывая пользу, приносимую сейбами, каждая деревня старается посадить на своей территории это дерево. Поэтому говорят, что если увидишь сейбу, которая не имеет себе равных по высоте, то почти безошибочно можно рассчитывать найти около нее и жилье.

Но кроме масличных пальм и сейбы на площадке перед «Камайенном» было еще одно растение, сразу же обратившее на себя внимание. В дальнейшем, путешествуя по Гвинее, мы постоянно встречались с ним, и мне хочется сказать о нем несколько слов.

Начну с того, что попрошу вспомнить наше комнатное растение — старомодный фикус, который в свое время

украшал большинство гостиных в купеческих, зажиточных домах, да и теперь нередко встречается посаженный в цветочные горшки. Но у себя, так сказать на воле, в тропических и субтропических странах, этот же старомодный фикус, довольствующийся в наших комнатах глиняным горшком, вырастает в крупное дерево и играет немалую роль в жизни местного населения.

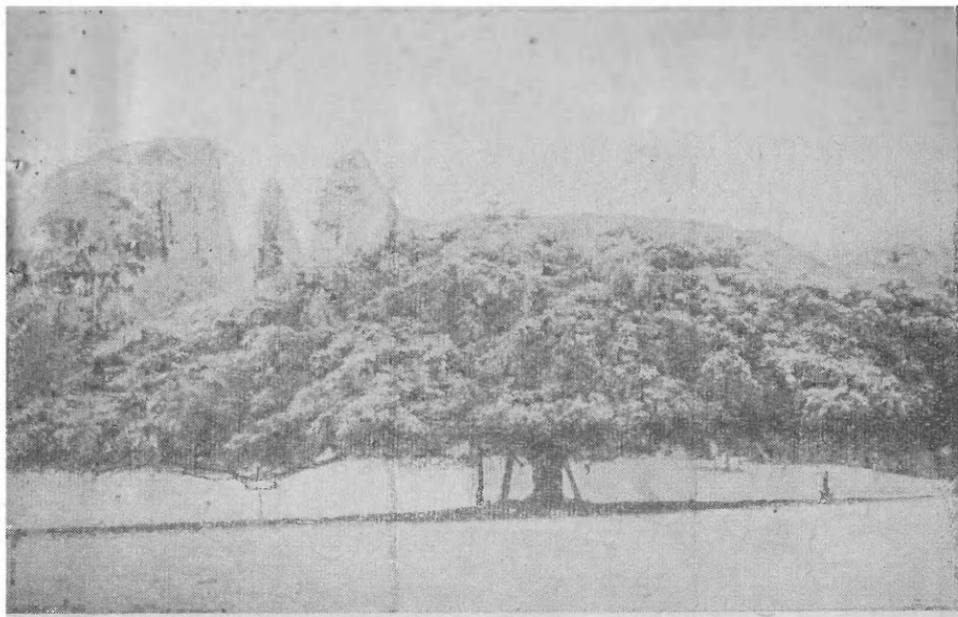
Итак, заинтересовавшее нас на площадке перед «Камайенном» растение тоже принадлежит к роду фикусов (*Ficus*).

Этот род, относящийся к семейству тутовых (*Moraceae*), объединяет около 1000 видов, распространенных в тропиках и субтропиках обоих полушарий, главным образом в лесах Индии и на Зондских островах. Среди них преобладают лианы, эпифиты, однако нередко встречаются также и очень крупные деревья.

В наших субтропиках — Закавказье и Средней Азии — в диком состоянии растет и разводится в культуре лишь один вид фикусов — инжир, или винная ягода (*Ficus carica*).

Но в тропиках можно познакомиться с большим количеством представителей этого рода. Вы встретите там южноазиатский фикус (*Ficus elastica*), в млечном соке⁴ которого впервые был обнаружен каучук⁵; в Восточной Африке вы найдете дерево сикомору⁶, отличающуюся прекрасной твердой древесиной и широко культивируемую также из-за съедобных плодов; в Азии вы услышите легенду, что за шесть веков до нашей эры Будда предавался размышлениям и получил просветление, под сенью священной смоковницы — священного фикуса (*Ficus religiosa*), который в память этого события до сих пор выращивается буддистами около их храмов, и, наконец, вы будете поражены гигантскими деревьями индийского баньяна (*Ficus bengalensis*), крона которого может достигать трехсот метров в окружности, а воздушные корни числом до трехсот и до пяти-шести метров в обхвате, спускающиеся с ветвей этого дерева и укрепляющиеся в почве, поддерживают гигантскую крону баньяна. Одно дерево баньяна — это целая роща, по которой можно гулять.

Вообще же мне посчастливилось познакомиться со всеми перечисленными видами, принадлежащими к роду

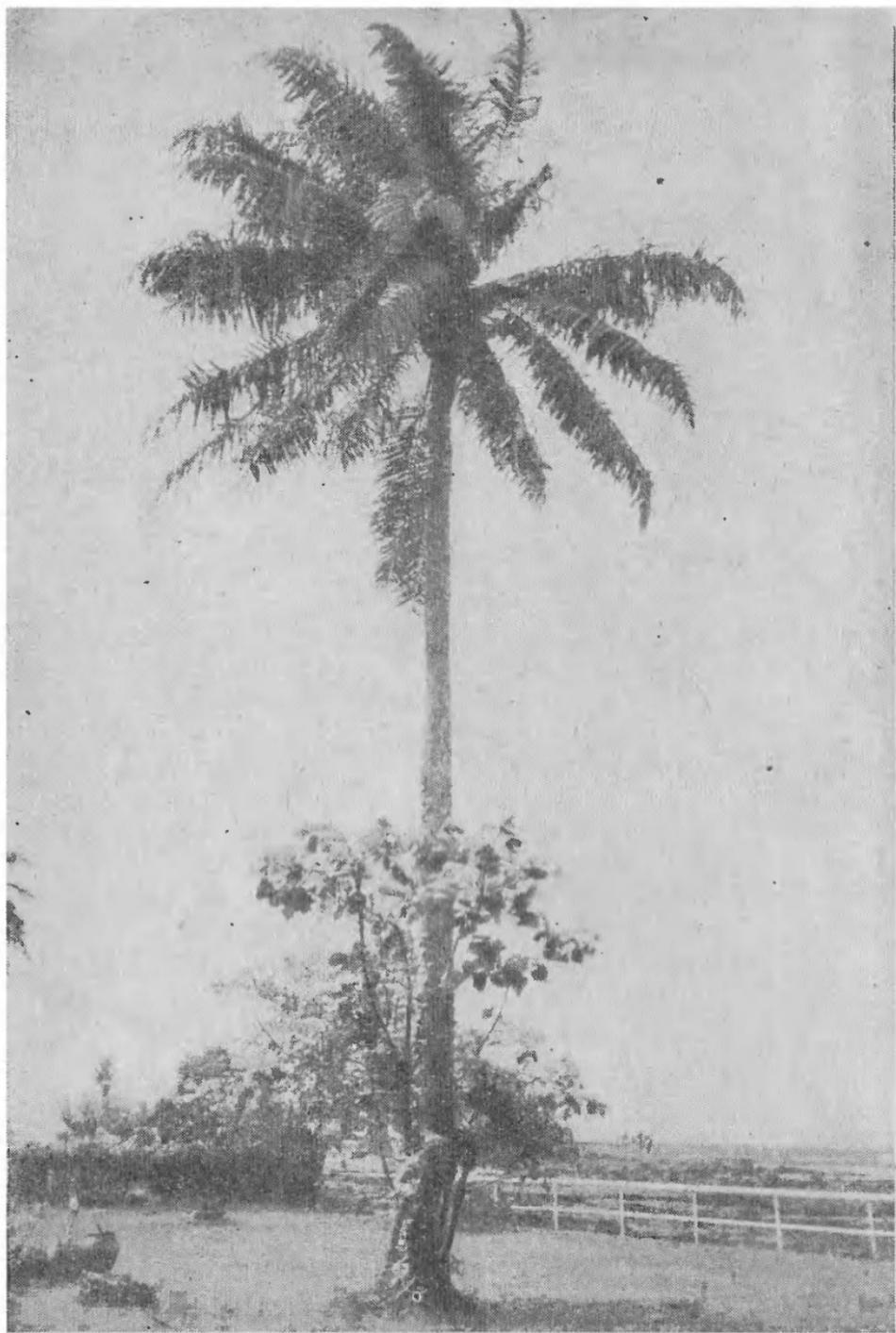

Индийский баньян

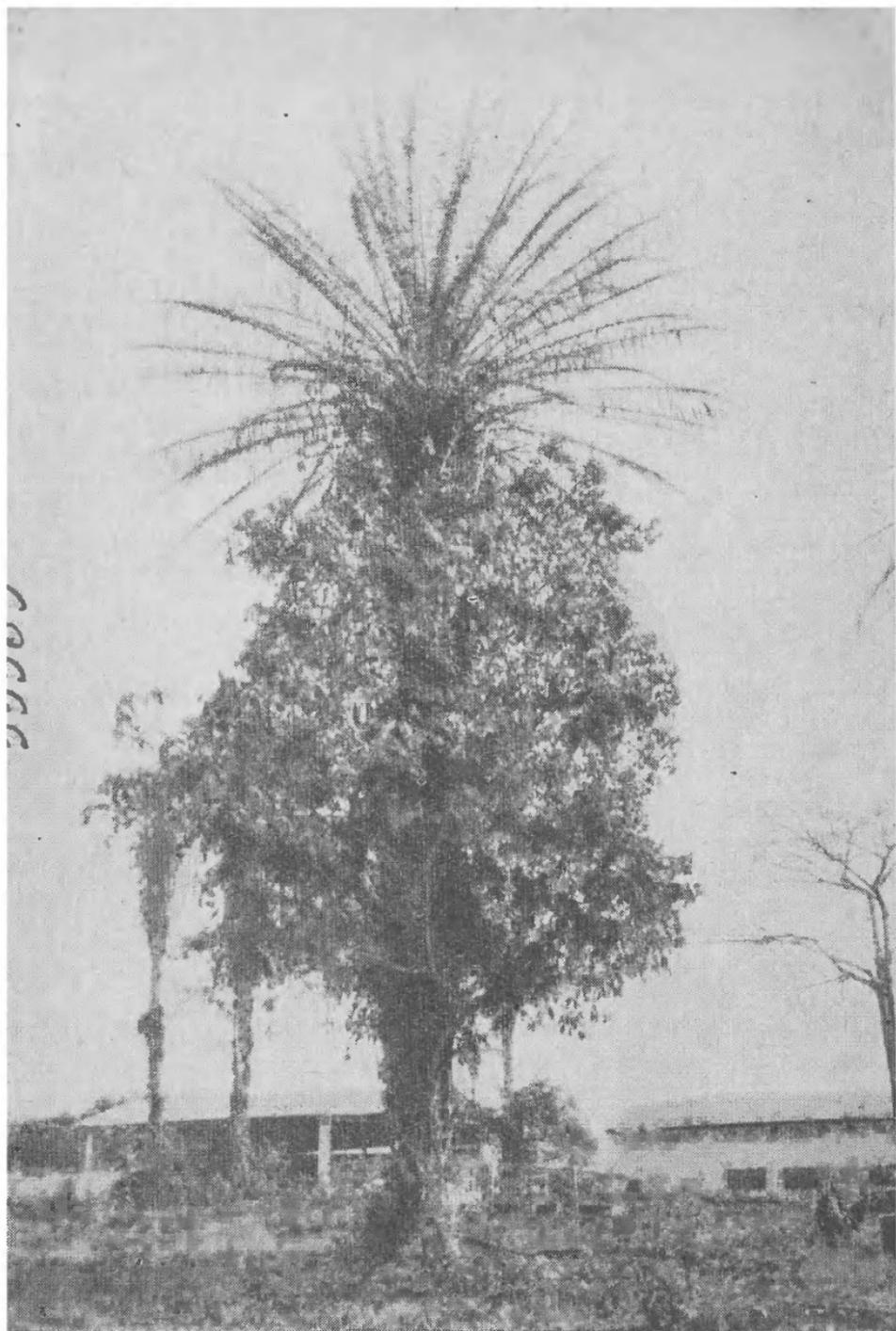
фикусов, но я никак не ожидала встретить на нашей площадке еще один, незнакомый мне вид—*Ficus parasitica*.

В Гвинее этот паразитирующий фикус чаще всего поражает масличную пальму.

Из семени фикуса, случайно занесенного птицами к основанию ствола пальмы, развивается сначала слабое растение, которое ни в какой мере не вредит ей. Но постепенно, разрастаясь и поднимаясь вверх по дереву, фикус опутывает ствол пальмы своими корнями, которые одновременно укрепляются все больше и больше в почве около растения, отнимая у него необходимое питание. Пальма начинает голодать и постепенно хиреет, в то время как фикус, наоборот, все сильнее укрепляется, превращаясь в крупное дерево, которое, словно канатами, охватывает своими корнями ствол погибающей пальмы. И очень скоро вершина пальмы совсем потеряет свою крону или от нее останется один каркас — голые ваи с отходящими от них такими же голыми черенками, которые когда-то были красивым султаном зеленых листьев, венчавших вершину масличной пальмы. Этот вид фикуса вполне оправдывает свое название душителя.

Фигус-душитель. Начало развития у основания
ствола масличной пальмы

Фигус ~~растает~~растается. Пальма голодает
и хиреет

В Гвинее множество пальм страдают от фикуса-душителя, в особенности же масличная пальма, которая слишком часто не только бывает близка к дегенерации и гибели, но и полностью погибает от напавшего на нее фикуса, обрекающего ее на голод.

Однако мое повествование об отеле «Камайенн» не было бы полным, если бы я не сказала несколько слов об океане, которым мы, живущие в отеле, любовались повседневно.

Живописно выглядел его берег, когда ранним утром рыбаки начинали спускать свои лодки, отправляясь за добычей в море. Не менее интересно было наблюдать и как те же лодки под парусами возвращались обратно с уловом. Женщины сбегались тогда к берегу из деревни. Они шли босиком по мелкой воде, подбирая свои паниюбки, подходили к лодкам, заполняли тазы пойманной рыбой и, поставив их на голову, не спеша, длинными вереницами направлялись домой.

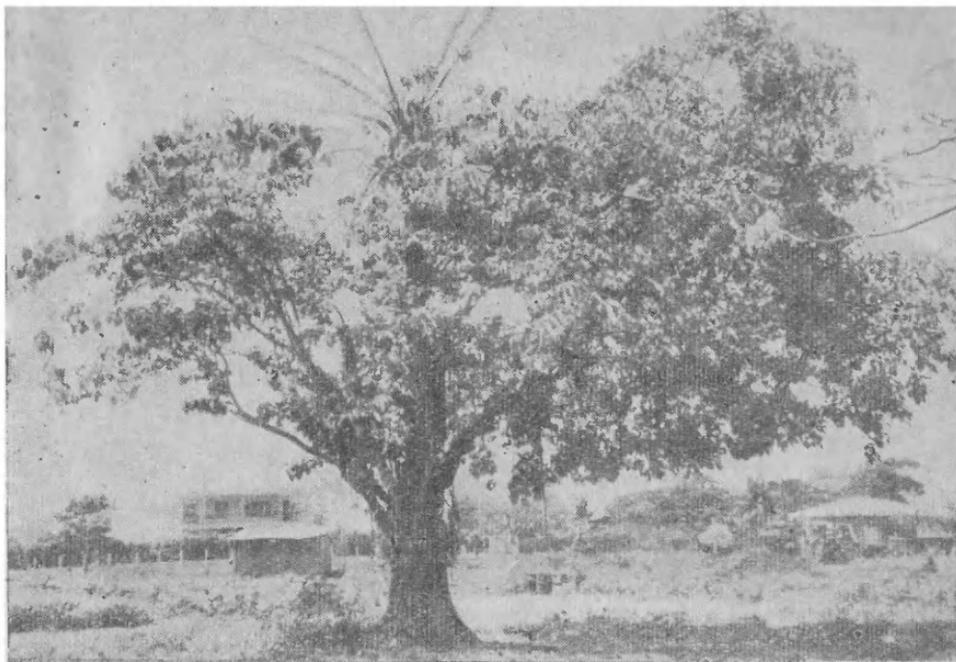
Иной раз в отлив я бродила по обнажившемуся дну океана. Но, должна сказать, что это было далеко не так интересно, как, например, на биологической станции в Мурманске или в Крыму, где мне приходилось работать еще студенткой.

Океан у гвинейских берегов в районе Конакри довольно безжизнен.

Обнажившиеся островерхие, изрытые морем черные глыбы латеритов⁷, в которых, пока они мокрые, не заметишь ржавого цвета железа, были пустынно — ни водорослей, ни «зоологического» населения. Но все же в отлив женщины и дети постоянно бродили по этому черному, мрачному полю, переходя от одной впадины к другой, там, где удерживалась вода. Они вычерпывали и выбрасывали ее тазами как можно дальше, а потом в обмелевшей луже руками ловили мелкую рыбешку или креветок, которые из чистой невзмученной воды тотчас уходят, и тогда их невозможно поймать.

Сначала я с большим вниманием следила за этими собирателями морских даров, но, убедившись в однообразии их находок, перешла на берег соседнего небольшого заливчика, где обнажилась широкая песчаная отмель. И тут я получила большое удовольствие.

Откуда же исходит шорох, услышанный мною, спрашивала я себя, идя по гладкому влажному песку. И не

Пальма, «задушенная» фикусом.
Видны лишь остатки ее голых вай

сразу заметила, что каждый мой шаг обращает в стремительное бегство сонмы каких-то плоских пяточков — двух-трехсантиметровых крабиков, которые вылезли погулять наружу, а теперь в панике, шурша песчинками, удирали от меня молниеносно, бесследно исчезая в своих норках.

Этими небольшими норками, входы в которые были не больше двух сантиметров в диаметре, была занята вся песчаная отмель. Крабики мчались по песку, передвигаясь боком, как это свойственно крабам, и одна из их несимметрично развитых клешней ярко-красного цвета*, несоразмерная по величине с их телом, создавала впе-

* Крабы при быстром передвижении всегда бегут боком, но при медленной ходьбе могут перемещаться и прямо. Почти у всех крабов-самцов, особенно у живущих в норках или раковинах, клешни несимметричны — левая гораздо больше правой и, кроме того, обычно окрашена в ярко-красный цвет. Это способствует привлечению самок.

чатление, что они тянут за собой какую-то цветастую поклажу, чуть ли не больше их самих по объему. Те же из рачков, которых испуг заставлял в норках, продолжали сидеть у входных отверстий с высунутой наружу боевой клешней.

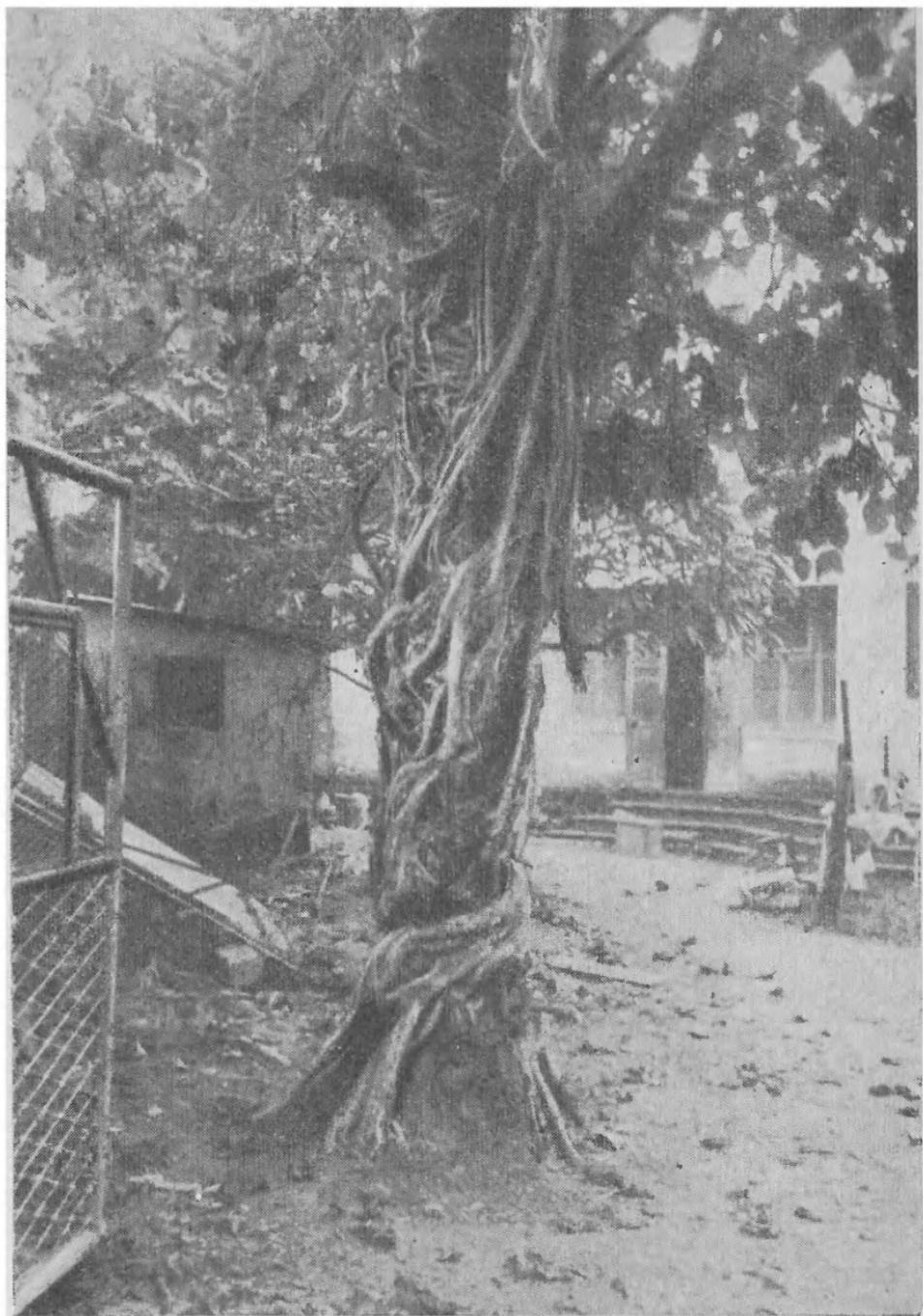
Я пробовала деревянной палочкой задерживать некоторых спасавшихся от меня крабов. Тогда они оставались, принимали боевую позу и уморительно начинали сражаться с палочкой, размахивая своим оружием — большой клешней. Говорят, что рассердившийся крабик может больно ущипнуть.

Продолжая свой путь, я дошла до каменного парапета, огораживающего заливчик. Отлив достиг в это время своего максимума. Около парапета воды совершенно не оставалось, а сам парапет был теперь сплошь усеян так называемыми морскими тараканами (*Idothea*), которые ползали здесь в огромном количестве. Своей темной окраской, величиной и формой сплюснутого тела они действительно напоминали крупных тараканов, но это тоже ракообразные.

Кроме нескольких женщин, мальчишек и меня интерес к тому, что, отступая в отлив, оставил после себя океан, проявили наши старые знакомые — грифы с нашей сейбы. Они прилетели на ту песчаную отмель в небольшом заливчике, где я занималась своими наблюдениями. Но скоро к этой семейной паре присоединились и другие грифы, так что в общей сложности их собралось до пяти или шести. Все они важно и медленно, в развалку, крупными шагами расхаживали по песку, выглядывая поживу.

Надо сказать, что грифы, принадлежащие, как уже говорилось выше, к дневным хищникам, питаются исключительно падалью, в то время как другие, родственные им по семейству представители орлиных, как-то: многочисленные орлы, луны, все ястребы, а также все без исключения соколы (сем. соколиных — *Falconidae*) — потребляют только живую, свежепойманную ими добычу.

Питание грифов падалью связано с тем, что они не способны ловить живую добычу ни на лету, ни на бегу. Для этого у них слишком слабые когти и лапы, такие же, как у птиц из отряда куриных (*Calliformes*). Поэтому им приходится довольствоваться отбросами, которые

Ствол дерева, обвитый фикусом-душителем

они и уничтожают, выполняя роль хороших ассенизаторов.

Наши грифы, например, частенько приносили под свою сейбу мертвых пальмовых крыс или еще каких-нибудь зверьков, которых они обгладывали до костей.

Между собой они делили добычу очень мирно, но с чужаком, пожелавшим принять участие в пиршестве, расправлялись безжалостно.

Мне приходилось наблюдать, как гриф-самец клал чужака «на лопатки», и, хотя тот, распластав крылья по земле, энергично отбивался поднятыми кверху лапами, гриф быстро обращал его в бегство. Самка же обычно не принимала участия в сражении, а только издали наблюдала за происходившим.

Но если дело не касалось пищи, то нередко грифы сообща целой компанией мирно коротали время. Часто их можно было встретить сидящими по нескольку на одном дереве или на коньке крыши какого-нибудь здания, где они располагались по семь-десять птиц в один ряд. Позднее, путешествуя по Гвинее, мне пришлось наблюдать, как перед моим окном в гостинице двадцать грифов устроились вместе на ночлег на общей сейбе.

Это зрелище оставляло внушительное впечатление.

Малиновое закатное небо. На багрово-лиловом фоне ажуром вырисовывалась сейба, а на ее могучих, распростертых ветвях выделялись двадцать темных силуэтов огромных птиц с высоко поднятыми сутулыми плечами, неподвижных, безмолвных, ко всему безразличных. Лишь изредка они поводили головами на длинных, голых, змееподобных шеях.

Торнадо. Это случилось на второй день моего пребывания в Гвинее. Шел конец октября — последнего месяца несколько затянувшегося в этом году в Гвинее летнего, дождливого периода.

Утро и день были ясными. С безоблачного неба нещадно палило тропическое солнце, и ничто, казалось, не предвещало каких-либо перемен в погоде.

Как и всегда под экватором, ночь и на этот раз наступила внезапно. Едва только успели догореть лилово-малиновые краски редкой красоты заката, как на землю опустились непроницаемая, черная ночь и великий покой.

Первое время по приезде в Гвинею я часто выходила по вечерам на берег океана «послушать тишину». Я любила смотреть, как восходит и заходит луна.

В тропиках, на экваторе, лунный серп не стоит, как у нас, вертикально, а лежит обращенный рогами кверху. И со своего балкона в отеле «Камайенн» я всегда видела, как этот серп, словно лодка, покоится перед своим закатом над безбрежной далью темного океана, почти касаясь воды, и освещает узенькую дрожащую водную дорожку, устремив свои рога в небо. Это всегда было для меня необычно, загадочно и уносило в мир фантастики.

Но на этот раз спокойствие и безмолвие ночи продолжались недолго. Внезапно, точно сцена под опускающимся занавесом в театре, небо задернулось черной тучей. Словно зарницы стали вспыхивать над океаном. Они освещали горизонт, а по этому фону пробегали змейки молний — и вертикальные, и горизонтальные, и петлеобразные, и прямые, и завитые фестонами или спиральями. Они вычерчивали на небосклоне то арки, то круги.

Через несколько минут уже все небо полыхало. Полукружие небесного свода, видимое от меня с балкона, освещалось вспышками света такими яркими, что часто приходилось закрывать глаза. На стыке океана с небом текла словно огненная река, в которую при вспышках падали блестящие змеи молний.

Временами точно огненные пауки появлялись на небе в зените и спускали во все стороны свои ноги, к багровому горизонту. По небу прокатывались клубы огненного пара. Казалось, их выкидывают невидимые паровозы, с грохотом проходящие под прикрытием темной тучи. Порой словно страшные взрывы сотрясали воздух.

Это была вакханалия огня в небе. Брызги молний не только разлетались по небу над океаном, но и захватывали всю видимую небесную сферу. Яркой широкой полосой вспыхивал горизонт над морем. По временам океан освещался как днем, и была видна прибойная белая пена, а потом снова — кромешная тьма.

Это было непередаваемо грозно и захватывающе великолепно.

Грифы всполошились на сейбе перед отелем — вытянули шеи и замерли неподвижно.

Вдруг одна широкая ослепляющая полоса пересекла все небо над горизонтом и опустилась в глубь океана. И я подумала, что, может быть, именно такие явления природы были источником поэтических рассказов некоторых африканских племен, в которых утверждается, будто «вот эта река упала с неба, а до этого она была молнией» (об этом упоминает в своих очерках корреспондент «Известий» Н. Хохлов).

Но вот откуда-то долетел первый порыв ветра. Второй был сильнее. Третий разбудил нашу красавицу сейбу на площадке перед отелем. Она ожила и заговорила, закачала из стороны в сторону своей вершиной, зашумела могучей кроной, зашевелила своими ветвями-стволами. И мне стало страшно...

Ведь сейбы — это не наши гибкие березки, дугой склоняющиеся перед порывами ветра. Это — гиганты, колоссы. Они не сгибаются, они могут только ломаться. И я стала ждать, что вот-вот рухнет, расколется на куски наша сейба. Так и случилось в ту ночь, только не у нас на площадке отеля, а у входа в порт рухнула одна из самых больших сейб в городе Конакри.

Гром грохотал непрерывно, но вдруг до меня донесся какой-то другой, особенный шум — шум низвергающегося с высот водопада. Я никогда не слыхала и не представляла себе, что так может шуметь дождь. Сплошная водяная стена закрыла все. Это был страшный, тропический ливень. Ливень с ураганом — по-местному он зовется торнадо. Торнадо срывает крыши с домов и хижин, рушит деревья, смывает дороги, превращая их в глубокие (до метра) бурлящие реки. Тогда останавливается транспорт, разрушаются постройки, гибнут люди. Эту стихию обуздать невозможно.

Ливень продолжался часа три. Во всем городе погас свет. Я сидела в темноте, но это только помогало мне сильнее воспринимать все величие, всю грандиозность и красоту торнадо, несмотря на страх перед происходящим.

Торнадо — это Гвинея, это могучие, грозные силы ее природы, думала я.

Никто в отеле не ложился спать в ту ночь. А наутро снова засияло солнце, и только погибшая, сломленная у входа в порт сейба напоминала о пронесшемся урагане.

Брожу по Конакри. С нетерпением жду завтрашнего

дня. У меня завтра нет лекций, и наконец-то я смогу провести хоть целый день в Конакри, осматривая город и впитывая аромат еще незнакомой мне западноафриканской жизни. Как же это будет увлекательно, предвкушаю я свои впечатления!

Наш отель «Камайенн», как говорилось, находится на окраине города. Такси довозит меня до центра.

Большая часть Конакри расположена на острове Томбо, который в свое время искусственной дамбой был соединен с материком.

На материке помещаются Политехнический институт, среднее учебное заведение — лицей, несколько начальных школ, отель «Камайенн», Ботанический сад, госпиталь, стадион, некоторые посольства, много вилл и более скромных частных жилых домов.

Все ведомственные и общественные учреждения, магазины, рынки, кино сосредоточены на острове.

Такое размещение главной части города на острове становится понятным, если вспомнить, что Конакри еще недавно был маленьким городком и лишь после провозглашения независимости Гвинеи в 1958 году необычайно быстро разросся в сторону материка.

Такси везет меня как раз по дамбе, соединяющей остров с материком. В некоторых местах она настолько узка, что океан виден с обеих сторон.

Конакри имеет двести тысяч жителей (данные на 1965 год) и занимает относительно большую площадь. Город довольно разнороден. Наряду с центральной частью, застроенной европейскими домами, в городе немало улиц с низенькими одноэтажными постройками из необожженного кирпича-сырца, выбеленными снаружи и часто покрытыми соломой злаков, растущих в саванне⁸. Каркасом же для крыш при этом обычно служат длинные прочные стержни больших листьев разных видов пальм, например рафии или какой-либо другой, если рафия не встречается в данном районе. Крошечные окна прорезают стены таких жилищ.

Эти домики в сущности те же самые казы, то есть хижины, лишенные каких-либо элементарных удобств, в которых живет местное население вне городов.

Европейские здания в Конакри большей частью двухэтажные, но изредка попадаются дома высотой до восьми-десяти этажей.

Главное место в центре города занимает дворец президента — скромный двухэтажный белый дом, к которому сзади примыкает сад, выходящий на океан. Перед дворцом площадка с невысоким постаментом. На нем по-французски золотыми буквами выгравировано «Площадь Республики». Площадка с обеих сторон засажена огромными деревьями кайями⁹. С могучих ветвей некоторых из них сплошной бахромой свисает оленерогий папоротник. Его листья, рассеченные наподобие ветвистых рогов оленей, красиво декорируют деревья.

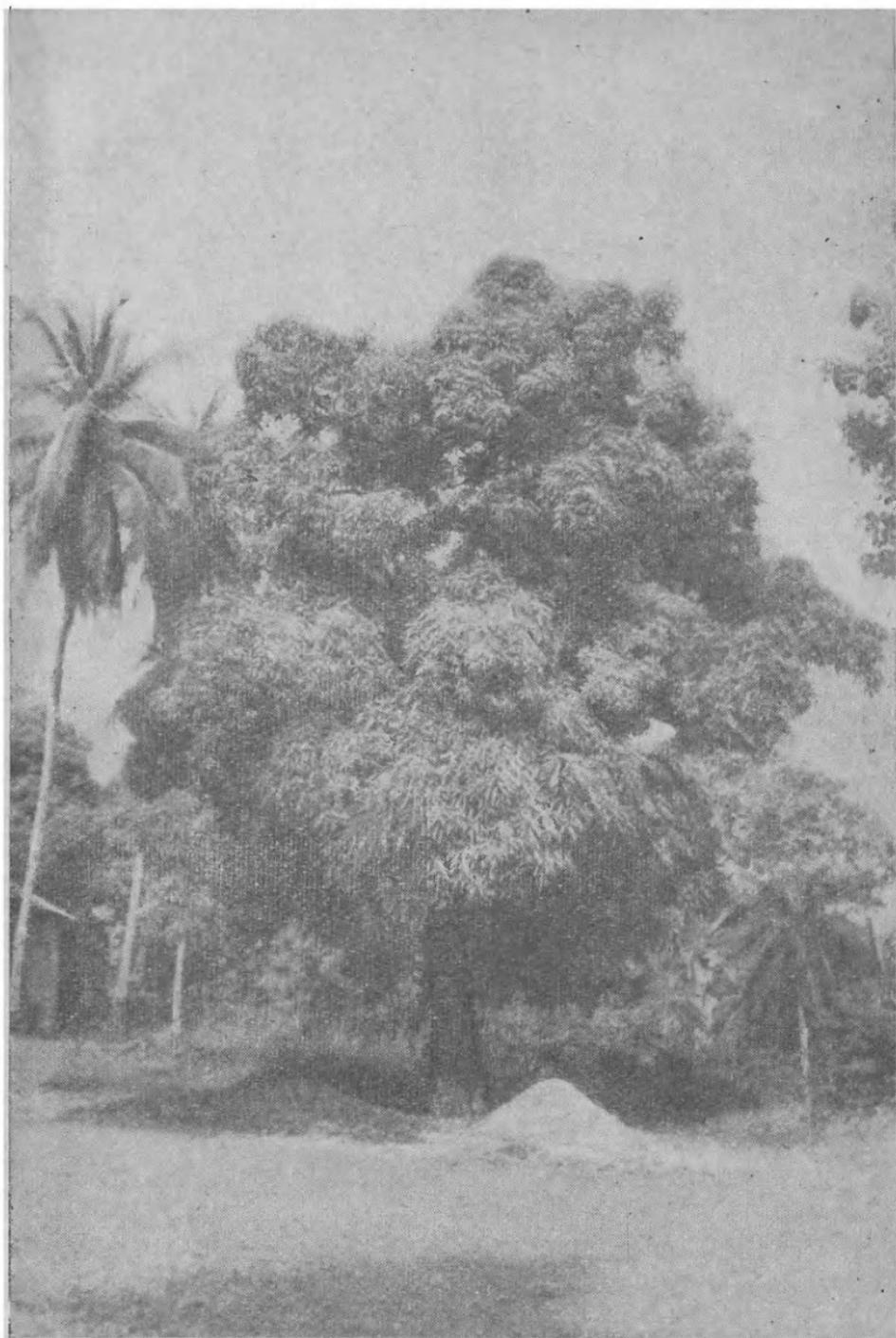
Дальше от дворца, за площадкой, проходит широкая улица — аллея, обсаженная высокими, густолиственными деревьями манго¹⁰, вершины которых, переплетаясь между собой, образуют сплошной свод, дающий постоянную тень даже в полдень.

Эта аллея в одну сторону продолжается по направлению к католическому собору и выходит к морю. В другую — идет мимо Площади мучеников с памятником жертвам колониализма. На памятнике надпись: «Гвинейская Республика — жертвам колониализма». Около этой площади растет самая высокая в Конакри сейба.

Очень хороша в городе набережная, которая тянется на большом расстоянии вдоль моря. Усаженная с обеих сторон кокосовыми пальмами, набережная очень живописна. Здесь помещается отель «Франция», не менее комфортабельный, чем «Камайенн».

Пройдя от отеля по набережной несколько дальше в направлении от центра, мы любуемся гигантскими сейбами, украшающими морской берег. Затем ближе к рыбному рынку мы видим груды бананов, наваленных прямо на улице для оптовой продажи. Далее мы выходим к мысу, врезающемуся в пенистые прибойные волны открытого океана. Здесь помещается городской музей.

С мыса открывается широкий вид на острова Лос. В дальнейшем нам удалось посетить четыре из них (Касса, Тамара, Соро, Рум) и очень близко пройти мимо прилегающего к Руму еще одного маленького очаровательного островка. Живописно разбросанные по водному простору острова Лос очень украшают и оживляют вход в гавань Конакри.

Дерево манго

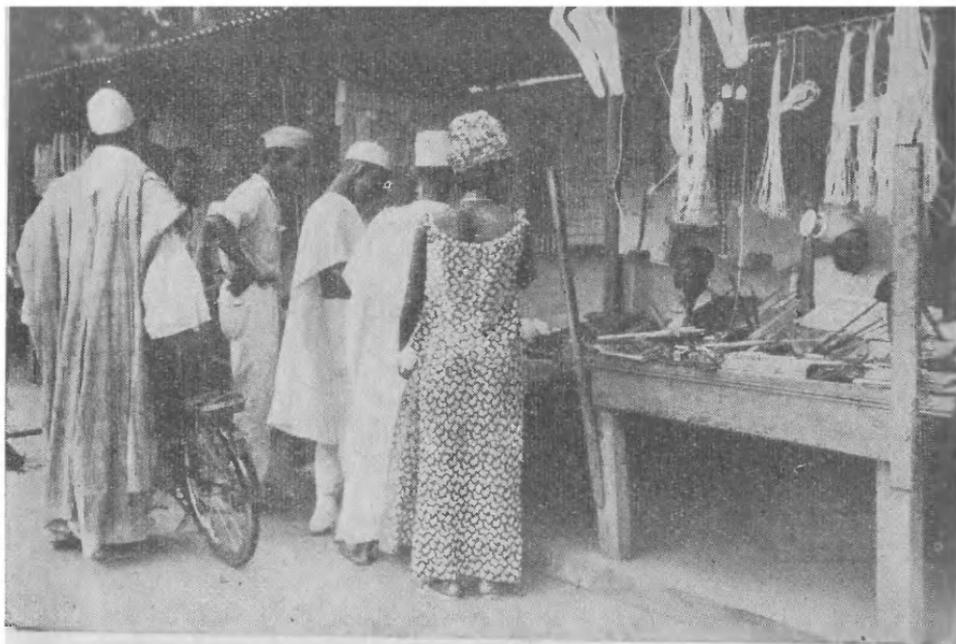
Груды бананов на улице около рынка
для оптовой продажи

Недалеко же от гавани, тоже к Гвинейскому заливу, выходит один проезд, обсаженный деревьями с латинским названием «королевская поинциана», или, иначе, «королевский делоникс», из семейства цезальпиниевых¹¹.

Мне пришлось встретить в Гвинее начало дождливого сезона. Первыми возвестили приход лета серебряными колокольчиками, зазвенев, перекликаясь между собой лунными ночами, маленькие лягушки (из сем. Ranidae) на влажных западинках около «Камайенна». Это было 28 февраля.

И тогда-то, вслед за этим первым сигналом, возвещающим приближение лета, начали цвести деревья. Шапки белых, желтых, розовых, оранжевых, лиловых, ярко-красных цветов покрыли их ослепительными коврами. Словами нельзя передать силу захватывающего великолепия этих буйных тропических красок.

Но все же пылающим назвали лишь одно дерево сре-

Вещевой рынок

ди всех — упомянутую выше «королевскую поинциану» с ее цветами-огнями. И мне почудилось, что пожаром горела аллея из ее деревьев, выходящая к океану, когда я туда попала.

Но вот мы приближаемся к району центральных рынков. Их в городе четыре. Ближе к морю расположен специально рыбный рынок, куда рыбаки непосредственно доставляют свой улов на продажу.

Из трех остальных центральных рынков наибольший по территории представляет собой длинную цепочку ларьков, торгующих самыми разнообразными предметами — готовой одеждой, тканями, посудой, письменными принадлежностями, мылом, соломенными шляпами, шарфами, корзинами, плетеными из пальмовых волокон, и другими товарами.

Каждый ларек под навесом — это своего рода миниатюрный универмаг. Тут же рядом на воздухе за швейными машинами сидят портные, которые шьют все, что пожелает покупатель, а красильщики могут и материал покрасить.

Рядом с этим рынком помещается другой, где торгуют мясом, соленой рыбой, зеленью, маслом, яйцами. Надо сказать, что яйца в Гвинее очень мелкие.

В отличие от наших рынков на здешних не продают никаких молочных продуктов и даже молоком не торгуют. Объясняется это тем, что гвинейские коровы дают очень мало молока — не более одного-двух литров в сутки и только в виде исключения — четыре, в то время как высокий удой наших коров в сутки может доходить до тринадцати-семнадцати литров.

Понятно, что при таких удоях потребление в Гвинее молока и молочных продуктов почти исключается.

Третий центральный рынок в Конакри торгует исключительно фруктами и овощами. Здесь вы найдете все, что растет на гвинейской почве.

Прямо на земле навалены горы оранжевых апельсинов, желтых лимонов, пестрых ананасов, масса бананов и кокосовых орехов. На деревянных стойках разложены желто-зеленые манго — самые сочные, сладкие и нежные, на мой вкус, тропические фрукты. Рядом выставлены плоды папайи¹², по внешнему виду похожие на небольшие дыньки. Они очень приятны на вкус, как свежие, так и вареные — в компотах. Родина папайи, или дынного дерева, — Америка. В Африку оно попало в XVIII веке.

Продаются также небольшие пучки крупных пестрых семян, так называемых орехов колы¹³, снимающих усталость.

Но ни яблок, ни винограда, ни груш, ни слив не увидишь. В тропиках они не растут. Им здесь жарко. Да и апельсины и лимоны в тропиках мельче, кислее и не так ярко по цвету кожи, как выросшие в субтропическом климате. В тропиках им вредят избыток тепловых лучей и недостаток ультрафиолетовых.

Вообще же, с моей точки зрения, тропические фрукты уступают по разнообразию, вкусовым качествам и аромату тем фруктам, которые выращиваются в СССР.

Ассортимент овощей также отличается от привычного для нас. Между тем в питании населения районов Тропической Африки большую роль играют крахмалосодержащие корнеплоды. Но картофель, например, в районе Конакри не сажают; картофель здесь лишь привозной, мелкий, из местечка Мали на севере Гвинеи. Развести

Плантация дынного дерева — папайи.
Плоды на стволе (каулифлория)

его в равнинной прибрежной Гвинее не удалось из-за высокой температуры, но в более гористой части страны, в окрестностях Далаба, первые опыты по выращиванию картофеля оказались удачными. Пока же картофель заменяется целым рядом других овощей, близких к нему как по своим питательным качествам, так и по вкусу.

Таковыми овощами был завален рынок, на который мы пришли. Назовем прежде всего маниок¹⁴, батат, или сладкий картофель¹⁵, ямс¹⁶ и таро¹⁷.

Клубни всех перечисленных растений были или объемистыми образованиями, имеющими неправильную кругло-овальную форму, несколько напоминающую картофель, но только большей частью гораздо крупнее, или походили на вытянутые, палкообразные, толстые, суковатые отрезки стволов кустарников и деревьев. В каждом гвинейском хозяйстве около дома всегда можно было увидеть посаженным какое-нибудь из названных овощей.

Все перечисленные растения, кроме таро, — истинные корнеплоды. Вместителями запасных питательных веществ: крахмала, сахара и др. — служат у них утолщенные видоизмененные корни, преимущественно боковые. И лишь у таро клубни образуются на окончаниях корневищ, которые, как известно, представляют собой видоизмененные стебли.

В общем, надо сказать, что овощной рынок выглядел бы довольно однотипно и скучно, если бы не оживляло его большое количество красного перца, помидоров и корзин с крупными грушеобразными зелеными авокадо¹⁸, служащими прекрасной закуской к ужину и обеду. По обилию витаминов авокадо не имеет себе равных в растительном мире.

Еще бросаются в глаза огромные, величиной с голову человека, соплодия масличной пальмы, утыканные темно-красными плодами, похожими по форме и величине на финики, которые местное население ест сырыми или вываривает из них пальмовое масло, идущее в пищу. Говорят, что оно лучше нашего подсолнечного.

Но вот капусты и огурцов нигде не было. Увы, они не любят тропиков. Капусту только начинают сажать на опытных участках.

Рыбный рынок находится несколько в стороне от трех, расположенных в центре города. Он тоже очень

интересен, особенно если попасть туда вскоре после доставки на него пойманной в море рыбы. Здесь можно увидеть огромных скатов, мелких акул, употребляемых в пищу, и некоторых уродливых морских крупных и мелких рыб. При удаче можно подивиться на рыбу-пилу и на молот-рыбу.

В общем, впечатлений от посещения четырех рынков в Конакри осталось очень много. Все они красочны, яркие, наполнены говором, смехом, всюду спорят, торгуются, приходят, уходят, покупают. Это калейдоскоп не только товаров, но и людей.

Но есть еще один, особый вид уличной торговли в Конакри. Это так называемый «уродный ряд», состоящий из четырех-пяти открытых ларьков. Откуда же произошло такое название? Видимо, от слова «урод», хотя торгует этот рынок интереснейшими вещами: резными из дерева статуэтками, куклами, масками, различными местными кустарными изделиями, но нередко можно увидеть здесь и шкуры питонов и другие редкостные вещи.

Меня особенно привлекали сюда подписанные рисунки африканских художников на листках черной бумаги среднего размера. На них с необыкновенной лаконичностью передавались форма, движение и внутреннее содержание изображаемого. Я не назвала бы эти рисунки абстрактными. Они были реалистичны, но необыкновенно оригинальны по своему восприятию внешнего мира. Несколько линий, несколько мазков — и перед вами вставало реальное и в то же время почти фантастическое, притягивающее к себе изображение. Краски же рисунков всегда были яркими, но не назойливыми и не вульгарными.

От этих простых ларьков, где продавались названные завораживающие вас рисунки, было трудно оторваться. Все здесь вызывало интерес, все волновало, все хотелось внимательно посмотреть и запомнить.

В дальнейшем нам пришлось познакомиться, частично на месте, частично уже по литературе в Москве, с изумительной резьбой африканских умельцев по дереву, со всемирно известными бронзовыми скульптурами Бенина¹⁹ и замечательными масками различного назначения, созданными многочисленными племенами Тропической Африки.

Многое, очень многое можно было бы написать о замечательном и очень разностороннем африканском искусстве.

Но описание впечатлений от всего виденного и очерпнутого из литературы выходило бы за пределы тематики настоящей книги, и поэтому мы скажем лишь очень немного о том художественном творчестве африканцев, которое так пленило нас, когда мы бродили по гвинейским рынкам, в Конакри.

Те скромные, но полные обаяния, чудесные, яркие рисунки на листах черной бумаги, о которых только что было упомянуто, служили образцами художественной школы Пото-Пото, знаменитой в настоящее время не только в Африке, но и в Европе и в Соединенных Штатах.

Это своеобразное искусство, «открытое» на рубеже XIX и XX веков, своими истоками имело, возможно, народную живопись пигмеев, живущих и в настоящее время в тропических лесах реки Итури, притока Конго. Постепенно из указанного «открытого» искусства возникла своя оригинальная школа Пото-Пото, которую возглавил французский художник Пьер Лодс.

Сейчас художники Пото-Пото сами управляют делами своей организации, сохраняя уважение и признательность к «мэтру», как они называют Лодса, за то, что он никогда не навязывал им иноземных методов и чуждых концепций.

Но что означает Пото-Пото?

Таково наименование одного из африканских районов в Браззавиле — столице Конго. В переводе Пото-Пото означает песок или песчаный пляж, косу. Дело в том, что первоначально стесненные в средствах художники новой школы были вынуждены обосноваться на правом берегу реки Конго, разделенном многочисленными водными протоками, впадающими в океан, на множество мелких островков. Вот эти-то мелкие островки, издавна получившие наименование *вога*, или *poto-poto*, и дали название новому своеобразному, художественному стилю.

Но вернемся к нашему обозрению Конакри. Посмотрим, что делается на улицах столицы Гвинеи. Жизнь улиц с вереницами проходящих людей тоже требует к себе внимания, она тоже отражает в себе жизнь стра-

Группа женщин на улице в Конакри
в повседневной одежде

ны. И тем интереснее было вглядываться в лица прохожих и угадывать их мысли, вкусы, заботы.

Улицы Конакри не очень шумны; это и понятно — здесь мало громахающих трамваев и троллейбусов. Автобусы тоже почти отсутствуют, такси же по сравнению с другими видами транспорта вносят меньше шума и суеты. Но людей на улицах Конакри все же много, и, одетые в яркие и лестрые одежды, они украшают город, словно цветы.

Преобладают женщины. Мужчин меньше. Большинство из них работают в учреждениях или заняты торговлей в ларьках и магазинах. А женщины реже связаны службой, равно как и торговлей, занимаясь ею в основном только на продуктовых рынках.

Я любила проходить по улицам Конакри рано утром и любоваться редкими фигурами идущих женщин.

Надо сказать, что гвинейские женщины привлекательны: высокого роста, стройные и тонкие, с чертами лица, часто близкими к европейским, с живыми веселы-

ми глазами, с уверенной, гордой осанкой, они невольно обращают на себя внимание. Гвинейки кокетливы. Их манера одеваться подчеркивает те преимущества, которыми их наделила природа.

Вместо юбок они носят так называемые пани, то есть куски ткани, которые не сшиваются, а только запахиваются сбоку и заправляются за пояс. Обернутые вокруг узких бедер пани красиво облегают фигуру.

Кофта, или камизоль, иногда свободно спускается с плеч до пояса, но чаще — это облегающий фигуру лиф, без рукавов, туго затянутый на спине молнией и глубоко вырезанный спереди и сзади. От лифа, от талии отходит вниз короткая, имеющая в ширину не более двадцати сантиметров, сборчатая или складчатая оборка.

На голове у женщин всегда высокие повязки. Повязки делаются из двух платков. Нет предела разнообразию фасонов этих повязок, украшающих гордо поставленную голову гвинейки. Но все же и на них существует известная мода. Мне рассказывали, что тот или иной фасон повязки имеет свое название.

Девочки повязок не носят, их короткие, курчавые, жесткие волосы матери заплетают в вертикально стоящие косички, которые, словно рожки, торчат во все стороны.

Мне довелось видеть, как делается такая прическа. Гребнем волосы разделяются на участки. Каждый участок обвязывается внизу толстой черной ниткой, которая затем вплетается в волосы. Этой же ниткой спирально, без пропусков, туго обвивается конец заплетенной тоненькой косички, так же как у нас обметывают петли. Для того чтобы сделать такую прическу, нужно потратить час времени, а сохраняется она неделю.

В зависимости от того, к какому племени принадлежит девочка, рядочки, разделяющие волосы на голове на участки, могут или располагаться параллельно друг другу, или образовывать квадратики, или расходиться от затылка звездой во все стороны.

На ногах у женщин сандалии и никогда никаких каблуков — увеличивать свой рост им не надо.

Иногда в торжественных случаях женщины надевают сверху так называемые бубу. Это два широких полотнища, скрепленных складками на плечах и стаченных с боков от пояса до пола.

Праздничная одежда женщин — бубу

В городах женщины никогда не ходят обнаженными, но в деревнях изредка мне приходилось видеть молодых девушек, до пояса не прикрытых одеждой. Один раз я встретила такую девушку на берегу моря в окрестностях Боффа. Она несла на голове большую вязанку хвороста и была красива в своей наготе.

Гвинейские женщины никогда ничего не носят в руках, а исключительно на голове. И чего только не кладут и не ставят на голову гвинейки, начиная от совершенно легких, невесомых вещей и кончая поклажей до пятидесяти килограммов весом.

Вы можете увидеть женщин, несущих на голове подносы с бананами, тазы, доверху заполненные апельсинами, ведра и кастрюли с водой, табуретки, большие узлы, вязанки дров или палок до метра длиной, корзины с бутылками.

Вместе с тем на голове с совершенно непонятной, необъяснимой и загадочной устойчивостью может, пока-

Гвинейки все носят на голове

чиваясь, удерживаться и одна тарелка с едой, завязанная в платок, и одинокая, стоймя поставленная, кошелка, и одна бутылка, и один положенный на голову зонтик, и одна маленькая банка с консервами.

Мне приходилось видеть, как школьницы, расходясь после занятий, болтая и толкаясь или идя друг с другом в обнимку, несли на головах портфели или книги, причем один раз на стопке книг был даже поставлен пенал.

Возможно, что этот обычай все носить на голове и выработал у гвинейских женщин ту гордую посадку головы, которая так их красит.

Детей женщины тоже никогда не носят на руках, а подвязывают широкой полосой какой-либо ткани на спине у талии так, что ребенок сидит верхом на бедрах матери и при желании может вертеть головой и руками во все стороны. Но очень часто в такой позе ребенок и просто спокойно спит.

Надо заметить, что матери не обращают никакого внимания на привязанного за спиной ребенка — они без всякой осторожности двигаются, наклоняются, поверты-

ваются, исполняя какую-либо работу. Ребенок же при этом болтается из стороны в сторону, головка наклоняется то вбок, то опрокидывается назад, то бьется о спину матери. Если же ребенок плачет, то и на это мать тоже никак не реагирует. А если ребенок очень маленький, то его головка даже не видна из-под повязки, которая держит его у пояса матери, и он сидит там, как в рюкзаке. Кормят женщины детей грудью не стесняясь, у всех на виду.

Скажем теперь несколько слов о тканях для женских платьев. В этом случае фантазия, в смысле как расцветок, так и рисунков, не знает границ. Возможно, это и закономерно, так как яркие цвета и броские рисунки более созвучны с солнцем и тропическим пейзажем Гвинеи, чем расцветка наших, может быть даже до некоторой степени скучная для тропических красок.

Итак, представьте себе, что перед вами бесчисленное количество кусков различных тканей для женской одежды.

Возьмем первый из них — черные и синие птицы летят по ярко-желтому фону.

Во втором — огромные белые рыбы плывут по темно-синей воде.

В третьем — раскрытые большие розовые зонтики несутся куда-то ввысь.

А дальше? А дальше — сорокасантиметровые крапчатые цесарки бегают по одноцветному полю.

Зеленые попугаи смотрят на вас голубыми глазами.

Луна и звезды рассыпаны по черному фону.

Желтые сердца заполняют черный фон.

Светлая материя, и на ней черные магнитофонные пластинки с надписью «твист».

Светлый фон сплошь покрыт большущими, удивленно смотрящими на вас, темными глазами.

Черный материал украшают или рассыпавшиеся белые ключи разной величины, или белые же буквы алфавита.

По кайме материи для пани важно шагает целый караван верблюдов.

Петухи, жирафы, тридцатисантиметровые пестрые бабочки, белые голуби, огромные ананасы — в расцветках резко контрастных к тому фону, на котором они изображены.

И наконец, круглые, сантиметров до пятидесяти в диаметре портреты Секу Туре и других политических деятелей Гвинеи, размещенные на тканях различных цветов.

Мужчины одеты скромнее и проще. В Конакри как на улицах, так и в учреждениях многие из них ходят в европейской одежде. Часто вы можете встретить мужчин в брюках и выпущенных сверху длинных белых рубашках.

Но все же, пожалуй, большинство предпочитают почти до земли длинную одежду с небольшим разрезом на груди, с расширяющимися книзу рукавами и с одним или двумя карманами выше пояса. Носят и бубу — такие же, как женские, только стаченные не более как на двадцать пять-тридцать сантиметров от пола. На такое бубу идет не менее десяти метров ткани, и чаще всего его надевают в пятницу. Пятница у мусульман, или так называемая жума, отмечается не в честь или воспоминание какого-либо святого или события, а это день, специально посвященный объединенной, общей молитве, которая обычно происходит в двенадцать часов дня на открытом воздухе, но иногда и в мечети. Женщины тоже могут принимать участие в такой молитве, располагаясь рядами, как мужчины, но только всегда сзади них. Вообще же каждый правоверный мусульманин должен молиться пять раз в день: на рассвете, в полдень, часа в три дня, на закате солнца и вечером, после того как погаснет заря и стемнеет. Надевается бубу также и в другие праздничные дни.

Расцветка бубу может быть самая разнообразная, но чаще всего носят одноцветные бубу — белые, розовые, лиловые, или же полосатые. Наиболее распространены белые бубу. Темные встречаются реже.

Часто мужчины надевают на голову небольшую фетровую шапочку или же пользуются матерчатым, довольно высоким, цилиндрической формы убором, большей частью белого цвета.

Мужчины в отличие от женщин никогда не носят на голове вещей домашнего обихода. Но более тяжелую поклажу, например большие кули, вязанки дров, они переносят, как и женщины, на голове. Изредка мне это приходилось наблюдать во время путешествий по стране, но почти всегда вне пределов городов. Говорят, что

Праздничная одежда мужчин — бубу (две фигуры на переднем плане) и каждодневная (фигура справа от них)

таким способом мужчины способны нести груз до ста килограммов весом.

Проделав описанный маршрут по городу и сочтя, что за один день я уже получила достаточно интереснейших для меня впечатлений и наблюдений, я направилась потихоньку пешком в «Камайенн», стараясь, однако, запомнить по дороге все, что привлекало мое внимание.

И вот сразу же, выйдя за пределы центральной части Конакри, я заметила, что какие-то белые предметы разостланы на многих лужайках, а иногда и просто на земле около тех домиков-каз, о которых уже говорилось раньше. Оказалось, что таким образом в Гвинее сушат выстиранное белье. Его не развешивают на веревках, как у нас, а расстилают прямо на земле. Тропическое солнце достаточно быстро высушивает ткань, а вместе с тем до известной степени и дезинфицирует ее.

Но снова через несколько шагов я остановилась. Мое

внимание привлекли мальчики семи-восьми лет, рядочком сидящие и старательно что-то обводящие краской на небольших деревянных досках, которые они почтительно держат в руках. Я подошла к ним и стала расспрашивать, что они делают. Это были школьники; они знали французский язык, что позволило легко с ними объясниться.

Оказалось, что на досках вырезаны по-арабски стихи — выдержки из Корана²⁰, которые должны выучить наизусть эти дети. В Гвинее свыше восьмидесяти пяти процентов населения мусульмане. Каждую пятницу, проезжая в обеденное время из «Камайенна» в нашу столовую в городе, мы могли наблюдать, как мужчины, все в праздничных белых бубу и белых же шапочках, стоят на молитве двумя длинными рядами на противоположных сторонах одной из боковых улиц.

Позднее такое же уважение к религии я замечала, присутствуя на молениях во время мусульманских праздников, которые мне довелось наблюдать в Гвинее. А путешествуя по стране, я могла видеть, как водитель нашего автобуса на закате солнца всегда останавливал машину, чтобы расстелить циновку и в течение получаса помолиться Аллаху.

Еще один пройденный квартал — и вдруг неожиданно стайка гвинейских ребятишек, в трусиках, один другого меньше, с задорными рожицами, неудержимо радостных и веселых, выбегает мне навстречу. «Все хорошо!», «Все хорошо!» — вопят они по-французски. Надо сказать, что гвинейские малыши чрезвычайно симпатичны. Они не навязчивы, не пристают и не надоедают вам никакими просьбами, и поэтому устоять против их жизнерадостного, искреннего и бескорыстного восторга при встрече с вами совершенно невозможно, особенно когда они начинают здороваться, протягивая вам свои крохотные ручонки.

Но постепенно мой путь приблизился к концу. Вот и отель.

Однако что же это делается у нас на площадке перед входом? Почему такое стечение народа вокруг какого-то человека, который держит в руках большой холщовый мешок, где что-то энергично ворочается, изгибаясь? Подхожу и узнаю — местный житель принес в отель продавать пойманного им питона²¹. Заглядываю с

любопытством в мешок. Там большая змея длиной примерно в два метра и сантиметров тридцать-сорок в поперечнике. Она неяркой раскраски с темноватыми, грязно-желтыми пятнами по всему телу. Владелец питона рассказывает, что поймал его в лесу, недалеко от «Камайенна».

Питонов вообще в Гвинее очень много. В одно из воскресений двое наших преподавателей из Политехнического института ездили ловить рыбу, и им повезло увидеть двух питонов. Один лежал, вытянувшись, на суку дерева и подстерегал добычу, а другой поместился рядом с ним на соседней ветке, обвившись вокруг нее.

Питонов покупают ради их красивой кожи, но они также идут и в пищу. Жареные питоны очень вкусны, напоминая по вкусу цыплят, только их мясо нежнее.

Питоны считаются безвредными. Их иногда держат в домах и кладовых, чтобы они истребляли крыс. Такие питоны часто становятся совсем ручными. Считается также, что питоны отпугивают ядовитых змей. Рассказывают, что, приживаясь в домах, они как няньки оберегают детей от ядовитых змей.

Интересный случай произошел с питонами в доме, где квартировали сотрудники нашего Политехнического института. У кого-то из жильцов исчезли два живших у него питона. Змеи, забравшись на чердак, поселились там и начали шуметь. Жильцы сначала думали, что их беспокоят крысы. Но однажды кто-то из квартирантов, выдвинув ящик своего комода, с удивлением и понятным испугом обнаружил в нем свернувшуюся в клубок змею. Оказалось, что один из исчезнувших питонов спустился с чердака и устроился в понравившемся ему ящике. После этой находки все шумы на чердаке прекратились.

Питаются питоны главным образом млекопитающими, а также птицами, большими ящерицами и жабами. Крупные могут заглатывать таких животных, как шакалы, леопарды, молодые кабаны и т. д. Питоны поменьше довольствуются мелкими млекопитающими, птицами, а молодые особи — ящерицами и насекомыми.

Добычу они ловят, хватая ее зубами и одновременно сжимая кольцами своего тела. Проглоченная добыча переваривается постепенно и медленно, обычно в течение четырех-пяти дней.

Позволю себе добавить к рассказанному, что, несмотря на очень распространенное мнение, что питоны безобидны, в специальной литературе все же есть указания на случаи, правда редкие, нападения очень крупных питонов на человека. Так, Р. Бломберг, профессиональный зверолов, поставляющий живых змей, крокодилов, черепах и ящериц различным зоопаркам, в своей книге «Змеи-гиганты и страшные ящеры» (М., 1966), ссылаясь на голландского зоолога Феликса Копштайна, рассказывает о двух случаях нападения питонов, закончившихся гибелью людей: шестиметровый питон заглотал четырнадцатилетнего мальчика, а десятиметровый — взрослую женщину.

Кроме того, автор этой популярной книги сообщает, как в Индонезии один из рабочих его партии, отправившись на охоту, едва спасся от удава. Пробираясь через джунгли, он слишком поздно заметил огромного питона на ветке дерева, который молниеносно бросился на него сверху, обвил и начал душить. Охотнику удалось отбиться от змеи, но все же у него оказались сломанными несколько ребер, и он долго болел.

Питоны яйцекладущи. Самка из породы крупных питонов может откладывать до ста семи яиц (величиной до девяти сантиметров), и, чтобы ускорить развитие зародыша, некоторое время лежит, обвившись вокруг яиц, согревая их своим телом.

Удавы распространены главным образом в жарких странах. Большинство видов обитает в тропических лесах.

Питоны получили свое имя от мифического змея Пифона, обитавшего, согласно греческой мифологии, вблизи города Дельф. В мифе рассказывается, что Пифон был убит Аполлоном, за что последний получил наименование Пифийского. По имени Пифона Дельфы и дельфийский храм назывались Пифо, а прорицательница при храме бога Аполлона в Дельфах — пифией. Пифон считался охранителем Дельфийского оракула.

Итак, встреча с живым питоном, пойманном на воле, в лесу, тут же рядом с тем местом, где я сама жила, ознаменовала мой первый свободный воскресный день в Конакри. Я видела живого, «дикого» питона. Это было просто невероятно. Так завершился этот день и без того уже полный интереснейших, волнующих пережива-

ний. Он наполнил меня радостью знакомства с новым для меня миром.

Свое следующее воскресенье в Конакри я провела в Ботаническом саду — «Саду Камайенн», как его здесь называют.

С искренним чувством благодарности вспоминаю я свои посещения Ботанического сада. Сад находится в нескольких минутах ходьбы от отеля «Камайенн», и это давало возможность часто посещать его даже при большой ограниченности свободного времени.

Первые недели по приезде в Гвинею я много часов проводила в саду, знакомясь с мало известной мне тропической флорой.

Почти все виды растений, с которыми впоследствии мне довелось встретиться, так сказать, «на воле», я впервые увидела здесь. Баобаб, сейба, саговники, деревья: тековое, кайя, гевея, какао, калембассовое, антоклеяста, музанга, спатодея, поинциана и многие, многие другие стали для меня уже старыми знакомыми к тому времени, когда я встретила их впервые в природных условиях.

Лично для меня Ботанический сад был чем-то вроде живого атласа растений и очень помог мне должным образом и с пониманием использовать то, что мне посчастливилось увидеть позднее, во время своих путешествий по Гвинее.

В саду были собраны растения не только Тропической Африки, но и других тропических стран, что позволяло широко познакомиться вообще с тропической флорой.

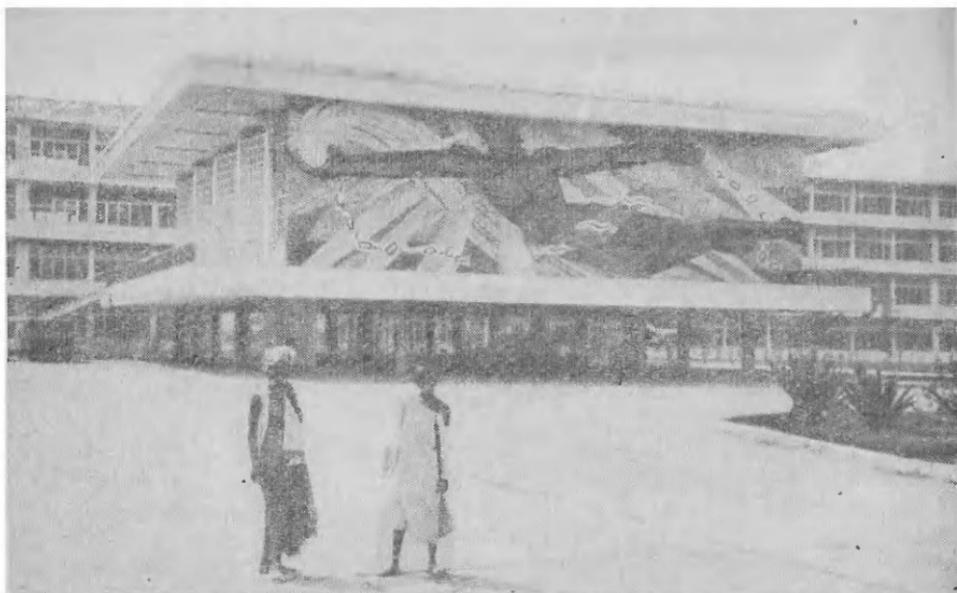
Несомненно, Ботанический сад в Конакри представляет огромный интерес для его посетителей, знакомя их с растительным миром тропиков.

Обладая богатейшим флористическим материалом, он может оказать существенную помощь в познании природы Гвинеи.

И многие скажут ему за это спасибо.

Политехнический институт. Перед нами на открытой площадке красивый, лаконичный, выдержанный в современном архитектурном стиле первый из трех, следующих друг за другом, головной корпус Политехнического института в городе Конакри — столице Гвинейской Республики.

Огромная мозаика с изображением человека, раз-

Политехнический институт. Главный вход

рывающего сковывающие его цепи, искрится яркими цветами в лучах тропического солнца. Эта мозаика украшает главный вход в институт.

Перед зданием института со скромных постаментов смотрят на вас благородные, суровые лица двух людей, которых чтит Гвинея. Они отстаивали свободу страны в эпоху наступавшего на нее колониализма.

Один из них, Альмами Самори Туре, — дед теперешнего президента республики Секу Туре, вождь племени малинке, которое активно боролось против французов, талантливый военачальник, организатор сопротивления против французов и образец высокого африканского патриотизма. Попав в плен, Альмами Самори Туре был сослан на один из островов маленького государства Габон, где он и умер. Это было уже в XX веке.

Другой, Альфа Я-й-я, из племени фульбе. Это был одаренный полководец, патриот и вдохновитель борьбы за независимость Гвинеи. Он умер тоже в изгнании в Порт-Этьенне (Испанская Сахара).

Политехнический институт был построен при дружеском содействии Советского Союза и начал функционировать в 1963 году. В 1968 году в Конакри состоялась торжественная церемония по случаю первого выпуска студентов этого высшего учебного заведения, на котором присутствовал президент Гвинеи. Согласно решению, принятому Политбюро Демократической партии Гвинеи, первому выпуску студентов в числе пятидесяти трех человек было присвоено имя В. И. Ленина, чтобы отметить волю Гвинеи к содружеству и подчеркнуть признательность Стране Советов.

Политехнический институт — военизированное учебное заведение. И надо сказать, что дисциплинированность и подтянутость студентов приятно обращают на себя внимание. Мне, например, никогда не приходилось наблюдать ни толкотни, ни шума, ни крика в студенческой толпе в перерывах между лекциями.

Все студенты носят одинаковую форму светло-бежевого цвета с головным убором в виде бескозырок с двумя традиционными ленточками сзади. В большинстве случаев высокие и стройные, студенты красиво выглядят в своих хорошо пригнанных и выутюженных костюмах. Но особенно красива светло-синяя, обшитая галунами и украшенная аксельбантами парадная одежда учащихся. Можно залюбоваться, когда видишь, как в торжественных случаях они дефилируют в ней стройными рядами с саблями наголо.

Студенты получают от государства бесплатно жилище, питание, одежду и сверх того небольшую стипендию на личные расходы.

В институте имеются следующие факультеты: общеобразовательный, или подготовительный, на котором преподаются физика, химия, математика; геологический; агрономический; инженерно-строительный; историко-экономо-общественно-искусствоведческий.

Срок обучения в институте от четырех до шести лет в зависимости от факультета.

Студенты очень чувствительно относятся к оценке своих знаний и искренне огорчаются, если получают снижение привычного балла за свою работу. Получить же отличную отметку в Гвинее нелегко. Кроме устного экзамена студент должен написать несколько раз в году отчет — сочинение на заданную тему по курсу лекций.

В Гвинее принята двадцатибалльная оценка знаний. Оцениваются не только знания предмета, но и умение его изложить. На письменных проверках учитывается также грамотность и оформление работы.

Отметка ниже девяти баллов считается неудовлетворительной. Начиная с девяти балл расценивается как удовлетворительный.

Надо сказать, что высшей отметкой — двадцать баллов — почти никогда не оценивается работа студента, так как считается, что совершенных знаний у студента быть не может; обычно больше восемнадцати баллов ни за устные ответы, ни за письменные работы преподаватели не ставят.

Практикуемое в Гвинее выведение отметок по двадцатибалльной системе заимствовано из Франции, и нам, русским преподавателям, оно казалось слишком сложным, а главное, далеко не совершенным по существу.

Выведение отметки по этой системе, например, за сочинение как чего-то среднего из таких неравноценных показателей знаний студентов, как содержание написанного, его изложение, сделанные грамматические ошибки и чистота написания, вряд ли можно считать правильным; точно так же вычисление средней отметки за год, которое производится на основании тоже весьма спорных показателей, одинаково встречало веские возражения среди преподавателей.

Кроме того, сам метод исчисления балла настолько сложен, что не сразу усваивается даже преподавателем, который должен им пользоваться.

За какие-либо провинности со студентов взыскивается в институте очень строго. Они должны без малейшего опоздания приходить на лекции, а также на экзамены и вообще аккуратно следовать распорядку, принятому в институте.

Остановлюсь теперь немного на моих личных впечатлениях от работы с гвинейскими студентами.

Два раза в неделю я регулярно встречалась со слушателями моих лекций. Их было немного, и мы занимались в маленькой аудитории, что способствовало установлению непринужденно-товарищеских отношений между нами.

И вот до сих пор я вспоминаю об этих встречах с гвинейскими студентами с радостью, потому что каждый

раз я видела не обязательное, формальное внимание к моим лекциям, а настоящий, искренний интерес узнать что-то новое, полезное для своей будущей деятельности.

Стремление к знанию в стране огромно. И все то, что в какой-то мере расширяло познания моих слушателей, воспринималось ими с трогательной благодарностью. Это невольно вызывало и у преподавателя ответное желание как можно ближе и душевнее отнестись к запросам студентов.

Гвинейские студенты очень страдают от недостатка учебников и поэтому стараются как можно больше записывать на лекциях. Буквально все студенты ведут записи. Хочется отметить особую группу слушателей — это мечтатели. Иногда лекция захватывает их настолько, что они даже записывать перестают, не отрывают глаз от лектора, а в перерыв между лекциями подходят и точно по секрету сообщают: «Было так интересно, что до старости этого не забыть».

Гвинейцы очень чувствительны к вниманию и всегда отвечают на него искренней дружбой.

Я никогда не забуду того шума, крика и восторженных приветствий тех же студентов, моих слушателей, когда мы однажды в каникулярное время случайно встретились в Лесной Гвинее.

С точно таким же теплым чувством я вспоминаю о знакомстве с сотрудниками местного туристического общества. Каждый раз, когда я, собираясь в какое-либо путешествие, приходила в контору этого общества, все меня встречали так приветливо и так радовались, что я интересуюсь их страной и хочу как можно больше увидеть и узнать о ней, что это и с моей стороны вызывало ответное, дружески благодарное чувство к людям, так старавшимся дать мне возможность побольше посмотреть и наилучшим образом понять то, что я вижу.

Даже не часто встречающийся со мной один из слушающих в приемной отеля всегда останавливал меня и интересовался, что нового я узнала за то время, пока мы не беседовали.

А как нас всюду радостно принимали, когда мы, как туристы, посещали отдаленные от Конакри места Гвиней! Порою целая деревня выстраивалась с двух сторон по пути нашего следования, и мы все бурно аплодировали друг другу.

Часто для нас устраивались танцы на воздухе под музыку местных инструментов или давались акробатические представления, поражавшие своими фантастическими трудными номерами.

В праздник жертвы²², который считается первым по своей значимости у мусульман, нас угощали зажаренным на вертеле барашком, как того требовал обычай.

Я уже отметила, что гвинейцы очень чувствительно реагируют на доброе отношение к их стране, что бесспорно говорит о развитом у них чувстве национальной гордости.

Мне пришлось видеть прощальные письма, написанные туристическим обществом их уезжающим иностранным клиентам. Это были письма, которые сочетали в себе европейские изысканные выражения и задушевную простоту и искренность. В них общество выражало признательность за интерес, проявленный к познанию их родины.

Еще вспоминается мне 7 февраля, проведенное в Конакри. Это был женский праздник, день, посвященный памяти Альфа Камара М'Балиа — женщины, пожертвовавшей своей жизнью во имя независимости Гвинеи.

Гвинейцы помнят своих героев и благодарны им.

Вся площадь перед Политехническим институтом была заполнена народом. Здесь находилась трибуна. Перед трибуной выступали с речами приехавшие представители соседних африканских государств, проходили бесконечные ряды различных женских организаций, крохотные девчурки из начальных школ в белых форменных платьицах, с многочисленными, как рожки торчащими вверх коротенькими косичками на головах, подражая взрослым, старательно чеканили перед трибуной свой шаг. У выставленных портретов членов правительства несли почетный караул девушки в черных юбках, белых блузках, белых перчатках и с саблями наголо. А в руках демонстрантов колыхались в воздухе плакаты с изображением слона — эмблемой Демократической партии Гвинеи.

Кончился парад, начались народные танцы. Заиграл женский оркестр из национальных инструментов, и гвинейцы — любители веселья и танцев — закружились в увлекательной пляске.

Так вспоминала Гвинея Альфа Камара М'Балиа — свою национальную героиню.

Летят крыланы²³. Каждый день заходит солнце на западе. Каждый день его красный диск подходит к горизонту и опускается в воды океана. Но не каждый день небо становится после этого красно-лиловым, а пальмы черными силуэтами выступают на этом фоне. Но когда это случается, мир теряет свою реальность и превращается в чудесную, фантастическую сказку. Все меняется кругом, меняется, как в театре, когда вновь открывается спущенный занавес и неожиданно появляется перед вами нечто небывалое, несказанно прекрасное, вызывающее бурю аплодисментов зрителей.

В природе часто происходят такие же чудеса, но не всегда мы их видим и не всегда успеваем воспринять их взволнованным сердцем. Но тот, кто созерцал пожары солнечных закатов в тропиках, никогда не забудет величия и очарования потрясающей красоты их великолепных, роскошных красок.

И вот тогда-то, тотчас после заката, и начинают летать крыланы. Крыланы — это по виду большие летучие мыши с огромными крыльями, но не узкими на концах, как у птиц, а широкими, как натянутые паруса кораблей. Крыланы летят медленно, точно шлепая своими парусами по багровому небу. У них не видно хвостов, как у птиц. Это — «дьявольские твари», как называют их гвинейцы.

Сначала далеко, далеко появляются в небе бесчисленные мелкие черные точки. Приближаясь и увеличиваясь в размерах, они становятся крылатыми существами, и наконец тысячи, сотни тысяч, целые сонмы их безмолвно, в полной тишине несутся в небе перед моим балконом в отеле «Камайенн», неслышно опуская и поднимая вверх свои паруса-крылья.

Они летят с запада, с островов Лос, где они встречают утро и направляются ночевать к северу на материк. У них всегда неизменно одна и та же дорога. Точно следуя чьему-то неизвестному, властному зову, спешат они через все небо и бесследно исчезают, сливаясь с синевой горизонта вдали.

И кажется, что даже мои грифы, устроившиеся на ночлег на сейбе перед моим балконом, встревожены происходящим. Правда, они сидят неподвижно и их су-

Процессия школьниц перед трибуной на площади Политехнического института в день памяти Альфа Камара М'Балиа

тулые плечи, как всегда, подняты высоко, но они изредка медленно поводят из стороны в сторону своими головами на длинных голых шеях и, точно так же как и я, созерцают бесшумно пролетающих мимо них темных крыланов.

Крыланы летят не останавливаясь.

Только в середине декабря, когда начинают цвести сейбы, крыланы, отделяясь небольшими группами от общей стаи, делают около меня остановку, чтобы полакомиться цветами сейбы.

Садясь на ветки, они тотчас опрокидываются вниз головами и, быстро перебирая ногами и сливаясь в темноте, растекаются по низу ветвей, точно струйки воды, устремляясь к тем местам, где больше пищи.

Они так быстро движутся и так быстро становятся незаметными, переходя с ветки на ветку, что можно подумать, будто падают они в какой-то чудесный ящик,

Почетный караул у портретов членов
правительства перед трибуной

через который проходит бесконечный движущийся ремень, увлекающий их вслед за собой. Но нет, они никуда не исчезают. Вот снова те же самые крыланы щиплют цветы и даже тихонько трещат, ссорясь между собой из-за лучшего места.

Трудно оторвать взгляд от этих странных, бесшумно летящих существ. Зрелище живых созданий, неизменно и безмолвно стремящихся к какой-то определенной, но невидимой и неведомой для нас цели, всегда гипнотизирует, зачаровывает и волнует глубоко.

Двадцать-тридцать минут длится этот поток крыланов перед моими глазами. В нем есть что-то впечатляющее, даже мистическое, и, невольно вспоминаешь слова Антуана де Сент-Экзюпери («Маленький принц»), что «самого главного глазами не увидишь», а воспримешь лишь сердцем, добавляю я от себя.

Краски заката потухли. Тропическая тьма упала на

землю. Вот пролетел последний отставший крылан. Я ухожу со своего балкона.

Это Гвинея, думаю я.

Эти багряно-лиловые закаты с темными безмолвно несущимися крыланами издалека и в новую даль — это тоже Гвинея. Это Гвинея, уводящая в неизвестную прекрасную сказку.

Примечания

¹ Масличная пальма (*Elaeis guineensis*) из семейства пальм (*Palmae*) достигает в высоту 20 м. Очень распространена в Гвинее и других местах Тропической Африки. Встречается как в диком, так и в полукультурном состоянии. Представляет большой экономический интерес. Ее различные по окраске — красные, черные, зеленые — плоды, похожие по размерам и форме на финики, образуют огромные соплодия величиной с голову человека. Плоды едят сырыми; из них также добывают масло. Лучшие сорта масла под названием «пальмового» употребляются в пищу и расцениваются очень высоко. Сорта худшего качества идут на освещение, приготовление мыла, маргарина. Листьями этой пальмы местное население кроет крыши своих хижин — так называемых каз. Дикая пальма дает в год до 27—36 кг плодов, а культурная почти вдвое больше.

² Ткачами, ткачиками (сем. *Ploceidae*) называется семейство птиц из отряда воробьиных (*Passeriformes*), близкое к вьюркам (сем. *Fringillidae*), к которым относится наш обыкновенный домашний воробей (*Passer domesticus*). Эта большая группа птиц распространена главным образом в субтропиках и тропиках Восточного полушария. Особенно многочисленны ткачики в Африке (известно около 150 видов), но обильно представлены также в Азии и Австралии.

³ Сорго (*Sorghum*) — травянистое растение из семейства злаковых (*Gramineae*). Стебли высотой до 7 м. Листья линейные. Соцветие — густая метелка колосьев. Встречаются и дикие и культурные виды. Семена культурных видов используются как съедобное зерно, а также для получения патоки и крахмала. В Западной Африке сорго введено в культуру очень давно. В наиболее сухих частях Гвинеи возможно разведение в качестве пищевого и кормового продукта еще одного сорта африканского проса (травянистое растение *Pennisetum*) тоже из семейства злаковых (*Gramineae*), которому французы дали название «миль». Его, между прочим, особенно любят ткачики, истребляя в огромных количествах.

⁴ Млечным соком называется жидкое тягучее вещество грязновато-белого цвета, выделяемое каучуконосными растениями. Его можно получить, делая надрезы на коре деревьев-каучуконов, откуда он каплями стекает в подвешенную посуду (иногда для этого используются половинки скорлупы кокосовых орехов). В таком млечном соке или, как его называют, латексе содержится значительное количество каучука; латекс является сырьем для получения каучука.

⁵ Чистый каучук для приготовления резиновых изделий не-

пригоден, так как даже от нагревания солнцем он начинает растягиваться и ко всему прилипать. Резина, используемая в промышленности, получается от совместного нагревания каучука и серы и содержит от 2 до 5% серы. Каучук был впервые применен в Европе в 1770 г. для стирания карандашных рисунков.

⁶ Иногда сикоморой (*Ficus sycomorus*), которая принадлежит, как и все фикусы, к семейству тутовых (*Moraceae*), называют дерево платан (*Platanus*) из семейства платановых, которое растет в Северной Африке, Азии, Европе. Из платанов наиболее известен восточный платан (*Platanus orientalis*), или чинар, достигающий 30—45 м высоты при диаметре в 3—6 м. Чинар встречается как дикорастущее дерево в СССР (восточная часть Закавказья). Называют сикоморой и еще одно дерево — явор, т. е. клен белый или клен ложноплатановый (*Acer pseudoplatanus*) из семейства кленовых. Это дерево достигает до 40 м высоты и до 150 см в диаметре. Распространен в Средней и Южной Европе; в СССР главным образом по Черноморскому побережью.

⁷ Латерит — плотная глинистая или каменистая горная порода красного цвета, состоящая преимущественно из окислов железа и алюминия. При увлажнении становится темным.

⁸ Саванны встречаются в Азии, в Северной и Южной Америке, в Австралии. В Африке саванны занимают около 40% площади материка. Это — степеобразные, преимущественно равнинные пространства. Травянистый покров саванны состоит главным образом из различных крупных злаков. Считается, что некоторые крупные злаки являются любимой пищей слонов, особенно злаки из родов *Pennisetum* и *Andropogon*. Это дало основание к объединению такой группы злаков под именем слоновых трав. Во влажных местах слоновые травы могут достигать высоты 5 м, обычная же их высота 2—3 м. При посещении района города Маму, где в природных условиях на воле сохранились слоны, мне по дороге довелось видеть значительные пространства, занятые такими травами, намного превышающими рост человека. Слоновые травы, равно как и другие крупные злаки, как мы указывали, используются для покрытия каз, в которых живет население Гвинеи вне городов.

⁹ Кайя (*Khaya senegalensis*) из семейства мелиевых (*Meliaceae*). Красивое дерево до 30 м высотой, распространенное в тропической Западной Африке. Кайя славится своей очень ценной древесиной, за что и получила название «африканское красное дерево».

¹⁰ Манго (*Mangifera indica*) из семейства апакардиевых (*Anacardiaceae*). Красивые крупные деревья высотой в 10—12, иногда до 20 м, с мощной кроной из темно-зеленых, блестящих, продолговатых, заостренных к концам листьев. Молодые листья красноватые. Родина манго — Индия и Индокитай. Разводятся в тропиках как культурные. Плод величиной с очень маленькую дыньку (до 15—20 см в длину и до 5—8 см в поперечнике) желтовато-зеленого цвета. Мякоть оранжевая, нежная, сладкая, сочная. Считается одним из лучших фруктов в тропических странах. Не выдерживает даже самых легких заморозков, не переносит перевозок.

¹¹ Королевская поинциана (*Poinciana regia*, или *Delonix regia*) получила прозвище «пылающее» дерево. Дерево относится к семейству цезальпиниевых (*Cesalpniaceae*), которое объединяется с семействами мотыльковых (*Papilionaceae*) и мимозовых

(Mimosaceae) в общую группу под названием бобовых (Leguminosae).

¹² Па п а й я (*Carica papaya*) — дынное дерево из семейства папайевых (Caricaceae). Невысокое 4—5-метровое плодое дерево. Не ветвится. На вершине крона из больших пальчаторассеченных листьев на длинных черешках, под которой прямо на стволе (каулифлория) висят плоды, похожие по форме и вкусу на дыню. Плоды до 26 см в длину и 15 см в поперечнике, снаружи желтые или желтовато-зеленые. Мякоть оранжево-желтая, сладкая, ароматная. Через нее проходят млечные сосуды, в содержимом которых много протеолитических ферментов, расщепляющих белки, поэтому плоды папайи способствуют пищеварению. Они употребляются в пищу как в сыром виде (иногда при этом на мякоть плода выжимают лимонный сок), так и в вареном (компоте). В диком состоянии дерево не встречается. Широко культивируется в тропиках — в Африке, Южной Америке. Родиной дерева считается тропическая Америка. Папайя попала в Африку в XVIII в.

¹³ Ко л а (*Cola*) — дерево средних размеров из семейства стеркулиевых (Sterculiaceae). Его семена (примерно 3—5 см в длину и 2—3 см в ширину, по 10—16 в плоде) неправильно называют орехами (в ботанике орехом называют односемянный плод, заключенный в плотную оболочку — скорлупу). Семена колы содержат от 0,6 до 2,5% кофеина (кофе же — от 0,8 до 2,4%), кроме того, в них имеются алкалоиды — колатин (0,5%) и теобромин (0,01%). Эти вещества возбуждают сердечную деятельность, снижают усталость и вообще оказывают стимулирующее действие на организм человека. Африканцы постоянно жуют орехи колы в качестве освежающего, бодрящего средства. Они имеют горьковатый вкус. Дерево кола растет во влажных лесах Тропической Африки.

¹⁴ М а н и о к (*Manihot utilissima*) из семейства молочайных (Euphorbiaceae). Многолетнее растение. Вечнозеленый кустарник в среднем 1,5—2 м высотой. Листья пальчаторассеченные. У основания стебля образуются продолговатые, крупные (длиной 30—45 см), бугристо-сучковатые, толстые клубневые корни до 15 кг весом. Они содержат от 25 до 40% крахмала. В сыром виде ядовиты, но при варке ядовитость исчезает, равно как и при получении из корнеклубней крахмала (муки). По вкусу вареные корнеклубни маниока очень напоминают картофель. Крахмал (мука) приготавливается из старых корнеклубней. Эта мука (тапиока) имеет большую ценность — она употребляется для изготовления кондитерских изделий высшего качества и диетических продуктов. Из крахмала, получаемого при обработке корнеклубней маниока, может готовиться каша и крупа, тоже называемая тапиокой, которая идет на супы и каши. Иногда тапиокой называют еще некоторые сорта саго (например, бразильское саго). Родиной маниока считается Южная Америка. После открытия Америки он был завезен в XVI веке в Гвинею. Отсюда распространился по всей Тропической Африке, на Мадагаскаре и проник также в Азию. Широко культивируется, особенно в Южной Америке и Африке, как важнейшее пищевое растение.

¹⁵ Б а т а т, или сладкий картофель (*Ipomoea batatas*), семейство вьюнковых (Convolvulaceae). Многолетнее травянистое растение. Стебли, стелющиеся по земле, иногда слегка вьющиеся. Разводится из-за корнеклубней, идущих в пищу. Вес корнеклубней обычно 300—400 г, но иногда доходит до 3 кг и более (в исключительных

случаях до 25 кг). Они содержат 18—20% крахмала, 4—5% сахара и 2—3% белка (протеина). Кроме того, они богаты витаминами В, С и особенно витамином А₁. Корнеклубни содержат ядовитый млечный сок, но при варке и промывании он разрушается. Вкус клубней сладковатый. Родиной батата считается тропическая Америка, откуда, вскоре после ее открытия, батат был завезен в Африку. В диком состоянии неизвестен. В СССР на юге пока разводится один сорт батата.

¹⁶ Ямс (*Dioscorea*) из семейства диоскорийных (*Dioscoreaceae*). Это единственный культивируемый в Гвинее корнеплод африканского происхождения. Ямс — травянистая лиана, поэтому на полях ямса ставят подпорки. Корнеклубни ямса — утолщенные видоизмененные корни, при хорошей культуре достигают длины 1,5 м и более, могут весить до 40 кг. Эти подземные клубни употребляются в пищу подобно картофелю, который они напоминают по вкусу. У некоторых видов ямса клубни содержат ядовитые вещества, исчезающие при печении и варке. Распространен главным образом в тропиках и субтропиках обоих полушарий, большей частью в тропиках Америки. Культивируется преимущественно в Китае, Японии и Африке. Ямс, как овощ, очень популярен среди африканцев. Некоторые виды ямса дико растут в СССР.

¹⁷ Таро, колоказия (*Colocasia esculenta*), семейство ароидных (*Araceae*). Название «таро» — полинезийского происхождения, данное этому виду *Colocasia* на его родине. Многолетнее травянистое растение. В отличие от маниока, батата, ямса крахмалоносные утолщенные органы, запасающие питательные вещества, у таро (колоказии) возникают не на корнях, а на окончаниях корневищ, т. е. являются метаморфозом не корневого, а стеблевого происхождения. Клубни таро весят до 4 кг. В них накапливается до 20% крахмала. Они пронизаны млечниками, содержащими едкий млечный сок, который удаляется при многократной промывке и варке. Африканцы употребляют в пищу и листья таро; особенно ценятся их мясистые черешки. Колоказия — одно из древнейших культурных растений, происходит из тропической Азии и Малайи. К настоящему времени культура колоказии распространилась по всей Африке. Культивируется это растение также в тропиках и субтропиках, главным образом в Восточном полушарии. В Океании служит для населения одним из основных пищевых продуктов. До сих пор встречается в диком состоянии в лесах Новой Гвинеи, Филиппинских островов, Тайваня, Бирмы, Гималаев. Из-за своих крупных, эффектных, красивых по форме листьев иногда используется как декоративное растение.

¹⁸ Авокадо (*Persea americana* и *P. gratissima*) из семейства лавровых (*Laugaceae*). Вечнозеленое плодое дерево высотой до 6—8 м. Встречается в южной части Северной Америки (Мексика, Гватемала, Коста-Рика) и в значительной части Южной Америки. Плоды слабовыраженной грушевидной формы, в три-четыре раза больше куриного яйца, весом до 300—400 г, покрыты темно-зеленой кожей. Мякоть фисташкового цвета, сильно маслянистая, содержит до 30% масла. В Африке авокадо сохраняет свою специфическую черту — высокий процент масла в плодах. Главное, как было отмечено, авокадо не имеет себе равных в растительном мире, по обилию витаминов в его плодах. Они содержат девять витаминов: А₁, В₁, В₂, С, Е, РР, К, Н и пантотеновую кислоту. Мякоть

авокадо не сладкая, с ореховым привкусом. Плоды считаются очень сытными. Употребляются в пищу сырыми (в салатах). Особенно рекомендуются как закуска: плод авокадо разрезают пополам и в лунку, очищенную от семян, добавляют немного прованского масла, соли и перца.

¹⁹ **Бенин** — государство в Западной Африке, существовавшее с X до конца XIX века. Захваченное Англией в 1897 г., вошло в тогдашнюю колонию — Нигерию. В настоящее время находится в сред-незападной части Нигерии.

²⁰ **Коран** — священная книга мусульман; разделен на 114 сур (глав), которые распадаются на неравные количества стихов; самая длинная сура содержит 286 стихов, а самые короткие — по три стиха.

²¹ **Питоны** — змеи из подсемейства питонов (Pythoninae), принадлежащего к семейству удавов (Boidae). К этому семейству относятся наиболее крупные змеи, достигающие в длину 10 м, как, например, сетчатый питон (Python reticulatus) или несколько меньшей величины водяной удав — анаконда (Eunectes murinus) из второго подсемейства Boinae того же семейства удавов (Boidae), длиной в 6—7 и даже 9 м, которая живет в Южной Америке. Другие виды удавов значительно мельче. Так, широко известный удав боа (Constrictor constrictor, из подсемейства Boinae, тропическая Америка, Мадагаскар) достигает в длину только 4 м. В Африке крупные питоны-удавы не встречаются. Обычная величина африканских видов 1,5—2 м. Распространение сетчатого питона — Таиланд, Бирма, Индийский архипелаг до Филиппинских островов, Молуккские острова.

²² Сопровождается закалыванием баранов и раздачей их мяса бедным.

²³ Среди млекопитающих имеется единственная группа животных — отряд рукокрылых (Chiroptera), которая приспособилась к воздушному образу жизни.

Отряд рукокрылых делится на два подотряда: плоядных, больших рукокрылых, или крыланов (подотряд Megachiroptera), и на насекомоядных, малых рукокрылых, или летучих мышей (подотряд Microchiroptera).

Для крыланов характерны крупные размеры (длина тела в среднем 30—40 см и крылья в размахе до 1,5 м), относительно большие глаза, менее совершенный летательный аппарат и некоторые другие признаки.

Летучие мыши уступают крыланам по величине тела, которая никогда не бывает у них больше, чем у певчей птицы средних размеров (длина тела в среднем от 5 до 15—20 см при размахе крыльев от 7—15 до 20—30—50, очень редко до 70 см).

Крыланы активны ночью и в сумерки. Днем спят на высоких деревьях, повиснув вниз головой на ветках. Иногда на одном дереве их собирается по несколько тысяч. Питаются фруктами и плодами диких растений. Могут принести большой вред садоводству. Мясо крыланов употребляют в пищу. Крыланы населяют тропические и субтропические области; в СССР не встречаются.

БЕРЕГОМ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА

Местечко Дюбрека—преддверье нагорья Фута-Джаллон

Автомобильная трасса, идущая вдоль берега океана, соединяет Конакри с местечками Дюбрека и Форекарья, а также городом Боффа. Но, несмотря на то что на всем своем пути дорога проходит через прибрежную, низменную Гвинею, каждый из ее участков оставляет различное — то покойно-ласкающее, то волнующе-захватывающее — впечатление.

Итак, мы направляемся из Конакри прежде всего в Дюбрека.

24 декабря в 7 часов утра мы выезжаем.

На улицах ярко-желтыми цветами пылает кассия¹, огромные деревья манго увешаны еще не созревшими темно-зелеными плодами, качающимися на длинных тридцатисантиметровых плодоножках.

Утренняя жизнь пробуждается. Идут женщины с блюдами и тазами на голове, нагруженными горами апельсинов, бананов, папайи, мужчины в белых и черных халатах с широкими рукавами или в ниспадающих складками бубу. Некоторые держат в руках четки. Едут грузовики со стоящими в них вплотную людьми — они спешат на работу. Дымка тумана застилает огромный диск красного солнца, висящего над океаном.

За аэродромом начинаются плантации невысоких бананов. В большинстве случаев они значительно ниже, чем в Восточной Африке.

Изредка появляются единичные хижины — казы. Около них дымки костров, на которых готовят пищу. На деревьях сидят сутулые грифы. Кроны масличной пальмы и рафии² облеплены гнездышками ткачиков, похожими издали на огрсмные орехи.

Поодиночке стоят баобабы (*Adansonia digitata*) из семейства бомбаксовых (*Bombacaceae*). Эти деревья-гиганты — одни из самых толстых на свете. Многие из

Казы — хижины (район Дюбрека)

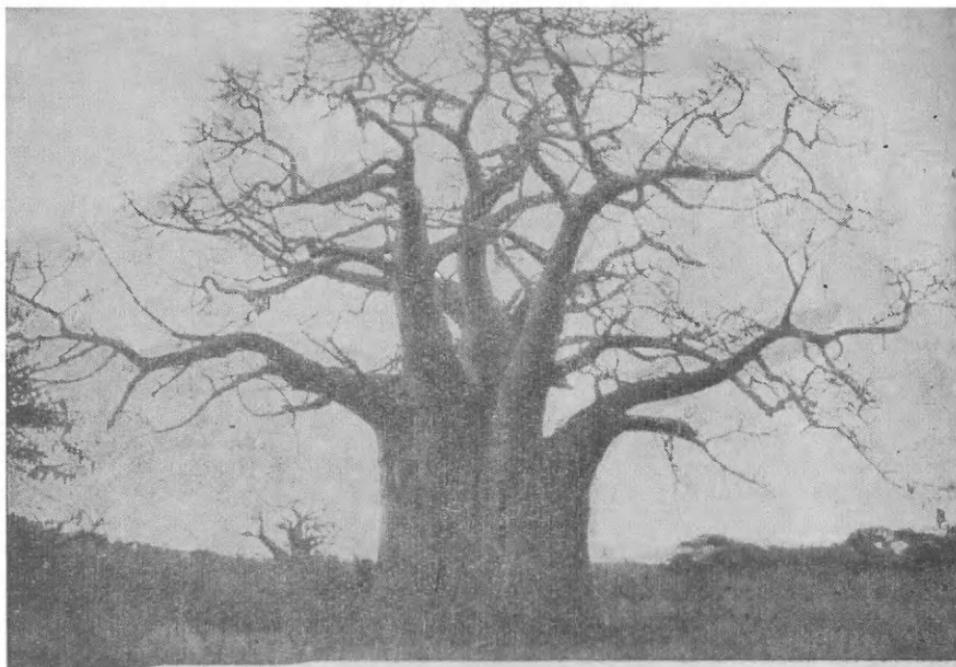
нашей группы в первый раз видели баобабы, и поэтому мы остановили автобус, чтобы подойти поближе и лучше их рассмотреть.

Перед нами были деревья-колоссы, стволы которых иногда бывают до сорока пяти метров в окружности (по литературным данным, диаметр может достигать десяти метров). Высота же баобабов не соответствует их толщине и не превышает двадцати-двадцати пяти метров. Эти деревья очень характерны для саванны; их всегда увидишь здесь издалека. В саванне часто не хватает влаги, и толстые стволы баобаба, заполненные очень рыхлой древесиной, позволяют дереву «запасать» в них воду. В связи с этим баобаб как топливо малопригоден. Но его мягкая кора (при сильном ударе кулаком остается углубление) волокниста и используется для изготовления веревок и грубых упаковочных тканей.

В сухой сезон баобабы сбрасывают свои крупные пальчатосложные листья и стоят с голыми ветвями, ко-

Гнезда ткачиков на масличной пальме

Баобаб, сбросивший листву в сухой период

торые, как щупальца, поднимаются к небу, напоминая деревья, перевернутые вверх корнями.

Отсюда возникла легенда, что будто вскоре после сотворения мира случилось необычайно сильное землетрясение, во время которого все баобабы перевернулись корнями кверху, да и остались навсегда в таком положении. Легенда, видимо, использовала сведения о долголетию баобабов — они живут четыре-пять тысяч лет.

При более поздних встречах с баобабами мы познакомились и с их плодами. Продолговатые, похожие по форме на огромные огурцы, они качались на длинных плодоножках, покрытые серой, мягкой, точно замшевой кожей, напоминающей мышиную.

Эти плоды содержат сочную, приятно кислую, маслянистую съедобную мякоть. Местное население употребляет их в пищу поджаренными или сырыми.

Но особенно любят плоды баобаба обезьяны, почему плодам и присвоили прозвище «хлеба обезьян», а само дерево часто называют «обезьяньим деревом».

Свежие пальчатосложные листья баобаба тоже пригодны для еды, а высушенные и истолченные служат приправой к местному национальному блюду кус-кус. Листья используются и в народной медицине.

Цветет баобаб в период дождей, покрываясь крупными (до двадцати сантиметров в диаметре) ярко-белыми цветами с сильным запахом. Цветы распускаются вечером, а к утру увядают. Интересно, что опыление цветов производится главным образом летучими мышами. Их привлекает сладкий нектар цветов, который они очень любят.

С не меньшей охотой и пчелы собирают нектар с крупных белых цветков баобабов. Мы часто видели похожие на большие колоды улья, повешенные на ветках этих деревьев.

Через несколько километров потянулись пастбища, где пасся скот, между которым расхаживали птицы волоклюи. Нам не раз приходилось видеть, как эти птицы вспархивали с земли, садились на спины быков и коров, нередко по пять или шесть одновременно, и начинали расхаживать, обирая с них тех или иных паразитов. Иногда же они устраивались неподвижно на одном месте, вытаскивая из-под кожи клещей и личинок оводов.

Волоклюи несомненно приносят пользу скоту, но в некоторых случаях могут и вредить, если растравляют ими же нанесенные подсыхающие и заживающие на спинах животных болячки, которые после этого начинают гноиться.

В Африке, в частности в Гвинее, волоклюями, личинкоедами или буйволовыми птицами называют две совершенно разные, не родственные между собой группы птиц, которых объединяет лишь одинаковый способ питания насекомыми, паразитирующими на спинах домашнего скота, а также и на спинах диких животных (слонов, носорогов, буйволов, антилоп и др.).

Одну группу волоклюев составляют так называемые буйволовые птицы (род *Burhaga* из сем. скворцов — *Sturnidae*). Два вида, принадлежащие к этому роду, живут исключительно в Африке и распространены почти по всему матерiku. Длина их тела достигает двадцати одного сантиметра. Держатся они стайками по шесть-восемь штук. Летают тяжело, но по животным лазают, словно дятлы.

Вторая группа волоклюев представлена так называемой египетской цаплей (*Bubulcus ibis*) из семейства цаплевых (*Ardeidae*), широко распространенной по всей Африке, на Мадагаскаре, в Западной Азии и у нас в Азербайджане.

Это премилая птица средней величины (длина тела пятьдесят сантиметров) на невысоких для цапли ногах, одетая в блестящий наряд из белых перьев. Ее постоянно можно видеть сидящей на спинах различных пасущихся стадами животных, как диких, например слонов, так и домашних.

Гнездится цапля на деревьях, и к вечеру перед заходом солнца великолепное зрелище представляют собой деревья, сплошь украшенные сидящими на них тонкими, вытянутыми фигурами белоснежных цапель.

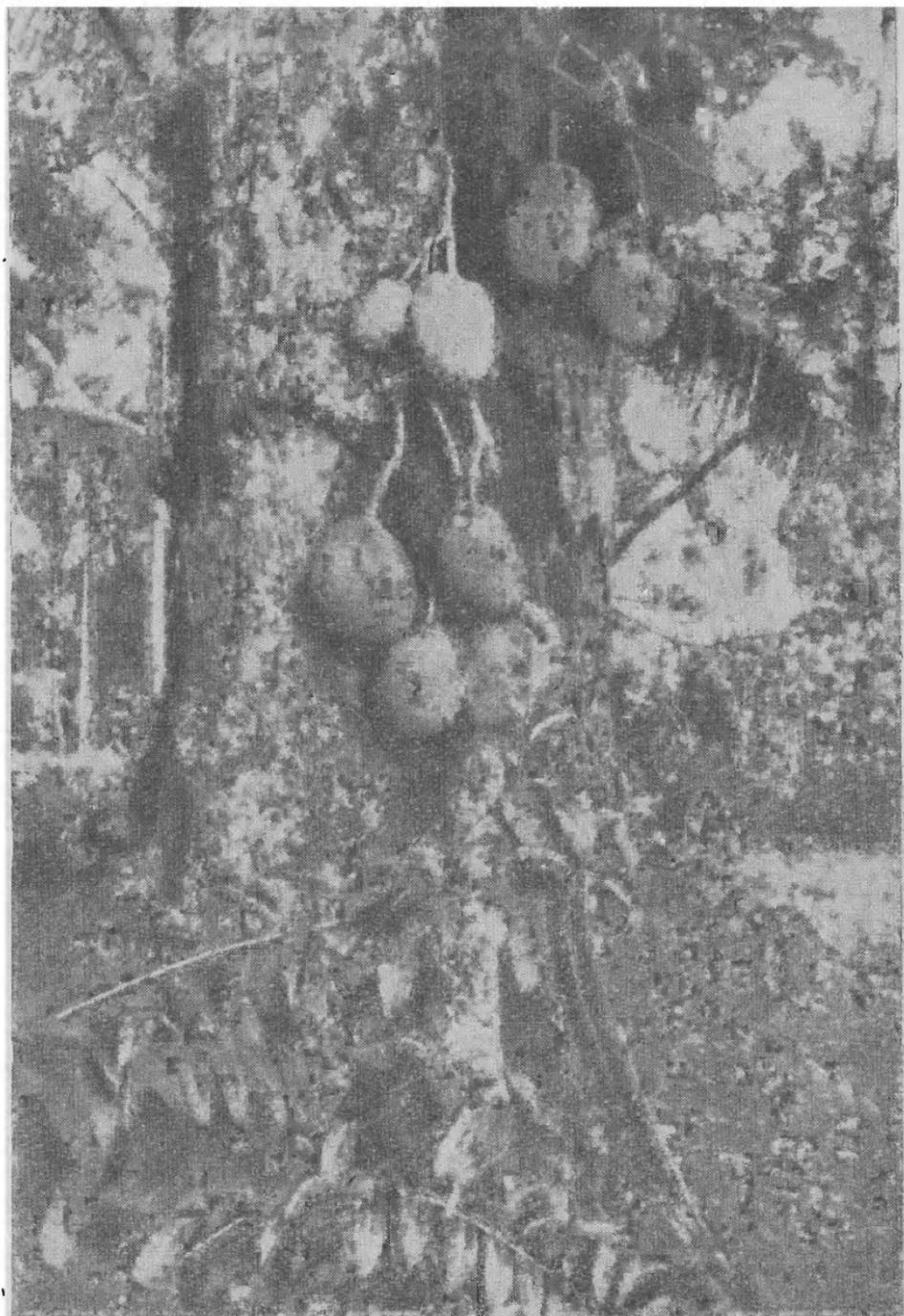
А дальше по дороге нам повстречалась девочка. Она несла на голове табуретку, но это не помешало ей вертеть своей головкой во все стороны, с интересом рассматривая наш автобус и нас самих. Мы же с не меньшим интересом смотрели на нее и изумлялись, каким чудом скамейка удерживается на ее любопытствующей головке.

Затем мы посетили район масличных пальм, где сосредоточено производство пальмового масла, которое считается выше нашего подсолнечного, оно вываривается из плодов масличной пальмы, собранных в огромные соплодия, величиной и формой похожих на голову человека.

После этого мы миновали участки злаковой травы, достигающей высоты двух метров, и в девять часов показалась гора Какулима. Для Гвинеи она высокая — поднимается на 1007 метров. Сквозь легкую дымку тумана просвечивает ее левый острый зубец. За ним видна седловина горы, край которой, постепенно снижаясь, переходит в величественную лестницу столообразных выступов, теряющихся вдали.

К Какулиме примыкает гора «Собака, которая курит», названная так по сходству ее профиля с лежащей собакой; прибавка же «которая курит» объясняется тем, что тонкое облако тумана, похожее на дым, почти всегда окружает «голову собаки».

В дальнейшем наша дорога проходит у подножия этих двух гор, ограничивающих здесь нагорье Фута-

**Хлебное дерево — джек-дерево с плодами
на стволе (каулифлория)**

Джаллон, высшая точка которого достигает 1515 метров над уровнем моря.

Нагорье поднимается от прибрежной полосы террасами все выше и выше. На одной из них находится бассейн пресной воды для купания, сооруженный еще французами.

В нескольких сотнях шагов отсюда помещается маленькая деревушка Дюбрека из семи-десяти каз. Около них стоит еще одна, очень маленькая каза, имеющая не более метра в диаметре. Это — общий курятник деревушки.

Между казами высится большое красивое хлебное дерево с лопастными листьями и с зелеными плодами величиной с крупный апельсин, но только овальной формы. Они висят на концах ветвей. Латинское название этого дерева *Artocarpus incisa* из семейства тутовых — *Mogaseae*. Хлебное дерево родом из тропической Азии, но теперь распространено в тропиках повсеместно.

Другой вид хлебного дерева называется *Artocarpus integrifolia*, или джек-дерево. В отличие от первого джек-дерево имеет цельные листья и дает плоды (соплодия) до сорока сантиметров длиной и до двадцати четырех сантиметров в диаметре. Эти огромные «тыквы» до двадцати-двадцати четырех килограммов весом вырастают на стволах или на толстых ветвях растения. Такое развитие плодов непосредственно на стволах или крупных ветвях деревьев часто наблюдается в тропиках и, как указывалось, носит название каулифлория.

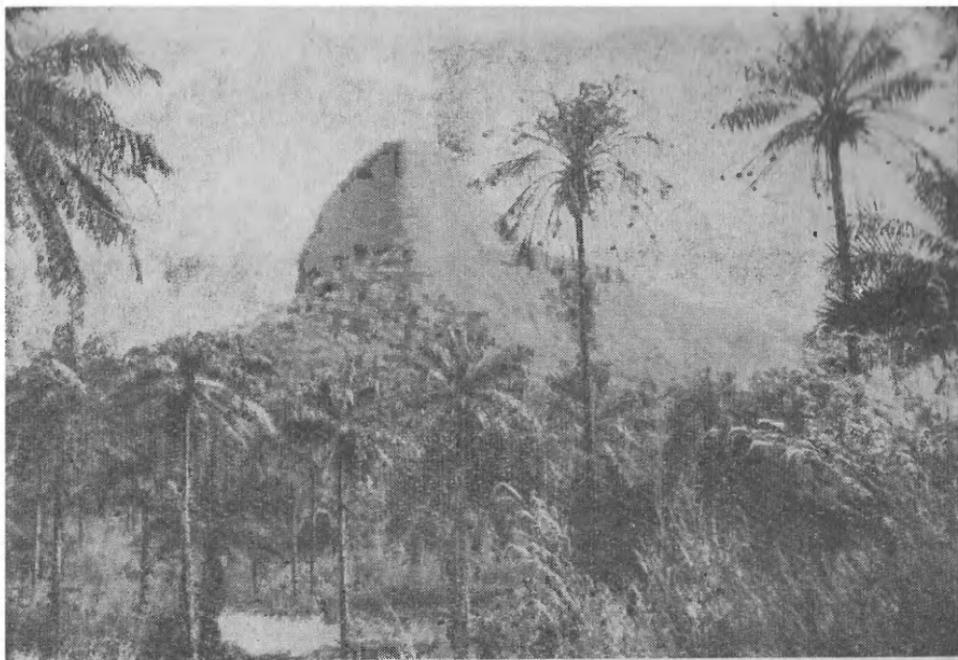
Плоды обоих видов хлебного дерева богаты крахмалом и употребляются в пищу в вареном или поджаренном виде. В последнем случае их разрезают на ломтики, как лепешки.

Плоды после брожения дают вязкую массу вроде теста, из нее тоже пекут лепешки. Отсюда, видимо, и произошло название «хлебное дерево».

Урожай одного дерева в возрасте пятнадцати-двадцати лет может прокормить в течение года двух-трех человек. Древесина же его идет на постройку и разные поделки.

Около каз было еще одно небольшое оригинальное деревце, о котором уже упоминалось. Это дынное дерево, или папайя.

Пройдя деревню, мы начали спускаться к речке Дю-

Преддверье нагорья Фута-Джаллон.
Останцы на саванне среди масличных
пальм с гнездышками ткачиков

брека, впадающей в океан. Внезапно чей-то крик привлек наше внимание.

«Смотрите, смотрите, что это шевелится на верхушках деревьев!» — услышали мы.

И вот на наших глазах крупная обезьяна со всего размаху перепрыгнула с одного дерева на другое. А вслед за ней появились три, не менее крупные ее товарки, которые перешли через нашу дорогу.

Еще несколько минут — и мы у речки. Обрамление ее берегов походило на простеганную, «буграми» выступающую зеленую вату из переплетающихся между собой деревьев, кустарников и лиан. В этой зеленой стене не было ни одной щели. Вдали же виднелся мост, около которого, как говорилось выше, в один из воскресных дней наши товарищи по работе в Политехническом институте удили рыбу и видели на воле двух питонов, отдыхавших на ветках деревьев.

А дальше, когда мы вышли на открытое место, нас ожидало еще одно необычное зрелище. Перед нами во всей красе своей явились каменные останцы — каменные осколки, отделившиеся в свое время в результате выветривания от стен нагорья Фута-Джаллон и навечно оставшиеся лежать среди степных трав, покрывающих прибрежную низину.

Как какие-то вздувшиеся каменные шишки, поднимались они иной раз с равнины кверху, но чаще эти каменные громады были плоскими и лежали разбросанно, словно отдыхающие в степи гигантские животные среди одиночно стоящих безмолвных масличных пальм.

Это было необычно и очень красиво.

Это было преддверие нагорья Фута-Джаллон.

На Боффа

Грозно-величественный Фута-Джаллон. Наша вторая поездка по прибрежной Гвинее была продолжением предыдущей, но теперь мы направились дальше на север, по побережью до города Боффа.

Перед нами снова наши старые знакомые — гора Какулима и прилегающая к ней слева «Собака, которая курит». На этот раз мы видим их с более близкого расстояния. Какулима — вся густо покрыта лесом, только у вершины пятна обнажений. Мы снова видим зубец на краю ее седловины, и каменные ступени, уводящие гору вдаль. «Собака», окруженная легким туманным облачком, действительно словно курит. Наш путь пойдет мимо этих гор и будет почти все время пролегать у подножия Фута-Джаллона.

Вдали показываются причудливых очертаний горы, но они смотрятся скорее как модернистически оформленные декорации с неестественным, несвойственным природе, иногда волнообразным характером очерчивающих их линий или нередко перпендикулярных друг другу.

И вот с этого момента спокойствие покидает вас. Вас тревожат, волнуют эти странные формы стен нагорья Фута-Джаллона. Они то однотонно гладкими, то «полосатыми»³ обрывами падают вниз с высоты, то лестницами широких гигантских ступеней шагают в неизвестную, неясную даль, то прочерчивают по небу диковин-

Останцы нагорья на берегу океана

ные дороги из вытянувшихся в ряд столообразных громад, ограниченных линиями, сходящимися под прямыми углами.

И этот причудливый рисунок контуров гор смотрит на вас отовсюду, как только вы вступаете во владения нагорья Фута-Джаллон. Это искажение, необычность, неестественность форм в ландшафте природы удивляет человека, непонятна ему и страшит.

Высоко в небо поднимаются огромные плоские вершины в виде грозных трапеций. Их чуть наклоненные склоны, словно скользя друг по другу, вертикально, как каскады водопада, ступенями падают вниз. Вот лежат, будто разрезанные пополам, гигантские караваны хлеба из камня. А там — огромные, грозно загнутые каменные клювы затлядывают в ущелья сверху вниз.

Высокие круглые «сторожевые» башни Фута-Джаллона грозно безмолвны. Бесконечно длинными поднебесными дорогами тянутся плоские узкие вершины смежных рядов гор.

Нет ни одного повторения в рельефе нагорья, нет

конца разнообразию его причудливых, неестественных форм. Что-то зловещее чудится в этой мрачной, но несказанно-прекрасной, холодной картине Фута-Джаллона, но есть в ней и что-то, что, угрожая, одновременно и привлекает к себе и манит.

В Африке лишь горы Атласа на территории Марокко, Алжира и Туниса да Капские горы на крайнем юге материка поднимаются привычными для нашего глаза островерхими хребтами до высоты 2325—4165 метров. И всякий, впервые попавший в Африку, невольно дивится необычайному рельефу Фута-Джаллона и задает себе вопрос: как мог он возникнуть?

Ответим на это коротко. Это случилось давно, так давно, что даже трудно себе представить столь грандиозные промежутки времени. 1750, а по другим данным—2185 миллионов лет назад появились первые устойчивые участки земной коры на поверхности нашей планеты. Постепенно уплотняясь, они превратились в неподатливые, «жесткие» пространства суши, так называемые платформы, промежутки между которыми заполняло море.

В силу такой «жесткой» несминаемой структуры, некоторые платформы не могли больше образовывать складок, как это происходит с более податливыми, подвижными участками земной коры при горообразовании, но обладали способностью колебаться вверх и вниз, то погружаясь в море и покрываясь на большие или меньшие пространства его водами, то поднимаясь на значительную высоту в виде обширных плоскогорий. Эти первые известные нам возникшие платформы стали как бы ядрами современных материков.

В настоящее время известно, что платформы имеют двухъярусное строение. Нижний, более древний ярус носит название щита, а наружный, верхний именуется чехлом, который формируется почти исключительно из осадочных пород.

Интересующая нас Гвинейская Республика расположена в пределах Либерийского щита, покрывающего Африкано-Аравийскую платформу.

Процесс формирования рельефа Африки, в том числе и Гвинеи, проявлялся главным образом не в сминании горных пород в складки, что приводило всегда к образованию резко выраженного рельефа в виде островерхих горных цепей, а в вертикальных движениях отдель-

ных частей материка — в их поднятии и опускании, что вызывало образование столообразных возвышенностей, прегибов, разломов и сбросов.

Каждый, побывавший на плоскогорье Фута-Джаллон, занимающем огромное пространство на территории Гвинеи, несомненно навсегда запомнит грозную красу вертикальных разломов, провалов, пересекающих, разламывающих это высокое нагорье.

Интересно также отметить отсутствие известняков среди осадочных пород Гвинеи. Видимо, экологические условия соответствующих эпох, а именно недостаточно высокая температура морской воды и отсутствие мелководных бассейнов, препятствовали развитию кораллов, образующих известняки. Кораллы не переносят прохладной воды и развиваются только в мелких водоемах.

Указанные характерные черты геологического строения Гвинеи можно считать типичными для всей Африки. Почти весь Африканский континент принадлежит к числу тех древних платформ, где позднее чем за почти 500 миллионов лет до нашей эры не было складкообразовательных движений земной коры, приводящих к возникновению складчатых островершинных (так называемых геосинклинальных) гор.

Разломы, трещины в земной коре, играющие огромную роль в формировании рельефа Гвинеи, привели на востоке Африки к образованию грандиозных, величайших в мире разломов протяженностью свыше 6000 километров, простирающихся от Мертвого моря на севере до устья Замбези на юге. Эти разломы образовали здесь длинные впадины, называемые грабенами. Глубина наиболее крупных грабенов достигает двух километров.

В заключение скажем, что если современные столообразные поднятия, сбросы и разломы в Гвинее не столь грандиозны, как возникшие в древнейшие геологические эпохи, отделенные от нас многими миллионами лет, то все же отвесное падение на равнину и причудливые формы их очертаний оставляют впечатление неизгладимое.

Город Боффа. Следуя своему маршруту, мы пересекли железнодорожный путь на город Фриа. Эта небольшая ветка отходит от железнодорожной линии, соединяющей Конакри с Канканом. Сообщение по всей остальной стране в основном осуществляется либо само-

летами, либо автомашинами по шоссейным дорогам, которые, надо заметить, поддерживаются в прекрасном состоянии.

Но вот долго сопровождавший нас Фута-Джаллон постепенно начинает уходить вдаль, теряясь в степных просторах.

Направляемся к океану. Становится жарко. Растительность редет.

По четырем мостам переезжаем через четыре рукава могучей реки Конкуре, стекающей с Фута-Джаллона в океан. У реки низкие красно-желтые «слоистые» берега, и вода такого же цвета пенится местами на перекатах. Картина очень эффектная, но, как потом выяснилось, созданная не природой, а заводами города Фриа, расположенными выше по течению реки. Это они перекрасили природу в рыжий цвет, сбрасывая в Конкуре отбросы, накапливающиеся при обработке бокситов.

Миновав селение Уассу, выходим на участок полувыжженной, скучной, лесной саванны. Рассеянно стоят довольно многочисленные масличные пальмы. Между ними встречается рафия. Это остатки когда-то густого, а теперь уничтоженного леса. Колышатся султаны волнистых по краю метровых листьев антоклеисты (подробнее об этом дереве будет ниже). Попадают казы.

Перед самым городом Боффа путь нам преграждает очень широкая, мощная река Фатала. Она течет в низких берегах. Кое-где виднеются мангровые заросли.

Мангры, мангрова — это своеобразная растительность тропического пояса, распространенная по низменным морским берегам или по прилегающим к ним берегам устьев рек, то заливаемых в прилив, то освобождающихся в отлив от воды. Для такого ландшафта характерна илистая почва, пропитанная соленой водой и почти лишенная воздуха. К подобным условиям могут приспособляться лишь определенные виды древесных, кустарниковых и травянистых растений. Подробнее с этим нам удалось ближе познакомиться несколько позднее, о чем будет сказано ниже.

Фатала около Боффа, возможно, шире Волги. В среднем течении иногда ее противоположных берегов не бывает видно.

Пятнадцать минут длится переезд через реку на пароме, и вот мы уже на противоположном берегу Фатала.

Над самой рекой стоит затененный деревьями одноэтажный отель «Фатала». Отель не имеет европейских удобств, но зато с его веранды можно любоваться широкими водами реки и наблюдать за грифом, который любит подолгу сидеть на засохшем, погибшем дереве около самой веранды.

Питаемся мы в «клубе», расположенном на открытом месте. Около клуба висит предупреждение: «Осторожно! В траве могут быть змеи».

Это предупреждение имело, вероятно, в виду распространенную в Африке очень ядовитую змею мамбу (*Dendraspis*) — древесного аспиды из семейства аспидов (*Elapidae*), все представители которого чрезвычайно ядовиты, например кобры, очковые змеи (род *Naja*), крайты и др.

Мамба живет на деревьях (местные жители указывают, что и в кустарниках), окраска ее чаще всего зеленая. Длина тела от двух до трех с половиной метров. Нападая, она падает с дерева. Питается птицами и мелкими млекопитающими.

Мне пришлось встретиться с мамбой, только не у столовой, а около отеля. Проснувшись рано утром, я вышла во дворик и остановилась под деревом манго. Вдруг в траве что-то зашуршало. Посмотрев вниз, я увидела около себя довольно большую ползущую зеленую змею. Видимо, она упала с манго. По понятным причинам я постаралась как можно скорее ее покинуть.

Но зеленая мамба не преследует людей, тогда как другой вид мамбы — змея с серо-коричневатой окраской — может погнаться за человеком. Местное население называет эту мамбу «минуткой» (если в течение двух часов после укуса не принять соответствующих мер, то смерть наступает очень быстро).

Оправившись от испуга, я поспешила в столовую. Здесь нас ожидал длинный стол, на котором были расставлены тазы с рисом, фоньо⁴, листьями маниока, кусочками мяса и курицы в каком-то остром соусе.

Мне лично эта непривычная еда не очень понравилась, и я питалась главным образом бананами с хлебом, запивая их ананасовым соком.

До обеда мы успеваем полюбоваться сверху рекой Фатала, осмотреть помещающиеся недалеко от отеля развалины немецких и английских факторий, куда в свое

время завозились товары для торговли с африканцами, и съездить в местечко Киссинг, расположенное в шестнадцати километрах от Боффа по дороге на Боке.

Киссинг стоит на берегу океана, вдающегося в этом месте глубоко в сушу. Это сюда когда-то приходили американские корабли, чтобы забрать сгонявшихся в Киссинг невольников.

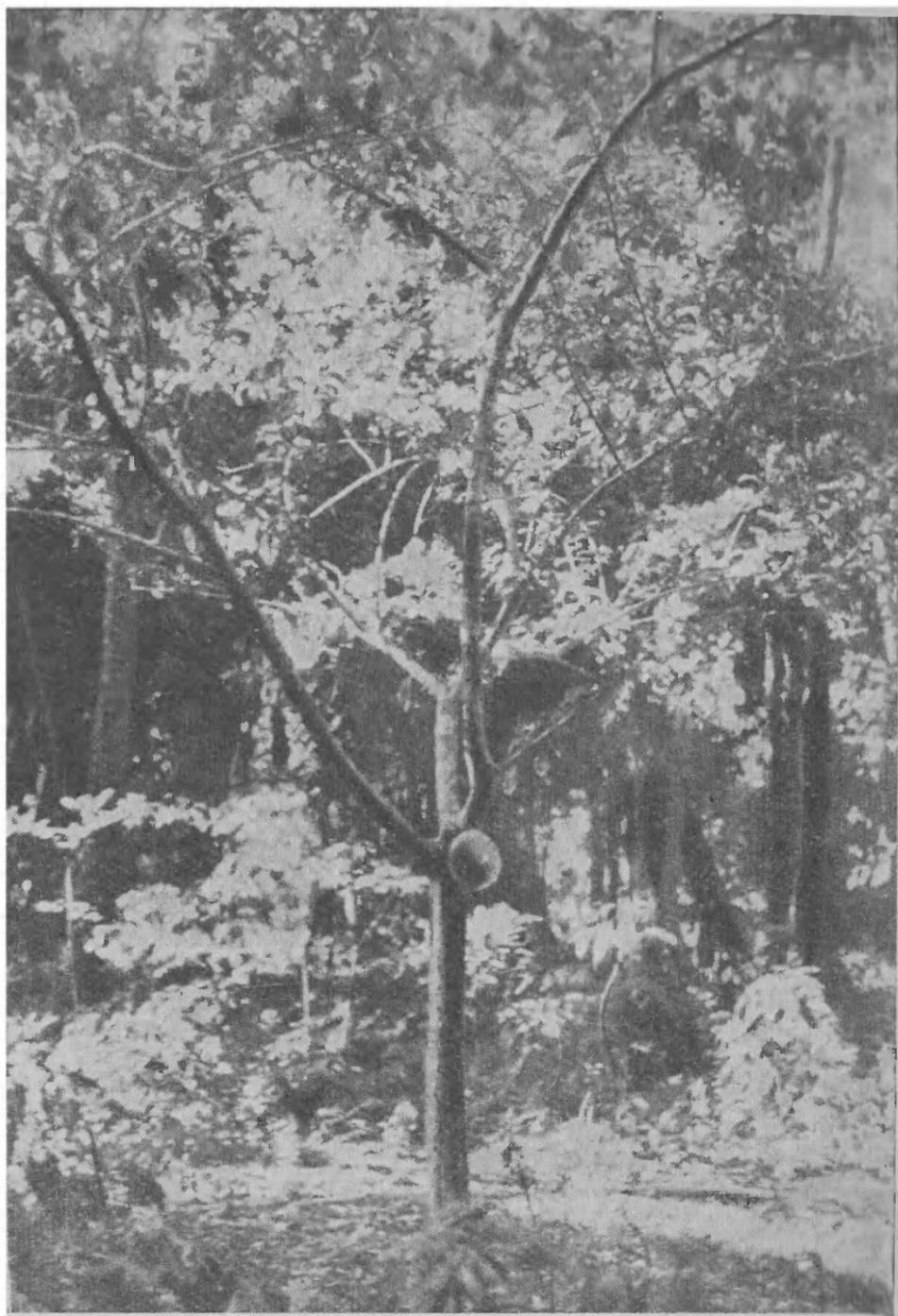
Перед нами остатки ограды и стен тех загонов, в которых содержались невольники перед погрузкой. Стоят старые пушки, когда-то защищавшие дома работорговцев от возможных нападений. Обращает на себя внимание участок морского берега, покрытый манграми.

После обеда для нас были устроены танцы. Танцевали на воздухе, поочередно сменяясь, представители двух африканских народностей — сусу и фульбе.

Музыканты сусу играли на балафонах. Балафон — это национальный африканский музыкальный инструмент. Он состоит из коротких деревянных, помещенных на общей подставке, полосок, к которым снизу прикрепляются разной величины половинки пустых калебассов, то есть «скорлупок» шарообразной формы, покрывающих плоды калебассового дерева⁵.

При изготовлении музыкальных инструментов мякоть из калебассов удаляется, а отверстие затягивается бумагой, что в зависимости от величины калебасса дает при ударе звуки различной высоты. Нам довелось слышать, что будто раньше калебассы не затягивали бумагой, а предоставляли паукам заполнять их в различной степени своей паутиной. На балафонах играют, ударяя палочками по деревянным пластинкам, укрепленным над калебассами.

Музыканты же фульбе употребляли какой-то другой инструмент, по которому они ударяли кольцами, надетыми на пальцы. Под аккомпанемент такой местной музыки начались танцы. Они захватывали. В них не было лирики. Это был какой-то вихрь, словно несся все сметающий ураган. Техника, доведенная до сверхъестественного совершенства, поражала. Быстрота движений была такова, что отдельных частей человеческого тела нельзя было различить. Мы не видели ни рук, ни ног, ни лица танцующего, все сливалось вместе в одну сплошную движущуюся массу — человека больше не было. Оставалась только какая-то вращающаяся и все

Калебассовое дерево — кресченция.
Плод на стволе (каулифлория)

время меняющая свои контуры форма. Впечатление получилось огромное, опьяняющее.

Так закончился первый день нашего пребывания в Боффа.

Окрестности Боффа. На следующий день было Рождество — 25 декабря. Выхожу на террасу отеля. Красный диск солнца стоит низко над рекой. Для тропиков холодно. Зябну, хотя термометр показывает более двадцати градусов тепла. Умываюсь, беря воду из ведра, поставленного на террасе специально для этой цели.

Во дворе отеля, перед окном моего номера, стоит баобаб, увешанный плодами, а рядом сейба, на которой еще сидят ночевавшие на ней грифы. Я сосчитала — их было двадцать.

Тут же невдалеке местные жители жгут костер, чтобы согреться. Они завернулись в одеяла, хотя температура поднялась уже до плюс двадцати трех градусов! Но, повторяю, для тропиков это очень мало. Если в Конакри ночью температура в моем номере падала до плюс двадцати трех градусов, я всегда просыпалась от холода и укрывалась теплым одеялом.

И вот, словно специально для контраста с видом озябших людей, в нескольких шагах от меня, на пригорке, пламенеет шапка похожих на тюльпаны красных цветов на дереве спатодеа, называемом тюльпанным⁶.

Однако надо торопиться. Сегодня нам предстоит посетить несколько деревушек в окрестностях Боффа, и чем раньше мы сядем в автобус, тем больше увидим. Итак, поспешно завтракаем и отправляемся в путь. Нам удалось посмотреть две деревушки — Доминья и Тородоя, и надо сказать, что эта маленькая экскурсия оказалась очаровательным дополнением к ранее полученным впечатлениям от предыдущих поездок.

Первой на нашем пути была Доминья, в прошлом греческая колония. Деревушка расположена на берегу океана, украшенном огромной сейбой, баобабом и кокосовыми пальмами.

Около этой деревушки мы впервые увидели дикорастущее дерево кола. В настоящее время культура колы широко распространилась не только в Африке, но и в других странах тропического пояса.

Так называемые орехи, а точнее, семена колы продаются в Гвинее на каждом рынке. Их раскладывают

на стойках, обычно на плоских тарелках. В зависимости от вида дерева орехи бывают или розоватые, или желтоватые, или пестрые от покрывающих их темных пятен. Орехи продают поштучно, и прохожие на улицах их постоянно жуют.

Мне хотелось на себе проверить возбуждающее действие орехов колы, но они показались мне такими не вкусными и горькими, что я не довела своего эксперимента до конца.

Семена колы экспортируются в Европу, где из них получают различные лекарственные препараты. В США выпускают широко разрекламированный по всему свету напиток кока-кола, якобы содержащий экстракт колы и благодаря этому снимающий утомление. Может быть, вначале это так и было, но сейчас все чаще приходится слышать, что экстракт колы заменяют в этом напитке более дешевыми химическими веществами.

Внешний вид дерева колы ни с какой стороны не привлекает к себе внимания, но его плоды длиною сантиметров в восемь-десять, содержащие обычно в среднем пять-шесть семян-орехов, покрытые сверху толстой, плотной, мясистой, бугорчатой кожей зеленого цвета и собранные по четыре-пять вместе в одной плоскости в виде розеток, своеобразно украшают дерево. Они похожи на крохотные подносики, подвешенные на разной высоте.

Термитники. По пути к деревушке Тородойя сначала ничто не возбуждает нашего интереса. Но неожиданно вдали показываются какие-то темно-коричневые, узкие, островерхие сооружения, разбросанные по равнине. Они выше человеческого роста, некоторые достигают высоты трех-четырёх метров и похожи издали на стилизованно вытянутые вверх стога сена или башни, украшенные отходящими от них на разной высоте узкими выростами-шпилями, как на островерхих покрытиях католических храмов.

Подъезжаем ближе. Да это же термитники, гнезда термитов!

Часто термитов смешивают с муравьями. Однако по своему происхождению они стоят гораздо ближе к тараканам, чем к муравьям.

Термиты входят в особый отряд равнокрылых Isoptera, который близок к отряду Blattodea, куда от-

носят тараканов, и ничего общего не имеют с отрядом перепончатокрылых — Нуменоптера, в который входят муравьи.

Встречаются термиты главным образом в тропиках и лишь отчасти в субтропических областях. В природных условиях питаются сухой травой или древесиной. Они приносят большой вред человеку, пожирая пищевые запасы, портя одежду, разрушая мебель, деревянные постройки, шпалы, телеграфные столбы и прочее.

Проникая в избранный деревянный объект, они выедают его изнутри, оставляя нетронутым лишь наружный слой, так что поврежденный предмет при первом же толчке превращается в труху.

Термиты по-разному устраивают свои жилища. Одни виды живут в подземных гнездах, другие выгрызают дупла внутри стволов деревьев, третьи, как встретившиеся нам в Гвинее, возводят очень прочные сооружения — термитники.

Такие надземные постройки некоторых африканских термитов могут достигать высоты пятнадцати метров и занимать значительную площадь в двадцать-тридцать метров в окружности (у основания). Термиты строят свои жилища из земли, нагрызенной древесины или из смеси того и другого. При этом, выделяя из желез особую жидкость, они так прочно цементируют отдельные частицы почвы или древесины между собой, что даже сильные тропические ливни не могут разрушить термитник. Человеку же удастся разбить термитник только топором.

В камерах термитов нередко разрастается мицелий, то есть грибница из тонких переплетающихся нитей — гифов, на которых развиваются плодовые тела грибов. Некоторые виды термитов питаются мицелием.

В термитниках, так же как и в муравейниках, встречаются три основные категории обитателей: «рабочие», «солдаты» и функционирующие половые особи, способные к воспроизведению потомства, — «царь» и «царица».

«Рабочие» — это бескрылые, часто слепые особи. Они строят жилища, добывают корм и выращивают из яиц потомство. Они питают личинок жидкостью, которую отгрыгают, или содержимым прямой кишки, а кроме того, очищают их от грязи.

Термиты с громадной головой и клешнеобразными

Термитники. Окрестности Боффа

челюстями — «солдаты». Они защищают колонию от многочисленных врагов. Головы «солдат» бывают снабжены специальными приспособлениями для отражения врагов. Так, существуют особые, «носатые солдаты», у них колбообразная голова заканчивается длинным острием, на котором открывается проток железы, выделяющей при самозащите особое клейкое вещество.

Молодые самцы и самки крылаты, они обладают прекрасным зрением. В определенное время года начинаются брачные полеты. Затем пары основывают новую колонию.

«Царь» и «царица» у некоторых видов термитов помещаются в особой «царской» камере, где «царь» оплодотворяет «царицу».

Самка-«царица», равно как и самец-«царь», после брачных полетов теряет крылья. «Царица» начинает откладывать яйца. Ее брюшко увеличивается, превосходя в тысячу и даже в две тысячи раз все остальные части тела. В это время она становится неспособной к передвижению и остается лежать в «царской» камере.

Сотни «рабочих» заняты ее кормлением и перемещением яиц в нижние этажи термитника, где выводится потомство.

«Царица» живет очень долго, у некоторых термитов до шестнадцати лет. В течение всей жизни она откладывает через каждые несколько секунд по яйцу, которые сейчас же уносятся термитами-«рабочими» в соответствующие приспособленные для этого камеры. Считается, что одна самка может отложить за свою жизнь до ста миллионов яиц. Было определено, что самка из одного африканского термитника откладывала до шестидесяти яиц в минуту.

Размеры обитателей термитников у различных видов термитов очень различны. У крупных термитов «солдаты» достигают в длину двадцати миллиметров, а «царица» даже ста сорока миллиметров. Величина же «рабочих» мелких видов термитов едва доходит до двух с половиной миллиметров.

Термиты способствуют улучшению структуры почвы, прорывая в ней идущие на большую глубину ходы. Кроме того, переработанная термитами почва, идущая на постройку термитников, обладает высоким плодородием. Известно, что некоторые африканские народности ис-

пользуют заброшенные термитники для удобрения своих полей.

Внешне термитники кажутся безжизненными. Термиты ведут скрытый образ жизни и почти никогда не выходят наружу. В случае же необходимости выйти из термитника в поисках пищи они выходят преимущественно по ночам и для передвижения прокладывают по земле крытые галереи в виде трубочек, слепленных из глины или лёсса, по которым они и достигают своей цели.

Такое поведение термитов объясняется тем, что они очень боятся сухости воздуха. В термитниках же у них всегда влажно, так как в случае надобности они прорывают в земле под термитниками ходы вплоть до грунтовых вод.

Но наряду с описанными «городами» высоких термитников, так сказать «небоскребов», в других местах нам довелось встретить словно «игрушечные» грибовидные термитники высотой не больше одного-полутора метров; чаще же они поднимались только сантиметров на семьдесят при чуть меньшем диаметре. По форме они действительно походили на гигантские грибы, потому что сверху были прикрыты свисающей книзу «крышей», довольно точно воспроизводившей шляпку гриба.

Под конец нашего пути мы остановились в Тородойя. Немногочисленные казы этой деревушки были живописно разбросаны среди масличных и кокосовых пальм. На высоких подставках стояли небольшие плетеные загоны для баранов и коз. Около жилья было много насаженного маниока.

При выезде из деревни мы натолкнулись на целый поселок ткачиков. Довольно большая группа масличных пальм стояла буквально обсыпанная их гнездышками. А сами ткачики, словно крупные мухи, висели в воздухе, весело щебетали, целыми стайками бросались вниз и снова взмывали к своим гнездышкам вверх.

Эти чудесные птички-крошки трогали своими размерами и яркой раскраской их головок, грудок и участков под всегда торчащим кверху хвостиком. Уморительно дисциплинированные и деловитые, они всегда веселы, всегда щебечут и всегда вызывают вашу улыбку, но... до тех пор, пока не разоряют поля, уничтожая урожай.

Пляж «Прекрасный воздух». Наступил третий день нашего пребывания в Боффа. По плану мы должны про-

вести его на недалеко расположенном от Боффа пляже «Прекрасный воздух».

Завтрак окончен, автобус подан, мы начинаем наш путь. От Боффа едем пятьдесят километров по шоссе в направлении на Боке, затем еще двадцать два километра проселочной дорогой, и в одиннадцать часов мы уже на пляже.

По дороге ничего нового. Все та же саванна с небольшим количеством деревьев — много антоклеисты; повстречалась речка, стоят отдельные казы. Около одних сейбы, около других апельсиновые деревья. Мальчишки апельсинами играют в футбол.

«Прекрасный воздух» — это обширный песчаный пляж, окаймленный с обеих сторон пальмовым лесом. Ближе к берегу моря кое-где, выступая из пены, приподнимаются косо лежащие слоистые полосы черных от воды латеритов. Тянется длинный ряд кабин. За ними в некотором отдалении разбросаны среди пальм казы. Вот и всё.

Из местного населения купаются очень немногие, причем в основном дети. Купающихся женщин я вообще в Гвинее не видела. Вся прелесть пляжа «Прекрасный воздух» — это море и тишина.

Возвращение в Конакри. Наше возвращение с пляжа «Прекрасный воздух» в Боффа оказалось довольно романтичным. Уже начинало темнеть, когда мы двинулись в обратный путь. Прежде всего сразу же выяснилось, что на нашей машине не горят фары, и нам пришлось упросить ехавшего с нами молодого парня сесть с электрическим фонарем на капот машины, чтобы освещать дорогу, когда окончательно стемнеет.

Затем в пути на закате солнца мы должны были остановиться и дать нашему шоферу возможность расстелить коврик на земле и помолиться, обратившись лицом к Мекке.

Шел строго соблюдаемый мусульманами пост Рамадан, который требовал не пропускать обязательной для мусульман молитвы при закате солнца и позволял принимать пищу и пить воду только после того, как солнце зайдет. Этот запрет, как говорят, соблюдается у мусульман так строго, что даже не разрешается глотать слюну, и можно видеть, как правоверные мусульмане осторожно ее выплевывают.

После захода солнца тьма быстро спустилась на землю: повсюду зажгли костры. Вокруг них кучки собравшихся людей готовили пищу. Золотистые от огня прозрачные дымки поднимались кверху.

Иногда на остановках нас приглашали подойти к огоньку погреться. Мы были этому рады, сильно продргнув в открытом кузове машины. В тропиках ведь далеко не всегда бывает жарко.

Но вот и Конакри. Несмотря на поздний час, в городе большое оживление. Повсюду тоже огоньки костров. Кроме того, народ молится. Люди (одни только мужчины) в торжественных белых бубу стоят вдоль улиц в один, а иногда и в два ряда и одновременно падают ниц и снова поднимаются.

Таково было наше возвращение в Конакри из поездки в Боффа. Подводя теперь итог впечатлениям, полученным нами от всех вышеописанных многочисленных поездок, надо сказать прежде всего, что все они были очень разнообразными. Каждая из них щедро одарила нас оригинальным познавательным материалом. Каждая по-своему существенно расширяла рамки нашего восприятия красочных контрастов африканской природы. Но все же ничто не смогло сравниться с чувством незабываемого почтительного восхищения суровой, торжественной красотой и глубоким внутренним содержанием ландшафтов Фута-Джаллона. Это была картина непревзойденной, все побеждающей силы величия. Мне думается, что такие впечатления никогда не забываются.

В лодке по Мелакоре

В царстве мангров. Эта река называется Мелакоре. Длинна ее путь. Долго течет она, спускаясь по ступеням отца рек — нагорья Фута-Джаллон, по дороге к далекому океану, украшая широкой водной лентой прибрежную Гвинею.

Непроходимые зеленые чащи обрамляют ее берега, любясь своим отражением в ее быстрых водах. Ничто не тревожит спокойствия Мелакоре. Разве что на небольшую отмель вылезет крокодил погреться на солнце и посмотреть на небо.

Но вот дотекла она наконец до деревни Форекарья, и люди разбудили ее дремоту. Мост перекинулся через воды Мелакоре, поплыли по ней пироги.

А 28 декабря мы, шесть человек, пришли сюда и сели на пристани в лодку. В тот день мы проехали из Конакри на машине сто километров, чтобы увидеть тропическую красавицу реку. Во время пути в третий раз прошли перед нами горы Какулима и «Собака, которая курит».

Повернув от Конакри направо на юго-запад вдоль берега океана, мы увидели причудливые каменные навесы, заглядывавшие в ущелья, и гигантские ступени лестниц, которыми горы Манеа (800 метров над уровнем моря) и Курья спускались со своих плоских вершин на равнину.

Пестрые, шумливые рынки встречавшихся нам по дороге из Конакри деревень возбуждали наше внимание и интерес.

Но вот лодка тронулась, и мы поплыли. Перед нами струятся воды широкой реки и расступаются ее пушистые зеленые берега. Как будто ничего особенного. Но как же живописен, как интересен этот пейзаж, если внимательно всматриваться в него.

Смолкли голоса оставшихся на берегу людей. Остался позади мост. Река понемногу начала погружаться в чудесное безмолвие. Берега же мимо нас все плыли и плыли. Сначала богато одетые высокими, стройными масличными пальмами, они постепенно сменили эту, так сказать, парадную официальную одежду на повседневный костюм, в котором смешались все роды и виды древесных и кустарниковых растительных форм.

По берегам встала стена темно-зеленой непроходимой чащи, где все переплеталось одно с другим, образуя какой-то сплошной, запутанный зеленый войлок. Между растениями не было никакого просвета — бессолнечный мрак не позволял взору проникнуть внутрь. А лодка двигалась вперед и вперед и ощущение замкнутости и отрешенности этого маленького, наблюдаемого нами кусочка жизни от окружающего его ландшафта все сильнее и сильнее чувствовалось каждым из нас. И наконец кто-то сказал: «Да это же мангры». «Перед нами мангровые берега». «Мы плывем через мангровый лес — мангрову».

Река Малакоре. Мангровый лес.
Ходульные корни

Как уже отмечалось выше, мангровые леса — это растительность низменных, затопляемых приливом тропических морских побережий, а иногда и прилегающих к ним берегов устьев рек, впадающих в море.

Ведущими деревьями мангров во всем мире являются большею частью низкорослые (пять-десять метров) виды деревьев и кустарников, образующих густые заросли. Для них характерны толстые, круглые в сечении, сильно разветвленные, полупогруженные в ил и высоко поднимающиеся над водой так называемые ходульные корни, служащие опорой деревьям и помогающие им удерживаться в полужидком иле.

Из деревьев в мангровах чаще всего встречаются ризофора (*Rhizophora*) и авиценния (*Avicennia*).

Ризофора располагается ближе к воде и во время прилива заливается сильнее других деревьев.

Авиценния занимает вторую линию. Затем еще дальше от берега могут расти лагункулярия (*Laguncularia*) и банистерия (*Banisteria*).

И наконец, на берегу, вне зоны приливов, в Гвинее мы часто встречаем пальмы — масличную и рафию.

Все растения мангров, кроме ходульных корней, обладают и другими своеобразными приспособлениями, позволяющими им развиваться в таких необычных условиях. Всем им свойственно повышенное осмотическое давление, достигающее от тридцати до шестидесяти, а иногда даже и до ста шестидесяти атмосфер, в силу чего они могут поглощать соленую воду.

Затем у ризофоры, например, кроме прочных ходульных имеются еще так называемые более слабые придаточные корни, вырастающие на основном стволе и на его ветвях и опускающиеся наподобие канатов в илистый субстрат, в котором они способны укрепиться. На эти корни дерево опирается как на подпорки, и это также помогает ему удерживаться в иле даже в прилив во время затопления почвы. Подпорки могут достигать в длину десяти метров.

Но некоторые придаточные корни не доходят до воды, а свисают с деревьев, как бахрома. Такие корни построены из рыхлых тканей и выполняют дыхательную функцию, возмещая растению недостаток кислорода в почве, и называются тогда воздушными корнями.

Ризофора — «живородящее» растение. Прорастание плода начинается у нее, когда плод еще висит на ветке материнского растения. Так продолжается до полугода и даже более. В конце концов проросток отрывается от ветки и, падая, вонзается корнем в илистый субстрат, закрепляясь в нем.

Если проростку не удастся сразу закрепиться в иле, то он способен долгое время плавать по воде и переноситься таким образом на значительные расстояния, пока в конце концов ему не посчастливится укорениться где-нибудь в подходящих для него условиях.

Этой особенностью, вероятно, и объясняется распространение ризофоры по мангровам всего тропического пояса.

Что же касается авиценнии, то ее специальной приспособительной особенностью являются своеобразные дыхательные корни, которые дают ей возможность развиваться на илистом субстрате, почти лишенном воздуха.

Обнажающийся при отливе ил почти всегда бывает

Река Мелакоре. Мангровый лес.
Воздушные корни

отравлен сероводородом. При таких условиях корни растений «задыхаются» и отмирают. Но авиценния, как и ризофора, тоже приспособилась пользоваться кислородом воздуха, применив для этих целей лишь другие средства. У нее отходящие от основного ствола боковые корни располагаются главным образом в поверхностных слоях ила. На этих горизонтально простирающихся корнях развиваются вертикально стоящие отростки, которые, выходя из воды, поднимаются на двадцать-двадцать пять сантиметров над поверхностью ила. Они, как и воздушные корни ризофоры, состоят в основном из рыхлой ткани — аэренхимы, благодаря чему кислород воздуха может ими поглощаться.

К сожалению, нам не пришлось познакомиться со своеобразно построенной дыхательной системой авиценнии.

Мне же довелось видеть дыхательные корни этого растения на острове Элефанта, расположенном в Аравийском море против Бомбея. Внешне они походили на

нетолстые колышки, которые в отлив, словно гигантские карандаши, частоколом торчали кверху из полужидкого ила.

Укажем еще некоторые особенности приспособительного характера, свойственные растениям мангров. Листья у них, как правило, кожистые, глянцевитые, с толстой кутикулой, что исключает излишнее испарение; у многих имеются специальные железки, выделяющие избыток поглощенных солей, вследствие чего листья у них иногда могут быть покрыты слоем соли; в старых листьях растений образуются резервуары с пресной водой, необходимой для роста молодых побегов.

Плоды и молодые растеньица имеют в своих тканях много воздушных полостей, благодаря чему они способны долго плавать в воде, не теряя всхожести.

На седловину горы Какулима

Вторичный тропический лес. Это была одна из тех пездков, которые не скоро забываются, а может быть и никогда.

Мы выехали 8 февраля в восемь часов утра на маленьком автобусе — «газике». Пришлось ограничить число желающих ехать, так как было опасение, что на более вместительном автобусе невозможно будет пробираться почти без дороги к нашей цели. А нашей целью была седловина у вершины горы Какулима, которая поднимается, как говорилось, на высоту 1007 метров над уровнем моря, в пятидесяти километрах от Ко-накри.

От Дюбрека поехали почти по бездорожью. Кругом злаковые травы метра в три ростом. Поднимаемся все выше и выше, и постепенно перед нами разворачивается типично горный ландшафт.

Внизу пересекающие друг друга в разных направлениях развалы долин, завершающиеся на высоте несколько большей, чем та, на которую мы поднялись, столбообразными покрытиями Фута-Джаллона.

С высотой начинает появляться лес, который постепенно становится все гуще и гуще. По краям дороги все чаще встречается музанга Смита (*Musanga Smithii*).

Дерево музанга Смита

Это средней высоты дерево из семейства тутовых (Мога-сеае) с очень большими, до пятидесяти сантиметров в диаметре, лапчатосложными листьями, отдельные листовые пластинки которых свисают вниз. Похожие на раскрытые зонтики или маленькие падающие парашютики, эти гигантские, опущенные книзу листья, когда смотришь на густую крону дерева с высоты или сбоку, невольно вос-крешают в памяти представление о парашютном десанте. Этим можно залюбоваться.

Музанга считается типичной для вторичных тропиче-ских лесов, где она часто доминирует, особенно вдоль дорог по лесным опушкам.

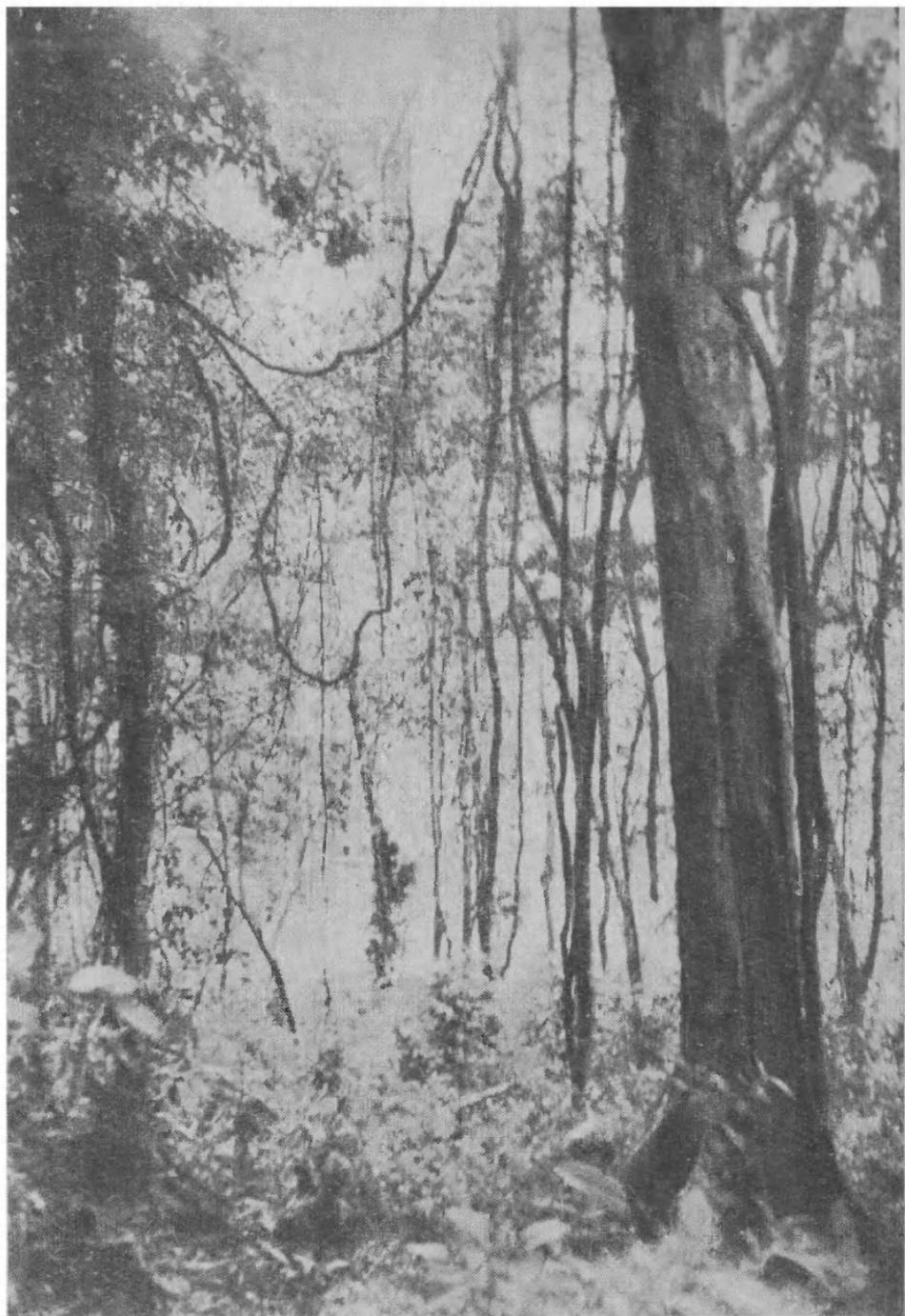
Но что такое вторичный лес?

В Африке для получения площадей под сельскохо-зяйственные культуры применяется система выжигания лесных участков. Но если выжигание прекращают, то освободившейся территорией завладевает саванна, ввиду того что в результате изменившихся после огневой очист-ки условий тропический лес не может сразу же здесь вновь разрастаться.

Постепенно же лес переходит в наступление, и, если человек длительно не возобновляет своего вмешатель-ства в жизнь древесного насаждения, лес побеждает и вытесняет саванну. Он вторично захватывает свои вла-дения. Это и будет вторичный лес.

Но для этого процесса — развития вторичного тропи-ческого леса — требуется не менее десяти лет. Кроме того, надо сказать, что далеко не все виды деревьев способны селиться сразу же после саванны. Одной из первых приходит быстрорастущая музанга, а одновре-менно или, может быть, несколько позднее появляются масличная пальма, терминалия, фагара и др.

Итак, продолжаем свой путь через участок вторично-го, как теперь мы имеем право сказать, тропического леса, направляясь к охотничьему губернаторскому до-мику (сохранился от времен колониальной эпохи), рас-положенному чуть ниже седловины Какулимы. Извест-но, что для тропического леса характерно обилие лиан и эпифитов. Изобилия эпифитов мы не встретили на своем пути, но чем дальше мы углублялись в лес, тем все за-метнее увеличивалось количество лиан. Они свисали бахромой с деревьев до земли, переплетались между собой, перекидывались с одного дерева на другое, часто

Лианы в тропическом лесу по дороге
на седловину горы Какулима

обвивая их. И всюду перед нами завесой вставал «войлок» из растений, преграждавших дорогу.

В нескольких шагах от губернаторского домика я попробовала пройти к нему, минуя тропинку. Все мои попытки оказались тщетными. Лес не пропустил меня в свои владения. Пришлось повернуть обратно, хотя совсем рядом перед своими глазами я уже видела и террасу домика и стоящие на ней стол и стул.

Пробираться дальше на «газике» тоже стало почти невозможно. Повалившиеся деревья перерезали дорогу. Мы растаскивали эти завалы, но они начали встречаться все чаще и чаще. Ноги наших мужчин, расчищавших путь, покрылись паутиной и были изранены крупными острыми колючками. Было решено больше не сопротивляться. Вылезли из «газика» и потихоньку стали подниматься вверх к седловине пешком. Идти было трудно. Ноги скользили по склону, кустарники, лианы, цепляясь, тянули назад. Никаких цветов не было. Солнце сквозь плотную зеленую завесу деревьев и кустарников не проникало вниз. Цвели лишь более высокие кустарники и немногие деревья.

Но вот заключительный аккорд к нашей чудесной, впечатляющей поездке.

Обезьяны. При спуске с седловины Какулимы, недалеко от губернаторского домика, нас встретила целая орава крупных обезьян. Они скакали по деревьям как бешеные и пронзительно кричали. Прыгали и скатывались вниз, хватаясь за ветки деревьев, чтобы остановиться. Одна из обезьян с размаху высоко подпрыгнула вверх и тут же одним махом перелетела с одного дерева на другое на расстояние метров в десять, а может быть и больше.

Мы ахнули и замерли от восторга.

Попробовали пройти дальше за обезьянами-акробатами, чтобы понаблюдать за ними, но из этого ничего не вышло — не было никакой возможности отойти в сторону от тропинки.

Я не была новичком в тропиках. До поездки в Гвинею я три раза побывала в тропических лесах — в Восточной Африке, на Цейлоне и Индии. Но только здесь, в Западной Африке, я в полной мере ощутила и оценила мощь, красоту, изобретательность и творческую силу тропической природы.

Мои первоначальные впечатления от тропиков, которые в свое время меня поразили, завяли и потухли в Гвинее. Только здесь по-настоящему я ощутила великую красоту и столь же безмерно великое, ничем не ограниченное могущество все побеждающих сил тропической природы.

Поездка в город Фриа

Еще одно маленькое путешествие расширило наше представление о гвинейской земле. Это была однодневная поездка в город Фриа.

Как всегда, так и в это раннее утро при выезде из Конакри большой красный диск солнца стоял еще низко над океаном.

Как и всегда, вереницы женщин тянулись к центру города, неся самую разнообразную поклажу на голове. А затем перед нами промелькнули гари и гнезда ткачиков на ветвях масличных пальм.

Вдали показалась гора Какулима. Дальше в течение полутора-двух часов наш путь пролегал по наиболее красивой части дороги под отвесами Фута-Джаллона.

Сколько бы раз ты ни проезжал через этот участок берега Нижней Гвиней, никогда не устанешь изумляться причудливыми формами плоскогорья Фута-Джаллон.

Зато внизу степная равнина, как всегда, однообразно скучна. Кое-где масличные пальмы, антоклеяста, манго, высокие термитники. Встретилось одно хлебное дерево у жилья. Кокосовых пальм и рафий не видно.

По четырем мостам перееезжаем через реку Конкуре.

Дальше Фута-Джаллон не имеет столь чарующего облика, который изумлял нас с первой половины нашего пути.

Спускается туман. Позади нашей машины большая обезьяна медленно переходит через дорогу, точно закрывая за собой путь к только что промелькнувшему перед нами нагромождению сказочных гор. И через несколько минут, миновав голые гари, участки обгоревших деревьев и распаханых полей, мы видим дым заводов Фриа.

Въезжаем в городок с двумя небоскребами — каждый этажей по двенадцать-пятнадцать. Здесь живет административный персонал завода.

Свое название местечко Фриа получило от небольшой деревушки племени фульбе, которая расположена под горой в десяти километрах от Конакри на плато Кимбо в западной части нагорья Фута-Джаллон, в верховьях реки Конкуре. По имени плато заводу присвоено также название «Кимбо».

Разработка бокситов. Завод занимается разработкой бокситов, то есть горной породы, в состав которой входит от тридцати шести до восьмидесяти процентов глинозема, постоянной же составной частью является окись железа (до 30%). Из других примесей наиболее распространены окиси кальция, магния, марганца, реже калия, натрия и др.

Цвет бокситов красный, различных оттенков, или серый (от зеленовато-серого до темно-серого, почти черного). Они широко используются в отраслевой промышленности. Наибольшее значение бокситы имеют как исходное сырье для получения алюминия (алюминиевая руда), на базе которого построена вся современная алюминиевая промышленность.

Гвинейские бокситы по своему качеству занимают одно из первых мест в мире.

При поездке по заводу мы посетили несколько цехов; нам было также показано место разработки бокситов — отвесная стена оранжевого цвета на одном из плоских уступов Фута-Джаллона; перед ней располагались заводские постройки.

Бокситы составляют существенную часть экспорта Гвинеи, но пока они все же уступают первое место бананам и ананасам. Тем не менее добыча бокситов имеет немалое значение для страны.

Мусульманские праздники Айд эль-Феттр и Айд эль-Адхаа.

Наше посещение Фриа совпало с чрезвычайно почитаемым у мусульман, вторым по своей значимости, праздником Айд эль-Феттр⁷. Этому празднику предшествует строжайший длительный пост, который продолжается в течение всего девятого месяца мусульманского лунного года, носящего название Рамадан (арабское произношение) или Рамазан (турецкое произношение).

Название месяца перешло и на пост, который тоже именуется Рамадан.

Во время этого поста не полагается ни пить ни есть, пока солнце в небе, то есть от восхода солнца и до его заката. В городах на это время закрываются все рестораны и кафе. По литературным данным, запрещается также вдыхать благовонные запахи, глотать слюну⁸, пить вино, целовать женщину. Приостанавливается торговая и даже государственная и дипломатическая деятельность.

Женщины тоже постятся, если не кормят в это время детей.

Но помимо поста в течение месяца Рамадан мусульмане «говеют». Это месяц воспитания воли и нравственного совершенствования. Тот, кто соблюдает пост, должен побеждать зло — сдерживать злобу, прощать обидчику, помогать ближнему.

В течение Рамадана обязателен так называемый религиозный налог, или закаа. Коран предписывает во время поста часть своих доходов отдавать бедным. Размер налога на семью определяется по числу ее членов. Коран предусматривал исчисление размера налога в пшенице, но потом его стали переводить соответственно на скот, деньги и т. д. Теперь считается, что налог должен составлять примерно двадцатую часть доходов семьи, но величина его строго не установлена. Раньше сбором налога ведало государство, затем были созданы общественные организации, которые собирали пожертвования и распределяли их среди бедных, теперь же это делают сами дающие.

Но давать полагается скрытно, так, чтобы получающий не знал, кто ему помогает. Если, например, посылается посылка или подарок, то нигде не обозначается имя отправителя.

Рамадан заканчивается с наступлением новолуния в следующем за постом месяце, и праздник Айд эль-Фетр начинается на следующий день после появления луны.

Ввиду того что из-за дурной погоды не всегда возможно повсюду одновременно определить появление новой луны, города по телеграфу оповещают друг друга об этом событии.

Праздник длится три дня. В первый день повсюду совершаются торжественные всенародные «большие мо-

ления», чаще на открытом воздухе⁹. В этот день президент Гвинеи после присутствия на «большом молении» в столице государства — Конакри объезжает страну, повсюду ненадолго задерживаясь на молебствиях.

Итак, во Фриа мы попали на торжественное «большое моление». Оно совершалось на просторной городской площади. Присутствовали одни мужчины, все в праздничных белых бубу и белых же шапочках. Молящиеся стояли на площади друг за другом тремя длиннейшими рядами, по линиям, заранее начерченным на земле мелом. Ведущий молитву¹⁰ находился впереди и зачитывал отдельные места из Корана, после чего молящиеся наклонялись до земли, падали ниц или поднимались, чтобы через некоторое время снова склониться. При преклонении к земле полагается коснуться земли лбом и носом.

Было уже темно, когда мы вернулись в Конакри.

Несколько позднее мне посчастливилось встретить в Конакри и другой наиболее почитаемый среди мусульман, первый по своей значимости «праздник жертвы» — Айд эль-Адхаа¹¹.

Этот праздник берет свое начало от времени, когда мусульманство как религия еще не существовало. В основе праздника лежит библейское сказание о принесении Авраамом¹² в жертву своего сына Исаака, что было символом бесконечной любви, преданности и покорности богу. Но, как известно, ангел господен остановил руку Авраама, занесенную над сыном, и Исаак был заменен агнцем, запутавшимся своими рогами в чаще, где его увидел Авраам, оглянувшись назад. Агнец и был принесен в жертву Авраамом. Поэтому торжественное моление в праздник Айд эль-Адхаа заканчивается закланием барашка.

Праздник начинается в десятый день одиннадцатого лунного месяца и длится четыре дня. Именно к этому времени верующие стараются совершить хадж, то есть паломничество в Мекку.

Мусульмане, встречающие праздник не в Мекке, режут баранов дома, чаще всего одного, раздавая большую часть мяса нищим.

Первый день праздника всегда ознаменовывается торжественной всеобщей молитвой. Я присутствовала на такой молитве. Толпы народа в праздничных белых бу-

бу собрались на стадионе. Все поле было заполнено строго выровненными рядами молящихся, одновременно склонявшихся, падавших ниц и выпрямляющихся, чтобы потом снова склонить головы до земли, коснувшись ее лбом и носом.

Впереди, на особо для этого отведенном месте, ведущий молитву зачитывал изречения из Корана и там же по окончании молебствия был заклан барашек.

Примечания

¹ Кассия (*Cassia sieberiana*) — дерево до 12 м высотой из семейства цезальпиниевых (*Caesalpiniaceae*) с красивыми сложно-перистыми листьями и крупными кистями желтых цветов. Кора, листья и корни используются для лечебных целей. Родина — Малайский архипелаг.

² Род рафия (*Raphia*) объединяет до 20 видов. Встречается в тропических частях Африки и Америки. К этому роду относится много полезных видов. Различные части пальмы используются для плетения разнообразных изделий, в качестве мочала и, кроме того, как строительный материал. Один вид рафии, так называемая винная пальма (*Raphia vinifera*), при срезании ее молодых соцветий выделяет из стеблей сахаристый сок, собираемый на пальмовое вино. Мне приходилось пробовать это вино. Оно очень вкусное.

³ Полосатость зависит от нагромождения друг на друга горизонтальных слоев горных пород.

⁴ Фonio — злак дигитария (*Digitaria exilis*) из трибы просовых. Его мелкое зерно, вроде проса, употребляется как крупа для похлебок; молотое — примешивается к муке из других злаков. Вполне заменяет рис в составе кус-куса. Может заменять также манную крупу. Для созревания требует 90 дней.

⁵ Калемассовое дерево — кресценция (*Crescentia cujete*) из семейства бигнониевых (*Bignoniaceae*). Очень твердые оболочки его шарообразных плодов (могут достигать величины арбуза), так называемые калемассы используются в хозяйстве для изготовления разной посуды и других целей. Плоды развиваются непосредственно на стволе дерева или на его старых ветках. Такое явление часто наблюдается в тропиках (каулифлория).

⁶ Тюльпанное дерево (*Spathodea campanulata*) из семейства бигнониевых (*Bignoniaceae*). Большое дерево высотой до 15—20 м, встречается повсюду в тропиках. Листья перистые. Цветет крупными красными цветами, похожими на тюльпаны, которые на длинных ножках торчат вверх, украшая крону дерева сплошной шапкой.

⁷ По-арабски Айд — праздник, Фетр — завтрак, угощение. В день праздника кончается длительный пост, предшествующий празднику. Первым по своей значимости праздником у мусульман считается «праздник жертвы» — Айд эль-Адхаа (см. стр. 96).

⁸ Слюну надлежит выплевывать. Поэтому в течение того време-

ни, пока продолжался пост, в Конакри можно было наблюдать на улицах и в учреждениях, как мужчины незаметно сплевывали слюну.

⁹ Считается, что во время Рамадана предпочтительнее совершать молитву, собираясь группами на открытом воздухе или в мечети, но не в одиночку.

¹⁰ У мусульман нет профессиональных служителей религиозного культа, которые являются посредниками между людьми и богом, как православные священники. Слово «мулла» — искаженное персидское слово, означает «господин», «повелитель» и не имеет никакой связи с мусульманской религией. Мулла — это уважаемый человек, выбираемый верующими и способный руководить делами данной мечети, равно как и наблюдать за соблюдением соответствующей обрядности. От государства мулла никакого вознаграждения не имеет. От верующих получает плату за совершенные им требы.

¹¹ В Конакри люди немусульманского вероисповедания часто называли «праздник жертвы» праздником Байрам. Такого праздника вообще не существует. Само слово «байрам» турецкого происхождения и означает просто «праздник». Кроме того, на Востоке, в частности в Африке, это слово вообще не употребляется.

¹² Авраам почитается мусульманами под именем Ибрагима, который первый призвал заменить идолопоклонство «небесной» религией, основанной на почитании единого всемогущего божества. По преданию, Кааба (храм в Мекке, Саудовская Аравия) была построена Ибрагимом и здесь Ибрагим в проповеди впервые произнес слово «ислам», что значит «мир». Нельзя убить никого, кто укроется на территории Каабы. Раньше здесь спасались бежавшие рабы.

ПЕРЕД НАМИ САВАННА

Как возникла африканская саванна? Вначале был лес.

Сухие листопадные и влажные вечнозеленые тропические леса покрывали громадные пространства Африканского континента, но и теперь по площади они, видимо, уступают лишь пустыням и полупустыням, вместе взятым.

Имеющиеся в настоящее время сравнительные данные по климатическим условиям на территории Африканского материка показывают, что и в настоящее время они таковы, что лесная растительность в большинстве случаев могла бы здесь успешно развиваться.

Свыше 1200—1500 миллиметров годовых осадков и не очень длительный сухой сезон (около шести-семи месяцев) вполне обеспечивают произрастание лесов, и не только сухих и листопадных, но в некоторых случаях даже влажных вечнозеленых. Такой ландшафт и сохранили бы многие африканские территории, если бы не активное вмешательство человека. С переходом к оседлому образу жизни человек все больше и больше нуждался в землях, пригодных для выращивания культурных сельскохозяйственных растений, и человек начал вырубать и выжигать леса.

Без удобрений, не зная рациональных приемов ведения сельского хозяйства, человек не мог предотвратить быстрого истощения почвы, которая в Африке к тому же не отличается высоким плодородием. Через три-четыре года обработанный участок приходил в полную негодность, и требовалась все новая и новая очистка земель от леса.

На заброшенных после огневой очистки землях появлялись представители более засухоустойчивой древесной флоры. Поэтому в саванне мы и встречаемся в большинстве случаев с листопадными растениями, а видов вечнозеленых растений, например пальм, в саванне

очень немного. Прочно уцелела только масличная пальма, которая, как дающая важнейшие продукты питания, обычно не вырубалась.

Таким образом, происходила коренная смена первичного растительного покрова и на месте былых лесов возникала новая растительная формация, получившая название саванны (испанское слово «saban»).

Саванна — это во многих, а может быть и в большинстве случаев, и в частности, несомненно, в Африке, не естественное природное растительное сообщество, сложившееся в условиях сухого и жаркого климата, а растительная формация, возникшая под воздействием человека, уничтожавшего естественные древесные насаждения, искусственными пожарами.

Различные типы саванны. Характерной чертой растительного ландшафта африканской саванны являются разбросанные повсюду по слабоволнистой поверхности небольшие группы деревьев и кустарников или одиноко стоящие деревья на фоне густого травянистого покрова, состоящего главным образом из различных крупных злаков.

В Африке саванна занимает теперь около сорока процентов площади материка. Саванна различных районов в зависимости от характера экологических условий отличается теми или иными специфическими чертами.

В основном выделяют травяную саванну и саванну-лес. Если в саванне деревьев мало, ее называют травянистой, луговой или злаковой в случае преобладания среди трав злаков. В зависимости от количества деревьев различают богатую, среднюю и бедную саванну-лес.

Приведенные подразделения саванн могут встречаться то далеко лежащими друг от друга участками, то соприкасающимися почти вплотную, чередуясь между собой.

Во время путешествий по нагорью Фута-Джаллон передо мной часто, словно на экране кино, непрерывно сменялись одни типы саванн другими.

Что касается видового состава растений, населяющих саванну, то это будут так называемые ксерофиты, то есть растения сухих местообитаний, приспособившиеся в процессе своего исторического развития к жизни при недостатке влаги. Они встречаются преимущественно в степях, полупустынях, пустынях. Описывая свои посе-

щения саванны, мы попутно более подробно познакомимся с их растительным покровом.

Выжигание саванны и тропического леса. В настоящее время, учитывая грандиозную деградацию лесной тропической растительности Африки, продолжающуюся уже много веков под влиянием пожаров, ежегодно организуемых как в лесной зоне, так и в травяной и лесной саванне, уничтожение лесов огнем, равно как и растительности степных участков саванны, строго запрещено в Гвинейской Республике. Однако, к сожалению, законы об охране леса не всегда соблюдаются. Мне самой несколько раз пришлось наблюдать страшную картину опустошительного действия огня.

Однажды на какой-то остановке ночью я вышла из автобуса и застыла на месте, пораженная жутким величием увиденного.

Непроглядную тьму ночи прорезала огненная река, извивающаяся, как живая змея. Пылающий поток выплескивал фонтаны искр, взлетали снопы огня, а поток все рвался и рвался вперед в безмолвную тьму, и языки его пламени лизали небо.

Другой раз — это было в чаще тропического влажного леса. Кольцо огня очертило круглую площадку в лесу. Языки пламени поднимались вверх по деревьям, окружавшим площадку. Прозрачный, золотистый дым не застилал картины. А в центре очерченного полыхающим пламенем круга стояла одинокая масличная пальма, и султан ее горящих ветвей ярким факелом уходил в небо.

...И вот завтра откроется перед нами саванна — живая, африканская саванна, такая, какой мы ее увидим из окна автобуса, по пути из Конакри через Киндию в Маму.

Через саванну к Киндии

Мы садимся в автобус в Конакри и направляемся через Киндию (сто тридцать километров от Конакри) в Маму в ста пятидесяти километрах от Киндии с заездом на «Большие водопады» в восьмидесяти километрах от Конакри и далее на близлежащий водопад «Подвенечная фата». Мы посетим также исследовательский

Институт плодоводства в Фулайя, расположенный в восемнадцати километрах не доезжая до Киндии.

Итак, первый этап нашего пути — дорога из Конакри на Киндию. Она полностью проходит по злаковой саванне.

Слабоволнистая равнина. Скучно... однообразно, монотонно и скучно, очень скучно вплоть до Маму. Лишь боковые заезды и мимолетные остановки в некоторых жилых пунктах, через которые проезжаем, да интересные, мелкие наблюдения в пути оживляют нас и прогоняют сон.

Асфальтированная дорога, конца которой не видно, безостановочно разворачивается, как лента с катушки кино, перед нашей машиной, стремящейся вперед по слабоволнистой поверхности саванны. Однообразие дороги нарушается только гнездышками все тех же трогательных ткачиков, за недостатком деревьев аккуратно подвесивших их правильными рядочками на проволоках, натянутых между телеграфными столбами. Стайки этих малюток, оживленно порхающих около своих домиков, я один раз второпях приняла даже за кружащихся больших бабочек, настолько малыми кажутся они издали.

И словно контрастом к этому радостному миру птичьих энтузиастов служат сутулые скептики — грифы. Они, кажется, никогда ничему не радуются и, расположившись по пять и даже десять на редких в саванне деревьях, только сосредоточенно наблюдают за окружающим их миром.

Слоновые травы и древесная растительность. Среди травяной растительности, покрывающей равнину, по которой мы едем, много различных злаков, в числе их характерные для горной злаковой саванны так называемые слоновые травы [главным образом роды пеннизетум (*Pennisetum*) и антропогон (*Antropogon*), а также роды эрагrostиса (*Eragrostis*) и людееции (*Loudetia simplex*)]. Они образуют по краям дороги высокие заросли, поднимающиеся большей частью на высоту до двух-трех метров. Иногда через такие травяные, равно как и через сменяющие их кустарниковые чащи, без вырубki пробраться совершенно невозможно.

Крупные злаки из рода пеннизетум являются любимой пищей слонов, откуда и возникло данное им и родственным им злакам обобщенное название слоновых трав.

Во влажных местах слоновые травы могут достигать высоты пяти метров. В районе Маму, где обильно произрастают такие травы, довольно часто встречаются слоны.

В природных условиях слоны постоянно находятся в движении, проходя до пятидесяти километров за сутки. Их маршрут обычно неизменен, поэтому жители окрестностей Маму, выслеживая слонов, знают, когда то или иное стадо этих животных может появиться в их районе. Охота на слонов в Гвинее разрешается, но при условии внесения в банк десяти тысяч франков.

Одиночно стоящих деревень или небольшими группами собранных как нам в пути довелось встретить очень немного. Но мы отметили лесок масличных пальм в небольшой низине, мимо которой мы проезжали. Это послужило для нас подтверждением того, что масличная пальма, по причинам, уже указывавшимся выше, гораздо чаще встречается в древесной растительности саванн, чем другие, почти не попадающиеся представители этого семейства.

Довольно часто мы наблюдали редко разбросанные по саванне крупные деревья — привлекательные паркии (*Parkia biglobosa*) из семейства мимозовых (*Mimosaceae*). Они широко раскидывали свои кроны из красивых мелкоперистых листьев, украшенных пушистыми малиновыми шарами-помпонами (сантиметров пять-шесть в диаметре) сложных соцветий из их мелких цветков. Паркии часто встречаются в луговой саванне. Обезьяны очень любят плоды паркии, как и плоды баобаба, отчего местное население называет одинаково и те и другие «хлебом обезьян».

Пришлось познакомиться также с различными видами акаций, огромные кроны которых, подобно гигантским зонтам, поднимаются среди высоких трав, покрывающих травяную саванну или саванну-лес. Но напрасно утомленный путник будет искать защиты от солнца под плоской кроной этих деревьев. Перистые листья акаций состоят из множества мелких листочков и прекрасно пропускают вертикально падающие в тропиках лучи солнца.

И наконец, перед нами по временам вставали в саванне уже старые знакомые — величественные баобабы. Баобаб — дерево, характерное для Тропической Аф-

ркии. Особенно оно распространено, как говорилось, по саваннам.

Растительность гарей. В дальнейшем, путешествуя по стране, мы встречали в саванне кроме упомянутых выше и некоторые другие виды деревьев, но сейчас нас особенно заинтересовали из них два вида, которые мы всегда замечали на участках саванн, подвергшихся выжиганию. Одно из них называется лофира (*Lophira alata*) из семейства охнациевых (*Ochnaceae*), название другого уже знакомо нам. Это — антоклеиста (*Anthocleista procera*) из семейства логаниевых (*Loganiaceae*).

При выжигании саванны лофира и антоклеиста первыми появляются после огня. Лофира выживает потому, что ее корни, очень глубоко уходящие в почву, сохраняются от гибели, а последующее возобновление растения идет с такой интенсивностью, что лофира очень быстро, иногда почти сплошь покрывает всю поверхность гари.

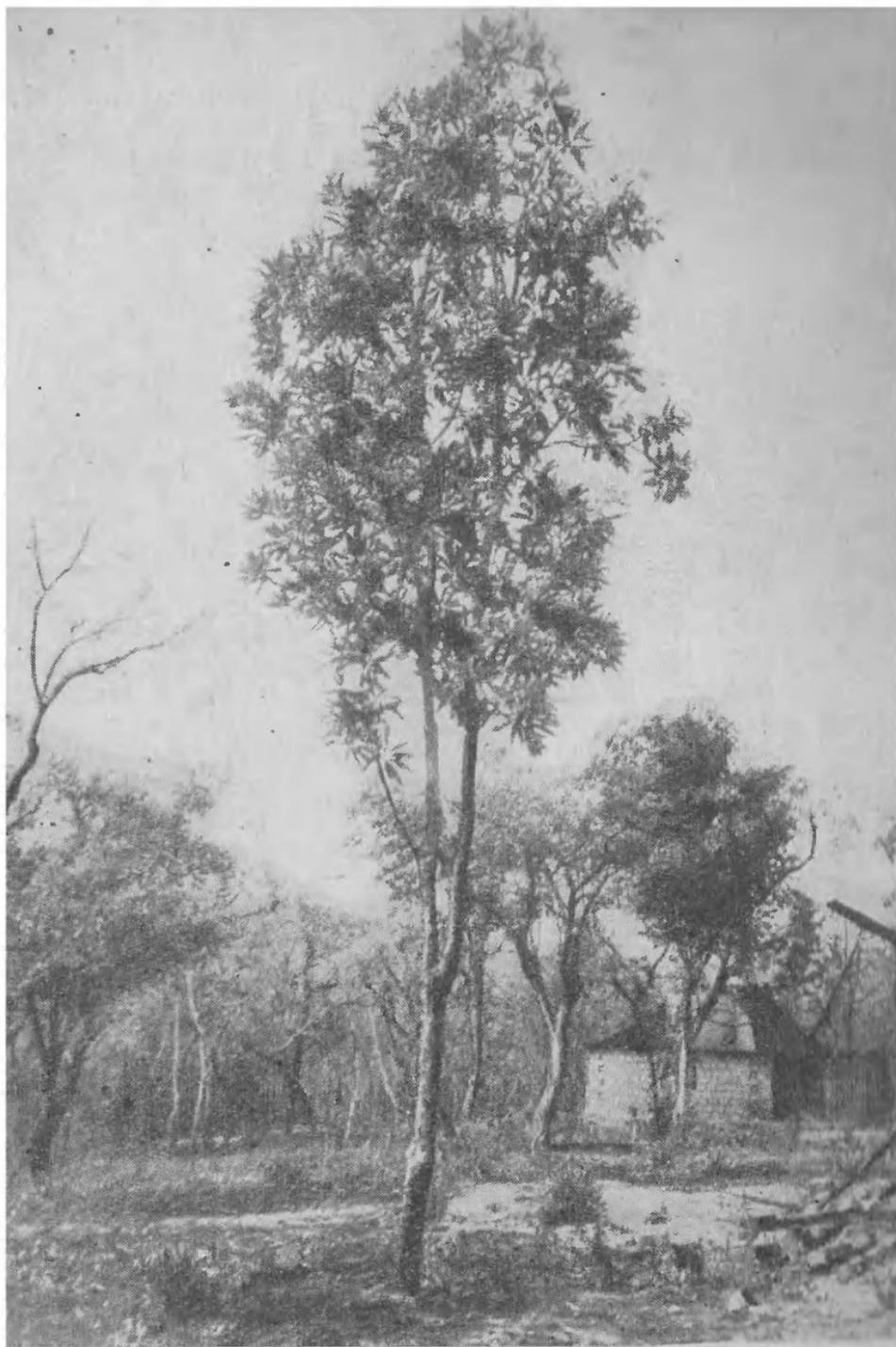
Сначала прямо из почвы вырастают букеты ее красивых крупных, до сорока сантиметров в длину, листьев, и только позднее начинает формироваться стройный ствол заканчивающийся одиночным султаном таких же огромных листьев.

Лишь с определенного возраста ствол начинает ветвиться, превращаясь в дерево, достигающее у некоторых видов высоты сорока метров.

Листья лофиры и у взрослого дерева остаются по-прежнему длинными (до сорока сантиметров в длину) и одинаково узкими на всем протяжении, а именно их ширина не превышает пяти-шести-десяти сантиметров и они похожи на отрезки ленты. Сильно волнистые по краю, светло-коричневатые, блестящие, жесткие, словно подкрахмаленные, с красивой штриховкой на поверхности, они заканчиваются глубокой выемкой на вершине.

Тонкие веточки лофиры употребляют для чистки зубов вместо щеток. Эти веточки пронизаны тонкими и упругими нитями сосудисто-волоконистых пучков, которые, если их распушить, с успехом заменяют щетинки зубных щеток.

На улицах в Конакри можно часто встретить женщин, держащих такие примерно десятисантиметровой длины палочки во рту, прочищая ими время от времени зубы.

Лофира. Дерево — одно из первых
появляется на гарях

Антоклеяста тоже очень красивое дерево средней высоты. В молодом возрасте ее неветвящийся ствол украшен наверху, как и у лофиры, одиночным султаном из немногих, огромных, больше одного метра в длину, широких листьев. Края их более глубоко волнисты, чем у лофиры.

Старые же деревья похожи на высокие канделябры. От вершины неветвящегося ствола расходятся почти горизонтально в стороны четыре-шесть, но не более ветвей, которые служат как бы подставками для грандиозных султанов — пучков из нескольких метровых листьев антоклеясты. На стволе у антоклеясты с возрастом появляются колючки.

Антоклеяста характерна для саванны, как и лофира.

Пути восстановления леса. Попытаемся дать схему того сложного процесса, который возникает в результате нарушения естественного развития растительного покрова после искусственного выжигания леса для сельскохозяйственных нужд.

Перед выжигом всегда и прежде всего с участка срезаются полностью весь растительный покров. Рубят лес, если это лесной участок, снимают траву, если это саванна. Затем пускают огонь. После этого в течение трех лет участки используются под сельскохозяйственные культуры. Вслед за этим земле дают отдохнуть еще три года, в течение которых идет восстановление растительного покрова. А потом снова пускают огонь.

Для полного восстановления леса требуется лет десять. Но после вмешательства человека в жизнь леса, в форме ли вырубок, в форме ли выжигов, первичная растительность тропического и особенно влажного экваториального леса — гилеи ввиду резкого изменения условий для ее развития не способна восстанавливаться сразу, а сначала возникает вторичная растительная формация с иным, чем в гилее, видовым составом растений.

Вслед за лофирой и антоклеястой появляются масляничная пальма, различные виды терминалии¹, быстро-растущая на опушках леса музанга Смита (*Musanga Smith*)², фагара³, широко известная своими огромными колючками на стволе, и др.

В дальнейшем эволюция указанной вторичной растительной формации, развивающейся на месте выжженной или вырубленной гилеи, может пойти двумя различ-

ными путями. В том случае, если человек не будет больше производить ни вырубок, ни выжига, эволюция пойдет по пути окончательного восстановления леса первоначального исходного состава, то есть гилей.

Французы этот путь называют прогрессивной эволюцией. Но он требует колоссального времени — десятилетий или даже столетий.

Если же человек не прекратит воздействия на жизнь леса, то восстановление гилей станет невозможным и возникший было вторичный лес вновь превратится в саванну.

Это будет — в противоположность прогрессивной — эволюция регрессивная.

Таким образом, все сказанное позволяет прийти к следующему печальному заключению. Современный способ ведения хозяйства в Африке приводит к грандиозной деградации лесной тропической растительности, которая продолжается, как говорилось, уже несколько столетий. Это вызывает резкое обеднение лесной флоры и изменяет состав растительных ассоциаций. В большинстве случаев вымирают медленно растущие виды крупных деревьев, которые наиболее ценны в хозяйственном отношении и заменяются быстрорастущими, но малоценными древесными породами.

Примечания

¹ Терминалия (*Terminalia catappa*) из семейства комбретовых (*Combretaceae*), родом из Малайзии. Высокое дерево, которое акклиматизировалось во всех тропических странах. Листья до сорока сантиметров в длину, собраны по четыре-пять в плоские розетки, эффектно украшающие растение. Растет очень быстро. Цветы белые, появляются в декабре. Плоды съедобные.

² Дерево считается типичным для вторичных влажных лесов, где оно часто доминирует.

³ Фагара (*Fagara*) из семейства рутовых (*Rutaceae*). Хорошо знакома каждому побывавшему во влажном тропическом лесу, по огромным очень острым колючкам, которыми усыпан ствол этого дерева. Пробраться через заросли таких деревьев совершенно невозможно.

КИНДИЯ

Приближаемся к Киндии. Знакомство с городом. А теперь вернемся в наш автобус и продолжим наш путь по направлению к Маму и Киндии. Дорога по-прежнему пересекает саванну; между группами деревьев разбросаны казы в числе двух, трех, а иногда и семи или восьми.

Казы часто покрывают пальмовыми листьями, но в данном случае используются для этих целей злаковые травы. Такие соломенные крыши, словно шапки, глубоко надвинуты на стены хижин. На шестах, поддерживающих крыши каз, надеты различные «опознавательные» знаки. В большинстве случаев это горшки или бутылки. Но иногда можно видеть на крышах кокосовые орехи, прикрепленные в один или несколько рядов.

Такова своеобразная «нумерация» каз в отличие от нашей цифровой. Казы внешне настолько однотипны, что без соответствующих отметок можно легко смешать свой дом с чужим. Около некоторых хижин посажен маниок.

Время от времени встречаются плантации бананов, большей частью, как говорилось, гораздо более низкорослые, чем в Восточной Африке.

Прошло небольшое стадо коров и быков. Животные очень мелкие, с большими рогами.

Проехали через деревню Койя.

Здесь увидели впервые посадки таро. Это многолетнее высокое растение с большими, красивыми, эффектно-декоративными листьями. В пищу в вареном виде идут его клубни весом до 4 кг, а также молодые листья и черешки. Сырые клубни ядовиты. Иногда таро разводят как декоративные растения (подробнее см. примечание).

Далее вплоть до Киндии ничего особо впечатляющего не встречается. На горях растет антоклеяста. Масличная пальма по-прежнему остается среди деревьев ведущим растением, но она стала встречаться гораздо реже.

Мы поднимаемся вверх, по направлению к горному плато Фута-Джаллон, и масличная пальма начинает

Казы (район Киндии)

«зябнуть». Ее постепенно сменяет другая, более стойкая к понижению температуры пальма — рафия, но и она по той же причине, как и масляная пальма, скоро уйдет из ландшафта горной саванны.

Попадают изредка мужчины, несущие на головах вязанки (длиною сантиметров в восемьдесят) дров.

Переваливаем через пересекающиеся волнистыми линиями горные возвышенности, и вот мы в Киндии, расположенной на нижнем уступе нагорья Фута-Джаллон.

Киндия — это небольшой, но приятный городок, имеющий 45 тысяч жителей (данные 1965 года). Железная дорога связывает его с Конакри и Канканом. Красивая манговая аллея — главная улица в городе, где немало скромных магазинов и большой красочный базар, на котором можно приобрести материи самых неожиданных и ярких цветов и рисунков в соответствии с местными вкусами.

Задним планом для Киндии служит гора Ганган (1125 метров). Эта столовая гора значительной протяженности, со стороны Киндии ограниченная верти-

кально падающим гладким, высоким обрывом из горизонтально лежащих слоями горных пород, очень красива. При приближении к горе можно заметить, что эрозионные процессы кое-где разделили ее на отдельные, причудливо оформленные участки.

Но надо сказать, что все же главным украшением Киндии при нас были шесть скромных деревьев плюмерии (*Plumeria*) из семейства кутровых (*Aprocarpaceae*), росших на площадке перед городским отелем, где мы остановились.

Они цвели.

Чудесные бесчисленные букеты нежно-розовых, «бархатных» цветов плюмерий, словно драгоценностями, осыпали еще не одевшиеся после сухого периода в листья голые ветви этих деревьев. Более великолепного наряда нельзя было бы придумать. Можно было только любоваться им. И я вспомнила. Плюмерии очень распространены на Цейлоне, и у буддистов-сингалов существует трогательный обычай. Они считают, что вещи, имеющие реальную ценность, негодны Будде, и они приносят ему в дар только лепестки цветов храмового дерева — плюмерии, рассыпая их у подножия его священных статуй.

В наш план входило, раньше чем продолжать дальнейший путь из Киндии на Маму, сделать отсюда несколько боковых экскурсий, а именно посетить «Большие водопады» и соседний с ними водопад «Подвенечная фата», а также местечко Фулайя, где находится сельскохозяйственный техникум и Исследовательский институт плодводства с обслуживающими его обширными опытными участками.

К сожалению, еще одна намеченная экскурсия не смогла состояться, а именно посещение учреждения, известного под названием «Пастория», где занимаются изготовлением вакцин для предохранительных прививок против заболевания бешенством, полиомиелитом и против укусов ядовитых змей. «Пастория» расположена в пяти километрах за Киндией.

Посещение Исследовательского института плодводства в Фулайя. Институт расположен недалеко от Киндии на нижнем уступе Фута-Джаллона.

Основной задачей института является получение новых, наиболее перспективных сортов произрастающих в Гвинее фруктов. В его лабораториях успешно развивают-

ся селекционная работа с различными видами цитрусовых, с ананасами, бананами, сахарным тростником и некоторыми другими тропическими растениями.

Ставятся многочисленные опыты по проверке и внедрению полезных агротехнических приемов при выращивании тех или иных фруктов.

Надо сказать, что опытные участки содержатся в образцовом порядке: они разделены между собой широкими аллеями, обсаженными подопытными деревьями. Особенно выделялись между ними по внешнему виду и облику плодов посадки апельсинов, мандаринов, грейпфрутов и авокадо.

К сожалению, мы попали в Фулайя в праздник и поэтому не смогли посетить лаборатории и ознакомиться с исследовательской работой института. Но осмотр опытных участков давал представление о широких масштабах производимых экспериментов. Между фруктовыми деревьями порхали огромные тропические бабочки, по окраске ярко-желтые с черным рисунком, как наши махаоны, только гораздо крупнее или такие же громадные, но абсолютно черные с крупными белыми «горохами», как часто это видишь на продающихся в магазинах тканях. Мы залюбовались ими.

Плانتации ананасов в Копроа. Мне хочется также познакомить читателей с плантациями ананасов в Копроа, расположенными около местечка Форекарья в ста километрах от Конакри и тоже на нижнем уступе Фута-Джаллона. Нам удалось их посетить в одну из последующих экскурсий. Главная задача плантаций Копроа — выращивание ананасов на экспорт.

Тем не менее здесь, так же как и в Фулайя, занимаются разрешением вопросов, касающихся агротехники и селекции плодовых культур в Тропической Африке. Основным объектом изучения является ананас, но опыты ведутся также с бананами, цитрусовыми и некоторыми другими тропическими плодовыми растениями.

Полевые эксперименты проводятся на земельной площади в тысячу гектаров, из которых четыреста отведено под ананасы.

Вот эту-то плантацию ананасов нам и удалось осмотреть довольно подробно.

Перед нами были необозримые, теряющиеся вдаль пространства, занятые посаженными правильными ря-

Сбор ананасов. Плантация Копроа
около Форекарья

дами сравнительно низкорослыми, поднимающимися над землей приблизительно на высоту до метра ананасами.

Шел сбор ананасов, и мы могли видеть, как рабочие сносят их к назначенному пункту, пользуясь для этого специальными, так сказать «вертикальными», носилками из плотной ткани, прикрепленной к деревянным палкам. Такие носилки рабочие надевают на спину и складывают ананасы в карманы, нашитые на ткани носилок в четыре ряда, по три кармана в каждом. Используя такие носилки, рабочий может одновременно унести на спине двенадцать ананасов, не повредив и не помяв их.

Считается, что ананасовые плантации Копроа являются самыми большими в Африке.

Ананас¹ довольно капризное растение, которое требует к себе большого внимания. Сажают ананасы вручную. На гектар в нашем случае 45 000 штук. Первое время после посадки ананасы нуждаются в ежемесячном внесении удобрений, но через восемь месяцев внесение азота прекращается, так как при его избытке ана-

насы перестают плодоносить. Ананасу необходим также полив — шестьдесят миллилитров воды в месяц. Для получения нужной для этих целей воды на плантации, которую мы осматривали, сделана запруда, в результате чего, к сожалению, заливаются рядом расположенный лесок. Директор станции нам объяснил, что, лишённые достаточного притока воздуха, через десять-двенадцать лет деревья обычно погибают.

Особенно заинтересовали нас сведения, касающиеся некоторых проведенных с ананасами экспериментов. Оказывается, что ананасы наиболее ароматны в том случае, если они созревают в сухой период. Влажность снижает их вкусовые качества и уменьшает ароматность.

Между тем тот же сухой период (зимнее время в Европе) является временем наиболее выгодного экспорта ананасов. Исследовательская работа, проведенная на плантациях в Копроа, сделала возможным получать наилучшие сорта ананасов ко времени, наиболее выгодному для их экспорта.

Работа была начата с того, что стали исследовать действие различных веществ (так называемых ростовых), стимулирующих развитие ананаса. Выяснилось, что наибольший и наилучший эффект получается при воздействии на ананас ацетилена. Обработка ацетиленом конуса нарастания ананаса приводит к тому, что уже через шесть месяцев после такой обработки ананас созревает и становится возможным приступать к сбору его урожая.

Продолжительность созревания ананасов сокращается по крайней мере на полгода по сравнению с растениями, не подвергшимися воздействию ацетилена.

Для того чтобы понять необходимость трудоемкого, тщательного ухода, которое растение требует уже после снятия урожая, нужно кратко остановиться на структуре плода ананаса.

Ананас — это утолщение стебля, который, развиваясь из розетки листьев, вырастающих на земле, проходит через весь плод ананаса (это более грубая центральная часть плода, ощутимая при еде) и, выйдя наружу, дает пучок листьев, который мы видим на верхушках ананасов.

Надо сказать, что в период созревания эти листья часто связывают над плодом для защиты его от солнца.

Народные танцы. Деревня Калеа.
Танцует мальчик. На нем юбка
из волокна местной пальмы

Делается это вручную, откуда понятна трудоемкость такой работы при наличии на каждом гектаре 45 000 экземпляров посаженных ананасов.

После уборки урожая ананасов розетки листьев, оставшиеся на земле, начинают отмирать, давая боковые отростки, на которых появляются новые, молодые розетки. Когда вновь возникшие примерно через два-шесть месяцев розетки дадут корни, их выкапывают, выращивают до известных пределов, после чего высаживают в грунт вручную. И проделать всю огромную описанную работу с ананасами совершенно необходимо для того, чтобы получить их хорошие сорта на экспорт.

Наша экскурсия закончилась интереснейшими танцами в деревне Калеа, через которую мы проезжали.

«Большие водопады» и водопад «Подвенечная фата». Мне представляется известным преувеличением присвоение первым водопадам название «Больших». Конечно, ни в какой мере их нельзя сравнивать, например, с

Народные танцы. Деревня Калеа

Ниагарским водопадом, который мне довелось видеть; правая часть его, находящаяся в США, падает с высоты пятидесяти одного метра при ширине по гребню в триста двадцать три метра, а левая — канадская — низвергается с сорока восьми метров, имея в ширину девятьсот четырнадцать метров.

Понятно, что по сравнению с ниагарским водопадом «Большие» гвинейские водопады карлики, но надо сказать, что, прокладывая себе дорогу среди леса и успокаиваясь, выйдя на открытое место, там, где в зеркальную поверхность воды смотрятся султаны стройных пальм, они безусловно прелестны, и имеются все основания залюбоваться ими.

Они падают четырьмя уступами с четырех каменных ступеней вниз. Два первых уступа довольно высокие (думаю, метра четыре-пять), третий — небольшой (метра два-три), а четвертый — малозаметный.

Верховье речки, которая дает начало «Большим водопадам», лежит на высоте восьмьсот метров над уровнем моря.

Примерно на этой высоте выстроена и плотина, перегородившая реку, куда мы поднялись, чтобы получить общее представление о рельефе интересного для нас ландшафта. Вода, задерживаемая плотиной, устремляется в трубы, которые спускают ее в ту же речку, откуда она вытекает, только ниже, сразу же за водопадами. При этом высота падения воды составляет в общей сложности сто шестьдесят девять метров.

Получаемая энергия используется построенной рядом с водопадом электростанцией, которая обслуживает не только соседние селения, но и Конакри и Киндию.

Вслед за «Большими водопадами» мы осмотрели водопад под названием «Подвенечная фата». Этот водопад не имеет никакого практического значения в экономике страны, но он украшает местный пейзаж. С вертикального обрыва столовой горы, покрытой лесом, с высоты сорока метров, как легкая колышущаяся вуаль, летит по воздуху распыленная вода. Это действительно прозрачная вуаль, через которую просвечивают слои пород, складывающих каменную стену с изумрудной зеленью приютившихся на ней кустарников, служащую фоном для падающей воды.

Покойное водное зеркало крохотного бассейна встречает внизу летящие в него брызги, а растущая рядом уже знакомая нам и всегда элегантная музанга Смита протягивает вверх к прозрачному водяному облаку свои ветви, покрытые листьями, поникшими как раскрывшиеся, спускающиеся на землю парашютики. И ни звука кругом...

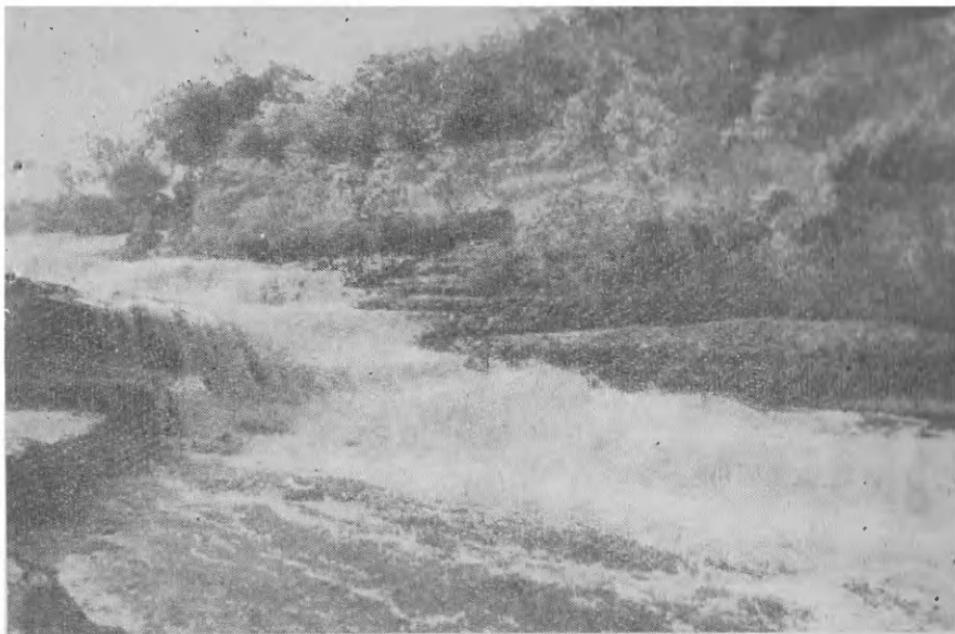
А между тем чуть ниже по речке непроходимые заросли бамбука, раз в шесть выше человеческого роста, гибнут и постоянно шумят, тревожимые ветром.

Выше же водопада узенькая тропинка приводит к казе, из которой выходят мужчины и упорно не позволяют фотографировать их уединенное жилище среди мрака густой рощи могучих тековых деревьев², не пропускающих ни единого солнечного луча.

Гвинея с высоты восьмисот метров. После описанных экскурсий, вернувшись в Киндию, мы оттуда продолжаем свой путь в глубь нагорья Фута-Джаллон.

Берем направление на Маму.

Но прежде чем покинуть пройденную за истекшую половину дня дорогу, оглянемся и посмотрим, как вы-

«Большие водопады», 90 км от Конакри

глядят предгорья Фута-Джаллона с высоты восьмьсот десяти мегров, на которой лежит Киндия и близкие к ней водопады.

Я, по правде сказать, не ожидала того волнения, которое охватило меня, когда передо мной развернулась картина спускающейся вниз к океану Средней Гвинеи, созданная могучим творчеством ее природы.

Высятся столообразные горы. Так же как и теперь, они безмолвно и безучастно стояли многие, очень многие миллионы лет тому назад. Но протекшие тысячелетия все же наложили и на них свой отпечаток. Иногда эти обширные массивы с усеченными плоскими вершинами еще по-прежнему величественными лестницами спускаются в долины, но чаще вода, ветер, резкие смены температур состарили и этих колоссов, разбив их на отдельные куски, разделенные глубокими и узкими провальными каньонами.

Мы смотрим на них пока только с нижних ступеней Фута-Джаллона, еще не поднявшись до самого верха предгорья. Но и теперь мы уже видим этот хаос разнообраз-

нейших форм. Покойные, столбообразные поверхности чередуются с жуткими провалами. Отломившиеся куски высокогорий, утратив первоначальное спокойствие, торчат, очерченные линиями, сходящимися под прямыми углами, нарушая этим гармонию природы. Этот горный ландшафт Средней Гвинеи при взгляде сверху так своеобразен, так непривычен для нас и так грозно красив.

Примечания

¹ Ананас (*Ananas sativus*) — род травянистых тропических растений из семейства бромелиевых (*Bromeliaceae*). Листья у ананаса мясистые, почти линейные, по краям колючезубчатые. Его соплодия слагаются из многих плодов (ягод) с прицветными листьями и осью (стеблем) соцветия и образуют как бы мясистую шишку, проросшую пучком листьев, развивающихся на стебле, проходящем, как сказано, через все соплодие. Родом ананас из тропической Америки. Растет начиная от приморья до высоты 1000 м над уровнем моря. Культивируется в Европе с 1730 г. Впервые был посажен в Гвинее, так же как и банан, в 1903 г.

² Тековое, или тиковое, дерево, тик (*Tectona grandis*) из семейства вербеновых (*Verbenaceae*), занимает большие пространства в Юго-Восточной Азии. Достигает до 30, а иногда и до 40 м высоты и 1,5 м в диаметре. Тековое дерево — одна из самых важных, ценных древесных пород тропического леса. Его древесина плотная, твердая, хорошо поддается обработке, отличается большим сопротивлением истиранию, стойкостью в отношении гниения и химических воздействий. Используется в корабельном деле, при строительстве портов, изготовлении мебели и пр. В большом количестве вывозится в Европу. Средняя продолжительность жизни дерева около двухсот лет.

НАГОРЬЕ ФУТА-ДЖАЛЛОН

От Киндии через Маму в Далаба. Автобус подан. Мы садимся в него и начинаем наш путь из Киндии через Маму в Далаба.

Расстояние между Киндией и Далаба довольно значительное, но, несмотря на это, о соединяющей их дороге, особенно до Маму, много не расскажешь — до такой степени однообразен и безличен ландшафт, по которому пролегает путь.

Тянется ровная, скучная саванна, ограниченная невысокими и пологими склонами довольно близких гор. Асфальтированная, гладкая дорога бежит перед нашим автобусом все вперед и вперед, без усталости прорезая заросли слоновой травы, над которой время от времени поднимаются верхушки деревьев паркии. Казы разбросаны группами по две-четыре, а иногда даже по пятнадцати.

Деревья капока увешаны созревшими и растрескавшимися плодами, из которых выглядывают белые как снег или грязно-серовато-желтые «шары» пуха-капока. Этот пух носится по воздуху и, оседая, скапливается по обочинам дороги.

Только светлым золотом горящие небольшие деревья-кустарники, сплошь покрытые поникшими крупными кистями ярко-желтых цветов птерокарпуса (*Pterocarpus eginaseus*, сем. мотыльковых — *Papilionaceae*), оживляют изредка наш однообразный путь через саванну. Много гарей с лофирой. Попадают, правда, и участки саванны, сильно озелененные деревьями, но немало и участков с бесплодной, белёсой почвой и выходами на поверхность латеритов в виде темных камней.

Такие участки часто совершенно лишены растительности или покрыты лишь чахлой травой.

Вдали в тумане видны большие горы. Минуем реку Конкуре. За ней слоновые травы доходят в высоту до трех метров. Встречаются банановые плантации, одиноч

ные деревья папайи около каз. Пух капока носится в таких количествах, что иногда покрывает крыши каз словно снегом.

Казы встречаются то поодиночке, то группами до двадцати вместе. Много антоклеисты, особенно у дороги. Кругом в дымке на некотором расстоянии горы.

Мы приехали в Маму.

Маму — небольшой, чистенький городок, где рядом с домиками встречается немало каз. Зеленые, покрытые лесом, невысокие склоны гор спускаются к городку.

Мы торопимся. Мы должны ночевать в Далаба, и нам надо успеть сделать еще пятьдесят пять километров до темноты.

Наскоро обедаем в маленькой закуской, расположенной тут же на проезжей дороге, и продолжаем свой путь. Теперь перед нами лежит огромная территория горной Гвинеи, где нам предстоит провести несколько интересных дней.

Что же нового увидели и почувствовали мы, проехав до Далаба?

Прежде всего, изменился ландшафт. Затем мы ощутили перемену в климате. Стало прохладнее — ведь мы были приблизительно на высоте тысячи метров. Но о снижении температуры можно было судить и по другим признакам. Растительность стала обильнее и гуще, появились редкие леса, а также новые виды деревьев. Население тоже изменилось. Вместо народности сусу, которая преобладала в Нижней Гвинее, на плоскогорье Фута-Джаллон мы впервые познакомились с народностью фульбе.

От местных жителей мы узнали, что на Фута-Джаллоне кроме обычных для Гвинеи маниока, батата, ямса и других корнеплодов начинают сажать картофель, который в низине из-за высокой температуры не растет.

Обратило на себя внимание, что изредка стал встречаться свободно пасущийся скот, чего раньше мы нигде не наблюдали. Это и понятно — температура снизилась и появился хороший корм в виде мягкой, сочной травы (фульбе издавна занимались скотоводством). В животном мире тоже произошла перемена. В районах Далаба и Маму встречаются дикие слоны и шимпанзе. На слонов даже охотятся. Для этой охоты требуется особое разрешение, охота же на шимпанзе свободна. Это объяс-

няется тем, что огромные обезьяны приносят большой вред человеку, воруя и уничтожая урожай на полях.

И последнее — изменилась форма каз. Фульбе делают стены каз более высокими, а крыши более остроконечными.

Таковы были наши первые кратковременные наблюдения.

Незабываемая Далаба. Мы приехали в Далаба вечером и остановились в отеле «Фута-Джаллон».

Я с нетерпением ждала наступления следующего дня, чтобы поскорее увидеть, что меня окружает.

И вот это желанное утро пришло. От нетерпения я встала, конечно, первой. Было только пять часов утра. Температура — плюс восемнадцать градусов. Страшно холодно. В Конакри же в это время бывает плюс двадцать четыре — двадцать семь градусов.

Я очень озябла и сразу же надела теплую куртку, которую предусмотрительно захватила с собой и в дальнейшем, в течение тех двух дней, которые мы провели в Далаба, неизменно надевала ее, как только садилось солнце.

Это было так необычно по сравнению с Конакри и тем более с Москвой, где мы при такой температуре в тени ходим в одних платьях.

Наш отель — одноэтажная деревянная постройка продолговатой формы. От крылечка сразу начинается коридор, в который выходят двери номеров. Номер — небольшая комната с окном, холодным душем и подвесным умывальником элементарного устройства. Кровать, небольшой стол и стул. Я выглянула в окно и в утренней дымке увидела развалы бесчисленных плосковерхих гор, уходящих в неизвестную даль, а прямо подо мной зияющий вертикальный провал в ущелье и одинокое дерево на самом краю.

А за этим деревом вся бескрайняя даль — целое море покрытых темно-зеленым лесом гор. Они, перекрывая друг друга, спускались вниз в просвечивающий, тонкий туман. И такая тишина, и такой чудесный покой были кругом...

Ботанический сад Огюста Шевалье. Около нашей гостиницы наряду с многочисленными агавами я с удивлением заметила несколько сосен. Агавы, вывезенные из Америки, уже давно повсеместно разводятся в Аф-

рике, но откуда же здесь появилась сосна? Ведь известно же, что в Гвинее хвойные представлены очень слабо и среди них сосна не упоминается¹. На этот вопрос я нашла ответ, только вернувшись в Москву, где познакомилась с соответствующей литературой.

Оказывается, Гвинея тому, что сосна украшает теперь ее владения, обязана французскому ботанику почетному президенту Французской Академии наук Огюсту Шевалье, который ввез сюда сосну из Европы. Этот крупный ученый и неутомимый труженик посвятил всю свою жизнь изучению флоры Африки, и особенно ее тропических растениеводческих ресурсов.

Им написан ряд монографий и большое количество объемистых статей, касающихся особенностей тропического растениеводства на Африканском континенте. Огюст Шевалье до конца своих дней не прекращал научную работу (скончался в 1953 г.) и, как правило, проводил в своей парижской лаборатории не менее четырнадцати часов в день, а иногда оставался там и ночевать.

В 1907 году Огюст Шевалье в семи километрах от Далаба закладывает Ботанический сад. При активной помощи и руководстве Шевалье сотрудники сада собирают богатые коллекции растений местной и иноземной флоры с целью начать акклиматизацию в Гвинее тех видов растений, которые смогли бы быть полезны для страны. Многие были уже сделаны, когда разразилась первая мировая война 1914 года и сад был заброшен и лишен охраны.

Когда в 1930 году О. Шевалье снова вернулся в Гвинею, он был поражен, что большое число ввезенных им деревьев выжили, несмотря на полное отсутствие заботы о них.

Шевалье добился в то время, чтобы сад был взят под охрану Управлением вод и лесов Гвинеи.

У нас было слишком мало времени для того, чтобы подробнее осмотреть широко известный сад Шевалье, но и то, что мы увидели, показалось нам поразительным. Мы убедились, что многие растения из разных частей земного шара прекрасно акклиматизировались в Гвинее.

Мы встретили в саду камфарное дерево, привезенное из Юго-Восточной Азии, австралийские эвкалипты, до-

стигшие пятидесяти-шестидесяти метров высоты, чайные кусты с Цейлона и Индонезии, различные, выведенные Шевалье сорта бананов, дерево кассию, что дает чернила, различные породы деревьев, пригодных для постройки судов, и др.

Но, конечно, больше всего нас заинтересовали наши сосны, достигающие в саду Шевалье высоты двадцати-двадцати пяти метров. И не только в самом саду. Подъезжая к нему, мы могли восхищаться длинной аллеей из сосен, ведущей к входу в сад.

Мы заметили также небольшую сосновую рощу вблизи от дороги, по которой мы проезжали, а при выходе из сада мне довелось погулять по парковому сосновому лесу, где прямые и стройные красавицы сосны достигали до двадцати пяти-тридцати метров высоты.

Рядом же, составляя яркий контраст с сосной, рос непроходимый бамбук. За пятнадцать лет со времени его посадки он достиг двадцати метров высоты при диаметре стволов в двенадцать сантиметров.

Эксперименты Огюста Шевалье особенно интересны потому, что они быстро вышли за пределы искусственно создаваемых условий и сосна, с его легкой руки, начала распространяться по стране.

Мы ее отметили во многих местах — в городе Далаба и его окрестностях, в районах городов Пита, Лабэ и др.

Правда, сосна в Гвинее не дичает и самостоятельно не размножается, но, насажденная, прекрасно развивается, украшая гвинейский ландшафт.

В дальнейшем, путешествуя по стране, мы обратили внимание, что в Гвинее можно различить два вида этого дерева.

Одни сосны отличаются своеобразной длинной, мягкой, тонкой и редкой хвоей, а их молодые верхушечные побеги начинают развиваться в виде одиночных, вертикально стоящих отростков, окруженных тоже длинной, вверх торчащей хвоей, что делает их похожими на «ерши», которыми раньше чистили ламповые стекла. И это выглядит очень своеобразно и красиво.

Но наряду с такими, так сказать, длинно-, тонкохвойными соснами существуют и другие, с более короткой, твердой, толстой, грубой и густой хвоей. Эти сосны больше похожи на наши.

Оказывается, Шевалье ввез в Гвинею два вида со-сен, которые прекрасно здесь акклиматизировались, разрастаясь в целые рощи.

Из сада Шевалье мы проехали на огороды, расположенные рядом. На них росли крупные кочны капусты, салат, морковь, томаты и наша земляника (сорт «Виктория»). Это тоже было наследие Огюста Шевалье.

Особенности экологического характера, которые отличают Фута-Джаллон как горное плато от Нижней Гвинеи, настолько резко отражаются на его растительном покрове, что это могло быть замечено даже за время нашего кратковременного пребывания на этом нагорье.

На Фута-Джаллоне мы, как правило, не видели ни пальм, ни сейб — им холодно здесь. Паркия селилась и цвела только в понижениях по закрытым местам, где было теплее. Антоклея стала редкой. Сосны же, ввезенные Шевалье, прекрасно акклиматизировались и вошли в растительный покров нагорья.

В отличие от Конакри, где, когда мы уезжали, многие деревья уже успели сбросить к сухому периоду листву и стояли обнаженными, на Фута-Джаллоне немалое число из тех же видов оказались еще покрытыми густыми кронами листьев.

Что же касается времени цветения, то оно происходило на Фута-Джаллоне позднее, чем в Конакри.

Таким образом, в первый же день нашего пребывания в Далаба Фута-Джаллон продемонстрировал нам в природных условиях познавательно интереснейший эколого-географический материал.

Посещение государственной животноводческо-молочной фермы в Дигиние. Вторая половина первого дня нашего пребывания в Далаба была занята посещением государственной животноводческой и молочной фермы, находящейся в двадцати километрах от Дитинна.

После осмотра фермы нас угостили завтраком, а затем в нашу честь были организованы народные танцы.

Та торжественная встреча, которую нам оказали в Дитинне, была для нас неожиданна. Когда мы приехали, все население поселка выстроилось по обеим сторонам длинной дороги, по которой мы должны были пройти. Праздничные белые бубу мужчин красиво декорировали этот путь. Все аплодировали — и те, кто встречал нас, и мы — гости.

После встречи начался осмотр фермы. Специальный провожатый давал объяснения.

Ферма занимает двести восемьдесят семь гектаров. Но пока она себя не окупает. Коровы дают слишком мало молока, в среднем только один-два литра и лишь в виде исключения четыре-шесть.

До настоящего времени неясно, от чего это зависит.

В качестве корма для скота Гвинея в свое время акклиматизировала выписанный ею из схожей по климату Гватемалы какой-то злак вроде маиса, и есть предположение, что, возможно, этот корм малопитателен из-за недостаточного количества содержащихся в нем белков.

В целях улучшения качества корма начали теперь вносить в почву соответствующие удобрения.

Но не исключена возможность, что такая низкая удойность гвинейских коров, как говорилось, зависит от неправильно выбранной породы скота, которая требует улучшения путем скрещивания. Учитывая сказанное, Гвинейская Республика уже выписала быков из Советского Союза. Но пока определенных и ясных результатов по обоим мероприятиям еще не получено.

Мы долго ходили по ферме, нам показывали скот, давали пробовать и молоко, и сметану, и простоквашу.

Но температура была плюс тридцать семь градусов в тени, и мы с удовольствием приняли приглашение к завтраку.

Длинный стол был накрыт под сенью кофейных деревьев, ветви которых были обсыпаны плодами кофе величиной с вишню. Я в первый раз видела кофе, растущий в виде высоких деревьев: на плантациях в Восточной Африке обычно кофе разводят в виде крупного кустарника.

Вслед за завтраком начались танцы. Они были очень своеобразны и продемонстрировали самый высокий уровень хореографического искусства. Женщины плясали прекрасно, а мужчины под музыку исполняли изумительные акробатические номера.

Один из выступавших поражал зрителей тем, что неожиданно застывал на месте и ежеминутно изображал на своем лице любые гримасы. Под конец же выступал танцор, так называемый человек-птица или «уэнилегаги» в костюме, сплошь покрытом перьями.

Горные реки и водопады Фута-Джаллона

Фута-Джаллон — «отец рек», говорят в Африке. Действительно с его склонов, обращенных внутрь материка, стекают река Сенегал и некоторые притоки крупнейшей реки Западной Африки — Нигера, а по более крутому склону, обращенному к Атлантическому океану, спускаются вниз тоже значительное число больших и малых рек. С огромных каменных уступов, словно по ступеням гигантской лестницы, к океану бурно несутся потоки скопляющихся на нагорье вод.

Но много есть на Фута-Джаллоне и одиночных отвесных, вертикальных обрывов, и с них также срываются белые, бурлящие, водяные ленты, падая в каменные провалы.

Так возникают большие и малые водопады, которым здесь, на нагорье нет счета, и кто не видал эти водопады, не знает полностью ни Фута-Джаллона, ни гвинейских красот.

Одна особенность отличает водопады и горные речки Фута-Джаллона. Они очень часто бывают красиво убраны деревьями или густыми зарослями травянистых растений.

Так, постоянно, по речкам можно видеть, как канделябровый панданус (*Pandanus candelabrum*)² поднимает свои «канделябры» из длинных мечевидных листьев, нередко над самой водой и тут же рядом непроходимые чащи образуются из его ходульных корней.

Кроме того, по берегам рек и около водопадов часто встречается знакомая нам сансевьера (*Sansevieria guineensis*) с красивыми, прямостоящими, тоже мечевидными, выходящими без стеблей, прямо из земли, листьями, украшенными расплывчатым белым рисунком.

Водопады Дитинн. На Фута-Джаллоне нам удалось повидать водопады Дитинн, водопад «Кинкон» и водопады на реке Сала.

Водопады Дитинн расположены в двадцати четырех километрах от Далаба, и если направляться к ним прямо из города на автобусе, то это займет менее часа времени. Но вплотную подъехать к водопадам невозможно, и приходится пройти до них около получаса узким,

льно заросшим растительностью ущельем, ограниченном с обеих сторон отвесными стенами.

Водопады не поражают величием. Падают они с высоты восьмидесяти километров, но количество воды незначительно, и издали они смотрятся как две узкие белые ленты, стремящиеся вниз. Но нижняя часть водопада впечатляет сильно. И не мощь, и не красота форм, развернувшегося перед вами пейзажа захватывает вас, а то глубоко волнующее сочетание падающих светлых струй и мрачного, среди отвесных угрюмых скал, бассейна застывшей, неподвижной, «мертвой», точно заколдованной воды, куда они стремятся.

Город Пита и водопад «Кинкон». Вторым водопадом, который мы увидели на Фута-Джаллоне, был водопад «Кинкон». Для этого нам надо было сделать семикилометровый заезд в сторону.

По дороге проезжаем мимо насаженного еще при Огюсте Шевалье соснового леса и крупных, лиловыми и желтыми цветами покрытых деревьев. Часто попадаются единичные антоклейсты. Пересекаем речку-ручей, который течет точно в объятиях элегантного пандануса, покрывающего его берега.

На защищенном от ветра спуске в ложину, где всегда теплее, приютились три зябкие сейбы, единственные, которые я видела за время пребывания на Фута-Джаллоне, и довольно много, тоже более чувствительных к прохладной температуре паркий — микрорельеф имеет значение для растительного населения высокого нагорья.

Вдали показывается Пита. Въезжаем в город. Одна главная улица. Казы и домики. В самом городе небольшая сосновая рощица. Не останавливаясь, едем дальше, и вот мы около строящейся плотины, которая должна перегородить реку Куби, спускающуюся через водопад «Кинкон» вниз.

Плотина имеет двести пятнадцать метров в ширину и двадцать один метр в высоту. Складывают ее из так называемого гри. Это смесь песка и кремнезема, которые добываются в окрестностях. Начали строить плотину 2 июля 1964 года. Высота падения воды — шестьдесят метров.

После осмотра плотины отправляемся на самый водопад. Он по соседству, рядом. Приятный, но самый шаблонный водопад. Он прокладывает себе дорогу че-

рез густой лес и падает по каменным уступам тремя каскадами вниз, а затем течет одной полосой в очень узком и высоком каньоне, сложенном из буро-желтых пород.

Надо отметить, что количество воды в водопаде «Кинкон» наибольшее по сравнению со всеми остальными, которые мы видели, но во всех случаях надо учитывать, что идет март месяц — время сухого периода, в течение которого все гвинейские реки сильно мелеют.

Город Лабе и водопады на реке Сала. После поездки на водопад «Кинкон» наш путь по Фута-Джаллону приближается к концу. Нам оставалось посетить город Лабе с водопадами на реке Сала, расположенными невдалеке.

Итак, направляемся из Пита в Лабе, расположенный на высоте 1045 метров.

Пока едем окрестностями Пита, часто встречаем сосны. Их «ерши» на вершинах деревьев красиво поднимаются кверху.

На деревьях лиственных пород часто висят огромные пчелиные ульи. Издали кажется, будто прикреплены к деревьям целые колоды — громадные чурбаны, нарезанные из толстых стволов деревьев длиной в один метр при диаметре приблизительно в сорок сантиметров. Но вблизи можно рассмотреть, что основу таких ульев-чурбанов составляет сравнительно легкий деревянный каркас, крытый сверху соломой.

Едем дальше по слабоволнистой, бесплодной, белевой равнине с чахлой травой и выходами больших сероватых камней. Немало паркий, немного антоклеисты. Однообразно, скучно. Скучно даже рыжей обезьяне, которая нехотя пересекает нам дорогу. Через сорок минут пути попадаем в Лабе.

Я очень стремилась в Лабе, ведь это столица Фута-Джаллона, и мне казалось, что этот город должен поразить колоритностью, оригинальностью и своего внешнего облика, и своего быта, и новым для нас составом населения, и природой. Но этого не случилось. Город, правда, по размерам применительно к масштабам Гвинеи не маленький, но какой-то суетливый, беспорядочный, скученный и не очень опрятный. В общем, в соответствии со своими личными вкусами и требованиями я разместила бы города Гвинеи в таком порядке. На пер-

вом месте, по-моему, надо поставить Комакри, на втором Книдию, на третьем Далаба, на четвертом Цига и в самом конце Лабе.

В Лабе мы ночевали. Остановились в отеле для туристов — небольшом, одноэтажном, деревянном особнячке со скромными, небольшими комнатами, чистенькими, но без европейских удобств. Напротив отеля через дорогу помещался небольшой базарчик, а налево перед входом в отель стояло огромное дерево, покрытое сплошным ковром чудесных фиолетовых цветов. Мне сказали, что такие деревья завезли в Гвинею американцы.

Когда ближе к вечеру мы вышли погулять по городу, то прежде всего подивились, как тесно перемежаются европейские домики с занимающими огромные площади казами. На отдаленной от центра улице мы залюбовались «фиолетовыми» деревьями, одно из которых впервые увидели около нашего отеля.

В сумерках легкие фиолетовые цветы на деревьях сливались вместе, окутывая их в фиолетовый туман, окантованный вечерней белесой дымкой, и казалось, что деревья стоят словно в фиолетовых ореолах, созданных излучениями их цветов...

Вечером температура спустилась до плюс девятнадцати градусов. Утром, проснувшись от холода, я увидела, что термометр показывает снаружи плюс пятнадцать градусов, а в комнате всего только плюс девятнадцать.

В девять часов мы выехали из Лабе на расположенные недалеко от города водопады на реке Сала. Сала — приток крупной реки Конкуре, впадающей в океан (между прочим, в Конкуре водится много рыбы).

Проехали мимо небольшой деревеньки, помещающейся на голом месте без всякой зелени, а вслед за этим перед нашим автобусом побежали небольшие, чередующиеся между собой участки и озелененной саванны, и саванны с бесплодной почвой, и саванны с выходами на поверхность латеритов, либо совершенно лишенной растительности, либо покрытой лишь чахлой травой. Вдали появился «забор» невысоких гор.

Наибольшее впечатление на этом пути мы получили от круглых, красных, «бархатных», довольно крупных плодов на каких-то деревьях и от уже знакомого нам птерокарпуса. Его огромные, висящие на тридцать-сорок

сантиметров вниз кисти ослепительных солнечно-желтых цветов сплошь покрывали небольшие деревца. Красивы были и густые заросли пандануса по маленьким речкам.

За четыре километра до водопадов дорога стала настолько плохой, что пришлось сменить наш автобус на грузовик.

Пожалуй, эти водопады были если и не самыми большими, то наиболее живописными из всех тех, которые нам довелось увидеть в Гвинее.

Перед нами ущелье, склоны которого покрыты темно-зеленым лесом. Здесь нет каменистых отвесных обрывов. нет и каменных ступеней, по которым вниз рвется вода. Ленты воды берут начало далеко на плато среди леса и постепенно спускаются через лес. Лишь в самом низу падение воды становится отвесным, но ее бурные потоки почти сразу переходят снова в успокаивающуюся тихую реку.

В заключение скажем, что, несмотря на привлекательность увиденного пейзажа, все же не водопады произвели на нас самое большое впечатление в этой поездке.

Поразил и навсегда запомнился небольшой боковой маршрут к реке Сала, сделанный после остановки на водопадах.

В чаще влажного тропического леса. Мы спустились вниз к реке Сала, образующей здесь небольшие стремнины, скорее даже пороги.

У воды живописнейшая декорация из зарослей пандануса. По временам завеса из узких длинных листьев этого растения закрывала видимость настолько, что зеркало воды лишь где-то вдалеке просвечивало сквозь зелень и блестело на солнце.

Но главное было не в этом, главное было еще впереди. Мы увидали кусочек непроходимого, слегка заболоченного, влажного тропического леса.

Все смешалось, все переплелось в этом лесу. Вверху нельзя было больше разобрать крон отдельных деревьев. Они сплелись вместе в общую крышу³. Свет не проникал через листву. Внизу было темно. Лианы висели в воздухе, качаясь и вздрагивая при колебании деревьев. Ходульные корни⁴ выше человеческого роста сплетались в непроходимый хаос между собой. Невозможно было поставить ногу, чтобы не зацепиться за что-нибудь и не

В чаще влажного тропического леса
(река Сала). Ходульные корни

упасть. Все было призрачно, все волновало, поражало и восхищало.

Фотографируя, я отстала от нашей группы и была рада безмолвию и величественной тишине, которые меня окружили.

Таких потрясающих картин природы забыть невозможно.

Возвращение в Конакри. На другой день рано утром мы уезжали. Мы возвращались в Конакри тем же путем, каким приехали: снова, только в обратном порядке, пройдут перед нами Пита, Далаба, Маму и, наконец, Конакри.

После обеда в последний раз брожу по Лабе. Заглядываю на яркие, шумные базары, осматриваю в городе кустарные мастерские. Мастерские занимают значительную площадь. В центре отведенного им участка располагается большой четырехугольный двор. На этот внутренний двор выходят в виде окружающей его открытой галереи помещения различных, так сказать рабочих, цехов. В одних из них вручную ткут ткани. Для этих целей рядом, на внутреннем дворе мастерских, разматывают уже скрученные нитки. На прямоугольном участке, длиной метров в пять и шириной метра в полтора, были вбиты по углам четыре колышка, которые рабочий обходил, наматывая на них нитку.

Мы побыли в мастерских примерно час, и рабочий при нас продолжал ходить вокруг колышков и так и не успел закончить свою работу.

В помещении, соседнем с ткацким, красились готовые ткани.

В смежном — из них шили национальную одежду.

Дальше располагались обувные мастерские, ювелирный «цех», где изготовлялись различные украшения, и многие другие «цеха», предназначенные для обслуживания бытовых нужд населения.

После осмотра мастерских забегаю в лавочки, где продают местные плетеные изделия (их плетут, как говорилось, из волокон листьев пальм, пандануса и др.). Здесь вы увидите и корзинки различных размеров — от больших до крохотных, и глубокие плошки вроде тазов и тарелок, и так называемые лефа — плетеные круги разной величины, которыми, как говорилось, закрывают тазы и другую посуду.

Вернувшись в отель, спешно укладываю свой рюкзак — и все готово к отъезду. Рано утром мы тронулись в путь. Прощай, Фута-Джаллон. Спасибо тебе за все, что ты мне показал, за все, что меня заставила познать и пережить твою необычную, строго-величественная природа.

Примечания

1 Хвойные — класс Coniferae, представлены в Гвинее только родом подокарпус (*Podocarpus*, сем. Podocarpaceae — подокарповых), к которому относятся двудомные, реже однодомные деревья и кустарники, и родом можжевельника (*Juniperus*, сем. Cupressaceae — кипарисовые). В тропиках представители многих семейств растений, распространенных в нашей умеренной зоне, встречаются очень редко или почти отсутствуют. Так, мы не находим в тропиках деревьев из обычных у нас семейств, например березовых (*Betula* spp.), буковых (*Fagaceae* — к этому семейству относится дуб). Почти полностью, как указано, отсутствуют и представители многочисленной, богато представленной в наших умеренных широтах группы хвойных деревьев. Большинство тропических деревьев относятся к семействам мимозовых (*Mimosaceae*), цезальпиниевых (*Casalpinaceae*), мотыльковых (*Papilionaceae*), молочайных (*Euphorbiaceae*), мареновых (*Rubiaceae*), тутовых (*Moraceae*). Точно так же распространенные в нашей климатической зоне семейства розоцветных (*Rosaceae*), сложноцветных (*Compositae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caucophyllaceae*) очень слабо представлены или отсутствуют в составе тропической флоры. Так, из семейства розоцветных, к которым у нас в умеренной зоне относится большинство плодовых деревьев, в Гвинее очень распространен только род паринари (*Papirari*) — древесная порода, отличающаяся съедобными плодами, но не плодовая; из семейства сложноцветных известно небольшое число деревьев, а из семейства лютиковых только клематис (*Clematis*).

2 Панданус (*Pandanus*) — род однодольных деревьев и кустарников из семейства пандановых (*Pandanaceae*). Стволы панданусов сравнительно тонкие; из нижней части их у большинства выходят растущие в землю придаточные корни, часто толщиной в руку. Нижняя часть ствола нередко отмирает, и тогда деревья или кустарники продолжают стоять на описанных придаточных корнях, как на ходулях. Листья собраны пучками на концах ветвей. Они длинные, мечевидные, по краям и по средней жилке острозубчатые. Листья и воздушные корни некоторых видов идут на плетение различных изделий. Встречается по морским побережьям, в устьях рек и лесах, в тропиках Восточного полушария. В Африке растет *Pandanus candelabrum*.

3 В тропическом лесу, и особенно во влажном, более прочному укреплению стволов его гигантских деревьев в почве способствуют кроны, вверху переплетающиеся между собой. Такая единая «крыша» над лесом обеспечивает устойчивость деревьям-колоссам по вре-

ми частых ураганов (торнадо). Тому же помогают и лианы, которые, оплетая деревья и перекидываясь с одного дерева на другое, скрепляют их между собой.

⁴ У многих крупных и средней величины деревьев влажного тропического леса, или гилей, для обеспечения большей устойчивости развиваются так называемые ходульные, придаточные корни. Они отходят от стволов крупных деревьев на высоте двух-трех, а иногда и более метров, а от стволов средних — на высоте 50—70 см и обычно бывают очень толстые и обязательно круглые в сечении. Ходульные корни встречаются также у тропических деревьев, мангров и у деревьев, растущих по болотистым берегам морей и рек, где почва не может служить им достаточно надежной опорой.

Но от ходульных корней надо отличать развивающиеся на сухих местах досковидные корни-подпорки, или контрфорсы, которые служат тем же целям, но они спускаются со стволов крупных деревьев, никогда не утрачивая с ними контакта.

И наконец, наблюдаются еще досковидные придаточные корни, которые вырастают не на стволах, а развиваются в виде гребней на поверхности лежащих в почве корней деревьев, которые, выступая наружу, точно змеи, ползут по земле.

ЛЕСНАЯ ГВИНЕЯ

Самолетом из Конакри в Нзерекоре

Гвинея — небольшая страна, но очень разнообразная по своим природным особенностям, вследствие чего каждое посещение той или иной части ее территории подобно проникновению в новый, еще не ведомый тебе увлекательный мир. Отсюда понятно, с каким волнением ждала я решения Центрального гвинейского туристического общества в Конакри относительно возможности организовать поездку в Лесную Гвинею. Решение оказалось положительным, и я увидела Гвинею влажных тропических лесов.

Нашей группе был предложен следующий маршрут: из Конакри самолетом через Масента в Нзерекоре. Из Нзерекоре две автобусные экскурсии: в район горной цепи Нимба с посещением местной исследовательской станции, расположенной рядом с деревней Лола, и к лиановому мосту через реку Диани.

Обратный путь в автобусе через Середу в Масента. Из Масента самолетом в Канкан.

Остановка в Канкане на два дня. Из Канкана самолетом в Конакри.

Поездка началась десятого марта и заняла пять дней.

Путь до Канкана. В восемь часов утра мы вылетели из Конакри. Самолет поднимается.

От океана с масличными пальмами на берегу отходят внутрь материка словно «затеки» его могучих вод. Иногда эти «затеки» имеют форму заливов различной величины, но чаще форму больших или малых рек, которые, отходя от океана и реже от «заливов», постепенно разветвляясь, образуют лабиринт более или менее широких протоков между вклинившихся среди них зеленых островов суши.

Дальше же от океана в «верховьях» описанных про-

токов образуется сеть совсем узких, мелких каналов, между которыми виднеются участки культурных полей.

Но уже через десять минут исчезает океан, исчезают и водные протоки. Под нами внизу горный ландшафт. Это Фута-Джаллон, который мы впервые видим сверху. Он, как всегда, притягательно грозен и велик.

Квадраты и прямоугольники плоских горных вершин, очерченные линиями провалов, когда глядишь на них из окна самолета, были похожи на квадраты грандиозной доски для игры в шахматы. Но иногда стены утрачивали свою отвесность и грандиозно величественными ступенями сказочных лестниц спускались вниз. А дальше стояли горы — крепости-башни. Внизу — широкие, высокие с гладкими стенами точно из обтесанного камня, а на них следующим ярусом поднимались такие же плосковерхие башни, только уже диаметром. Мы летели над Фута-Джалланом несколько минут, но они были незабываемы. Все последующие виды с самолета уже не увлекали, да, по правде сказать, и не были особенно интересны.

Встречались и горы, напоминающие круглые караван хлеба, и небольшие селения, и многочисленные проезжие дороги. Ландшафт то выравнивался, то снова становился волнистым, и неглубокие ущелья отмечали его.

Пролетели над местечком Фараная и двумя не очень большими реками — может быть притоками Нигера.

С девяти часов началась малоинтересная саванна, которая и сопровождала нас до Канкана.

Начинаем снижаться. Внизу приток Нигера — Мило, на котором стоит Канкан — широкий, извилистый, с большим количеством желтых отмелей. В окрестностях города много каз.

В девять часов тридцать минут — Канкан. Наш перелет длился час двадцать шесть минут.

Канкан. В Канкане у нас пересадка на самолет, который в десять часов тридцать минут улетает в Масента, и у нас остается час времени, который мы проводим на аэродроме.

Народу на аэродроме много, движение по линии Конакри — Канкан оживленное.

Больше всего обращают на себя внимание женщины. Несмотря на то что в Конакри я уже очень много видела женщин в одежде из тканей, украшенных самыми

фантастическими рисунками, мое внимание все же привлекли тридцати-сорокасантиметровые изображения крапчатых цесарок, «нашихся» по платью одной из пассажирок, и таких же размеров зеленых попугаев — на платье другой.

Но еще больше меня заинтересовала одна пожилая женщина, в одиночестве сидящая на лавочке в ожидании самолета. Мочки ее ушей были оттянуты серьгами по крайней мере на три-четыре сантиметра вниз.

Известно, что почти у всех африканских племен существует обычай для украшения искусственно удлинять мочки ушей или проделывать в ушах большие отверстия, пригодные для ношения не только серег, но и других предметов. Особо большую изобретательность в этом отношении проявляют племена Восточной Африки. В некоторых случаях у этих племен продырявленные и оттянутые мочки в виде сдвоенного шнура-петли могут спускаться почти до плеч, и тогда кокетливые женщины чаще всего соединяют эти шнуры в нескольких местах металлическими скрепками.

Что касается серег, то они бывают двух сортов — вишние и вставляемые внутрь проделанного в ухе отверстия. В последнем случае размеры отверстия могут сильно варьировать в зависимости от того, чем украшают ухо. Если это будут, например, сравнительно тонкие деревянные палочки, то они не требуют большого отверстия, но если для этих целей применяются какие-либо крупные украшения, то ухо превращается в сплошную дыру. Так бывает, если в уши вставляют специально для этого выделяемые широкие деревянные или металлические бляшки, а иногда и просто жестяные коробочки из-под крема, тюбики из-под зубной пасты и др. По литературным данным, мужчины Восточной Африки нередко используют свои «дырчатые» уши вместо карманов. Некоторые авторы указывают, что им приходилось видеть свернутые в трубочку деньги, засунутые в ушную дыру их владельца. Но особенно меня позабавил опубликованный в печати рассказ, как один санитар носил в своем ухе пузырек с йодом, вынимая его и вставляя обратно после использования.

Попутно расскажем, что в Африке наряду с различными украшениями, как-то: серьгами, браслетами, ожерельями — очень многие носят еще различные амулеты.

Одним из наиболее распространенных среди них является амулет, который имеет французское название «гри-гри», а на языке сусу именуется «сэбэ». Он якобы помогает исполнению просимого. Гри-гри особенно популярен у девушек, как способствующий счастливому замужеству.

Для того чтобы получить такой амулет, надо пойти к марабуту, то есть к благочестивому, святому человеку, и сообщить ему о своем желании. Тогда он подыскивает соответствующие строки из Корана, которые должны помочь осуществлению желания пришедшего к нему человека.

После этого марабут пишет этот текст по-арабски на бумажке и вручает ее пришедшему к нему за помощью. Последний же направляется к сапожнику или ювелиру, чтобы заключить полученную от марабута бумажку в кожаную или металлическую оправу. Амулет носят, не снимая, на цепочке.

В Сенегале амулет гри-гри часто приобретают боксеры, но говорят, что они не заключают его в футляр, а что будто через разрез вводят его под кожу, которую затем зашивают...

Однако вернемся к нашим наблюдениям на аэродроме.

Привлекали к себе внимание также матери, путешествующие с маленькими детьми. С нашей точки зрения, они не проявляли к ним никакой заботы. Это особенно бросалось в глаза на фоне тесной, все время передвигающейся толпы людей, собравшихся на аэродроме.

Как известно и как об этом говорилось выше, в Африке детей не носят на руках, а широкой полосой ткани привязывают за спиной у талии матери.

Матери на аэродроме ходили, наклонялись, переносили багаж, совершенно не обращая внимания на привязанного сзади ребенка. Ребенок же за спиной, размахивая ручками, качался из стороны в сторону, головка его болталась то вбок, то назад, а у спящего даже билась о спину матери. Если он плакал, его никто не утешал. Говорят, что африканские дети настолько привыкли к описанному обращению, что, наоборот, начинают капризничать и плакать, если их берут на руки.

Летим над гилеей. Ровно в десять часов тридцать минут поднимаемся над Канканом. Город, как было

сказано, стоит на реке Милло — притоке Нигера, и мы два раза перелетаем через эту широкую извилистую реку с большими желтыми отмелями. Летим на высоте двух тысяч трехсот метров со скоростью трехсот тридцати пяти километров в час.

Тянется саванна. Ровно и скучно. На голых выжженных местах — селения из каз.

Небольшие участки леса из пальм и лиственных пород изредка увеличиваются в размерах.

И вдруг в одиннадцать часов — неожиданно высокие горы и сплошной лес. Среди этого леса в ложине прямоугольником вытянулось большое селение. Мы прилетели в Масента в одиннадцать часов пять минут.

Начиная с района Масента мы вступили в область влажного, вечнозеленого, экваториального леса, часто называемого дождевым лесом или гилеей. По своим размерам африканская гилея уступает лишь гилее Южной Америки в бассейне Амазонки. В Западной Африке гилея сплошной полосой окаймляет южное побережье Гвинейского залива, прерываясь под воздействием специфических местных условий на территории Ганы, а затем через дельту Нигера и прилегающие к ней районы переходит в бассейн реки Конго в пределах Камеруна и Республики Конго. Но гилея Гвинейского побережья, с которой мне удалось познакомиться, отличается по своим климатическим особенностям от гилеи бассейна реки Конго.

На Гвинейском побережье период с обильными, почти непрекращающимися дождями сменяется более сухим периодом, когда количество выпадающих осадков уменьшается в десять-двенадцать раз, под конец прекращаясь, тогда как в бассейне реки Конго дождь выпадает, почти не ослабевая, в продолжение всего года.

Но, во всяком случае, и той влажности и той температуры, которые наблюдаются на Гвинейском побережье, вполне достаточно, чтобы растительность показала здесь всю свою мощь и беспредельно завладела поверхностью суши.

Пересекая в самолете район Масента, я впервые увидела влажный тропический лес с высоты. И это впечатление, думаю, останется навсегда для меня ярким и сильным.

Мы обычно говорим, что лес покрывает горы, и мы

действительно видим этот лес. Но этого нельзя сказать применительно к тому, что предстало перед глазами, когда мы подлетели к высоким горам, окружающим Масента.

В этом случае невозможно было различить никаких признаков, хотя бы отдаленно напоминающих деревья. Точно бесформенное, зеленое, кучевое облако, окутывая, обнимало горы, не оставляя никакого просвета. Облако вздымалось, следуя рельефу гор, мягкими, закругленными буграми. Зеленое царство захватило здесь все и овладело всем.

Такое же ощущение могущества и безграничной власти растительного мира я пережила уже не издалека, не с высоты, а непосредственно, углубившись в тропический лес на горе Какулима, и, наконец, я была поражена непревзойденным величием, жуткой красотой и устрашающей силой тропической чащи, которую увидела на берегу речки Сала.

И вот снова меня подчинила себе могучая гилея.

Нзерекоре и окрестности

В Масента мы стояли двадцать пять минут и новым самолетом в одиннадцать часов тридцать минут полетели дальше, в Нзерекоре.

По-прежнему никаких признаков ровной и скучной саванны.

По-прежнему, как и в районе Масента, очень высокие горы сплошь покрыты влажным тропическим лесом.

По-прежнему нет ни единого просвета в этом лесном покрытии, и по-прежнему лес стелется по горам высокими, закругленными, зелеными шапками, поднимаясь по неровностям рельефа кверху. Зелень леса, я светло- и темно-зеленая, красиво играет своими оттенками на солнце.

Приближаемся к городу. Дремучий лес сменился прореженным. В нем много выжженных мест, занятых большими селениями. Хорошая автострада красным цветом своей почвы красиво и контрастно указывает путь к Нзерекоре, прорезая темно-зеленый фон лесной растительности.

Мы пробыли в воздухе час пятнадцать минут.

Нзерекоре принимает наш самолет.

Знакомство с городом. Нзерекоре, овеянный мистикой прошлого, перед нами.

Это широко раскинувшийся на довольно озелененной площади приятный городок из небольших беленьких домиков.

Нам отводят помещение в отеле, который оказался наилучшим из всех позднее посещенных нами в Лесной Гвинее. Он называется «Отель священного леса».

Еще не так давно каждое селение в Лесной Гвинее имело свой «священный лес» со штатом блюстителей секретного культа «священного леса», в который включались жертвоприношения животных и другие секретные обряды, известные только посвященным.

В 1962 году культ был запрещен, и «священный лес», на месте которого стоит теперь отель, вырублен. Но на территории отеля рядом с террасой сохранился до сих пор огромный камень для жертвоприношений. В большой же столовой при отеле по бокам камина до сих пор помещаются фигуры в масках — по одной с каждой стороны — высотой в рост человека. Они олицетворяли в свое время либо духов, либо блюстителей культа «священного леса». Последние же появлялись всегда в масках, чтобы оставаться неизвестными людям, принимавшим участие в различных ритуальных мероприятиях, танцах и жертвоприношениях, совершавшихся в «священном лесу». Таких блюстителей культа называли «духами священного леса». Их лиц никто никогда не видел.

В первый день нашего пребывания в Нзерекоре мы были представлены губернатору, а затем весь день посвятили осмотру города. Мы посетили в городе деревообрабатывающий завод, построенный в содружестве с Советским Союзом, кустарную мастерскую, занимающуюся изготовлением различных плетеных изделий, плантации — кофейную и табачную, и местный музей.

Деревообрабатывающий завод был выстроен и пущен в ход в течение двух лет на условиях выплаты двух-двух с половиной процентов годовых и погашения вложенного капитала в течение двенадцати лет.

Первоначально на заводе работали сорок три советских специалиста. Теперь же по мере налаживания работы число их значительно сократилось¹.

На заводе имеются три цеха: механический, цех, занимающийся распиливанием деревьев, и цех, изготавливающий фанеру.

Почти все машины на заводе советского производства.

Гвинея располагает большим количеством древесных пород, пригодных для получения фанеры, идущей на изготовление мебели и отличающейся красивым рисунком. В настоящее время работа в этом направлении ведется с сорока сортами различных древесных пород.

Слои дерева той или иной толщины в зависимости от надобности срезают с вращающегося на станке ствола. Сердцевина, негодная для получения фанеры, или так называемый карандаш, выбрасывается.

Фанера четырехмиллиметровая готовится из трех слоев, склеиваемых между собой клейкой бумагой. Бумага прокладывается между листами фанеры, после чего их протягивают между валами, и клейкая бумага, расплавляясь, склеивает листы, не оставляя никаких следов и пятен. Пятнадцатимиллиметровую фанеру готовят из десяти склеиваемых листов. Если от сучков на фанере остаются отверстия, то на них ставят заплаты, штемпелюя и заклеивая их при помощи специальной машины.

Но кроме приготовления фанеры завод производит и более грубую работу по распилке деревьев диаметром до двух метров. Для этих целей сначала вырезают из бревна четырехугольную болванку, которую затем и распиливают на доски различной толщины — от трех миллиметров и более.

После осмотра деревообрабатывающего завода мы заглянули в контору, ведающую постройкой завода для изготовления варенья и фруктовых соков. Этим делом руководит итальянская фирма. Нас любезно угостили какой-то холодной фруктовой водой, а бегающая тут же ручная обезьянка Бубу без усталости заигрывала с нами, хватая за ноги.

Очень интересным было посещение кустарных мастерских, изготавливающих различные плетеные изделия, главным образом большие корзинки, маленькие корзиночки и сумки.

Для производства этих изделий используются в мастерских волокна уже знакомой нам пальмы рафии,

чрезвычайно распространенной в Гвинее. Волокна рафии можно красить, и тогда на приготовляемых изделиях появляются красивые, яркие рисунки.

После осмотра мастерских мы поехали на кофейную плантацию. Я уже неоднократно посещала в тропиках плантации кофе, но, несмотря на это, все же всегда интересно бывает лишний раз посмотреть на то, чего не увидишь у себя дома, и тем более когда это с какой-то стороны характеризует вновь посещаемую тобой страну.

Итак, вот что собой представляет типовая плантация кофе в Гвинее. Та плантация, на которую мы приехали, занимала триста гектаров. На ней выращивали два сорта кофе: кофе «экзерса» и кофе «робуста». Сорт «экзерса» считается лучшим и ценится дороже. Порядок заготовления кофе такой же, как везде. Как известно, кофе «арабика» из семейства мареновых (*Rubiaceae*) растет в виде или небольших вечнозеленых деревьев, или крупных кустарников. На плантациях в Восточной Африке мы его неизменно видели в качестве высокого кустарника, ветви которого сплошь бывали облеплены плодами-ягодами величиной с вишню и такими же, как она, мягкими. Когда ягоды созреют, они из зеленых становятся красными, после чего их начинают собирать. Сказанное в равной мере относится и к тому случаю, если кофе произрастает на деревьях.

Собранные ягоды сушат на воздухе и лущат при помощи машины, снимая мякоть, в которой помещаются два твердых зерна полусферической формы. Эта форма зерен сохраняется и у кофе, продаваемого в магазинах. Лущеные зерна снова сушат и складывают в мешки для продажи.

Последующая обработка может происходить не обязательно там, где кофе был собран, но и в другом месте и состоит в следующем. Лущеные, очищенные от мякоти зерна подвергают ферментации в течение шестидесяти-шестидесяти двух часов при определенной температуре. После этого их промывают, сушат дней десять на солнце или в специальных барабанах при температуре шестьдесят градусов (одни-двое суток), перебирают и, наконец, обжаривают при температуре сто восемьдесят-двести градусов.

Кофе всегда сажают под пологом деревьев, так как молодые растения лучше растут в тени, но вызреть

кофе должен на солнце, для чего к этому времени на плантациях по возможности частично обрубают нижние ветки крупных деревьев, затеняющих солнце. На Цейлоне проводят эту операцию более радикально. Деревья «окольцовывают», то есть срезают кольцом кору у низа стволов деревьев, и этим их губят. В Африке описанный метод неприменим в виду больших размеров деревьев. Кофе экспортируется во многие страны мира.

Плантации табака мы видели только мимоходом. Африканский табак хорошего качества. Он годен для приготовления сигар.

Последним мы посетили маленький однокомнатный местный музей. Его стены были увешаны масками, которые, как говорилось, надевали блюстители секретного культа «священного леса», чтобы не быть опознанными людьми, не посвященными в тайны культа.

Тут были маски разного назначения. Висели, например, маски с рогами для процессий, без рогов — для танцев и надевавшиеся также при нанесении татуировок, что было необходимо для каждого желающего узнать секретные законы «священного леса».

Были выставлены также и некоторые инструменты, употреблявшиеся при татуировках: крючки, такие, как для рыбной ловли, но несколько меньших размеров.

Татуировки (правильнее — рубцевания) производились у африканцев не путем введения под кожу какого-либо красящего вещества, что было бы незаметно при темном цвете кожи, а нанесением глубоких надрезов на тело, после которых образовывались заметные рубцы.

Экскурсия в район горы Большая Нимба. Посещение Нзереборе, само по себе исключительно интересное, было дополнено еще двумя увлекательнейшими поездками: одна в район горы Нимба (высота 1854 метров) и другая на знаменитый лиановый мост через реку Диани.

Следует оговорить, что под названием гора Нимба правильнее подразумевать горную цепь, которая тянется по границе Гвинеи с двумя соседними государствами — Либерией и Берегом Слоновой Кости и включает десять вершин. Главная из них носит название Большая Нимба. Из всех десяти вершин семь, в том числе Большая Нимба, находятся на территории Гвинеи, две — на территории Либерии и одна — на территории Берега Слоновой Кости.

Сразу же поезде из Нзерекоре наша дорога начинает подниматься вверх, прорезая тропический лес. Стоят светло-серые, гладкие, прямые, стройные, без контрфорсов колонны красавиц гигантов пиптадений (*Piptadenia africana*)². Их ветви начинают отходить от стволов деревьев где-то очень высоко и, сплетаясь листвою с зелеными шапками соседних деревьев, образуют как бы единую крону, покрывающую тропический лес.

В гилее часто стволы огромных деревьев, в том числе и пиптадений, бывают обвиты лианами. Одна из встретившихся нам лиан была особенно декоративна. С крупными, кожистыми, блестящими листьями, как у выращиваемого у нас в домах фикуса, она кольцами поднималась вверх по стволам пиптадений, точно одевая их в парадный наряд. Поднималась же лиана высоко, иногда на одну треть высоты деревьев, а иной раз и еще выше, теряясь только там, где деревья начинали ветвиться. Такое убранство изысканно просто украшало лес.

По более открытым местам летал пух. Он вышел из созревших и растрескавшихся плодов сейбы-капока с характерными для этого дерева досковидными придаточными корнями, поддерживающими его гигантский ствол.

Попадались терминалия с роскошными плоскими розетками огромных сорокасантиметровых листьев, а ближе к окраине леса масличная пальма, пальма рафия и музанга Смита.

Обращало на себя внимание, что пальмы, масличная и рафия, в Лесной Гвинее были гораздо выше и более мощны, чем в Нижней (прибрежной) Гвинее. Точно так же музанга, которая до сих пор нам встречалась средней величины, здесь была огромных размеров.

Присутствие в описанном лесном насаждении музанги, масличной пальмы и терминалии, которые считаются типичными для вторичных лесов, позволяло предполагать о происшедшей в этом районе когда-то в результате вмешательства человека в жизнь леса гибели первичной гилеи и о новом ее, вторичном возобновлении.

Выбираемся на открытое место. Перед нами вся цепь Нимба. Она увенчана четырьмя вершинами; из них самая высокая — Большая Нимба в виде огромного клюва выдается в центральной части цепи.

Проезжаем через несколько селений. Их казы имеют более высокие стены и сильно вытянутые вверх остро-

Острроверхие казы (Лесная Гвинея)

конечные соломенные крыши. Кроме того, они не разбросаны поодиночке между деревьями редкого леса, как это до сих пор чаще всего наблюдалось, а собраны по двадцать-тридцать вместе на совершенно голых округлой формы участках, лишенных травы и деревьев.

Такая перемена вполне понятна. Ранее мы чаще посещали места, населенные племенами сусу, малинке и фульбе. В Лесной же Гвинее живут племена гёрзе, копо, тапо, тома и др., у которых принята иная форма каз. Кроме того, экваториальный, тропический лес в свою очередь внес поправки в обиход людей. Этот лес так трудно проходим, что сообщение между поодиночке разбросанными по нему казами было бы затруднительным, и люди стали собираться в одну общую деревню, как это делается у нас.

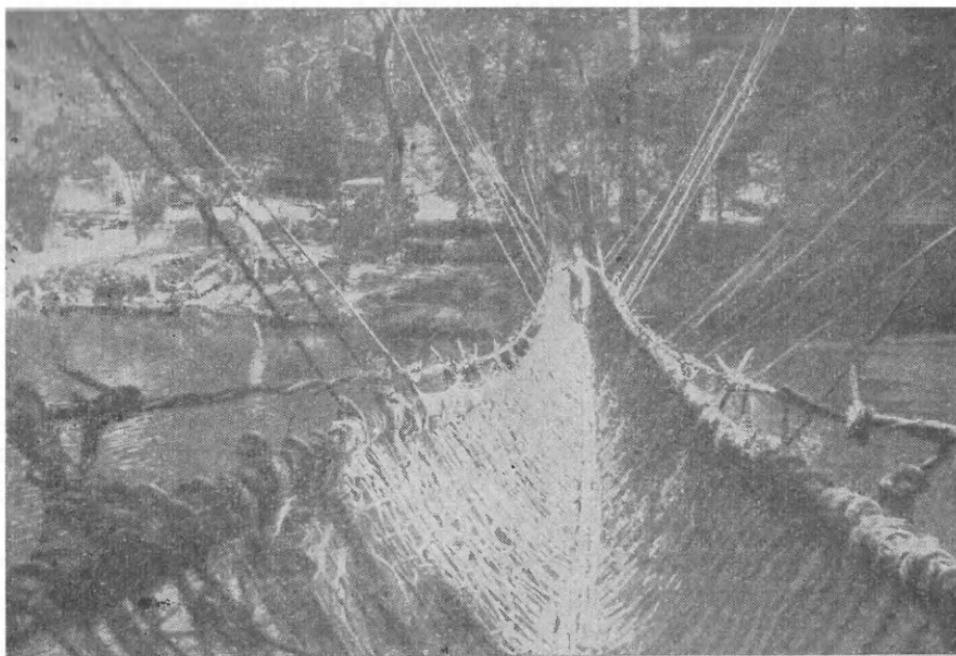
Деревни же располагаются всегда на круглом по форме безлесном участке, так как без выжига непроходимого тропического леса селиться в нем невозможно, а при поджоге огонь всегда распространяется из центра к периферии, очищая площадь в виде круга.

Большая Нимба (1854 м) в горной цепи Нимба. Слева — древовидный молочай, справа — храмовое дерево буддистов

Подходим к деревне Лола. Отсюда открывается красивый вид на приближившуюся к нам цепь Нимба. На переднем плане слева древовидный молочай из семейства молочайных (*Euphorbiaceae*). Встречается в Африке, Индии, изредка в тропической Америке. Справа цветущая плюмерия — храмовое дерево буддистов из семейства кутровых (*Arecaceae*). От деревни Лола пешеходная тропа ведет к местной научно-исследовательской станции, учрежденной еще французами.

Станция представляет собой постройку в виде большой вытянутой в длину казы. В настоящее время работа здесь законсервирована. Центральный обширный зал казы поддерживается колоннами из цельных стволов пиптадений, которые достигают, как говорилось, в высоту сорока двух метров. Нам рассказывают, что эти колонны ставились вручную. В той же казе помещается стол диаметром метра в два — это поперечный срез ствола того же дерева-гиганта — пиптадений.

Лиановый мост через реку Диани

Лиановый мост. На следующий день после посещения цепи Нимба нам удалось увидеть знаменитый в Гвинее лиановый мост через речку Диани.

Полтора часа пути от Нзерекоре по красной от цвета почвы дороге через влажный, тропический лес привели нас первоначально к довольно большой деревне островерхих каз, расположенной рядом с мостом. Эту деревню занимало племя гёрзе.

Пройдя минут десять пешком, мы очутились на берегу реки Диани. Это была река средней ширины, которая лишь в своих верховьях текла по территории Гвинеи, а далее, пересекая границу, спускалась в Либерию, прокладывая себе путь к океану.

Река была живописна и, как почти все тропические речки, текла между зелеными стенами непролазной, склонившейся к ней точно «пушистой» растительности из разнообразных деревьев и кустарников.

Над рекой был перекинут этот необыкновенный мост, сплетенный из лиан. Довольно сильно провисая в сре-

динной части, он плавно покачивался над водой. О мосте говорили, что он — единственный в мире и что нигде больше таких мостов не встречается. Это было, конечно, большим преувеличением, и в литературе, например, указывается, что совсем недалеко от Гвинеи — в Габоне подобный же мост перекинут через реку Огове, в ее верховьях. Тем не менее мост был все же более чем необычен и производил впечатление.

Представьте себе грандиозный гамак, сплетенный из толстых и прочных лиан и закрепленный такими же лианами на высоте двенадцати-пятнадцати метров на деревьях, растущих на берегах.

Для того чтобы попасть на мост, надо было подняться по висячей веревочной лестнице со ступеньками из деревянных планок, привязанной к тем же деревьям, на которых висел этот «гамак». Его глубина равнялась ста двадцати сантиметрам; низ, сплетенный из туго стянутых лиан, служил «дорожкой», которая, однако, прогибалась под ногами, не давая прочной опоры.

Мост больше всего провисал в срединной части, поднимаясь здесь не более двух метров над водой.

Ходить по такому мосту и даже стоять на нем было очень трудно. Он качался от малейшего движения. Я сделала много фотогографий с моста, но каждый раз это сопровождалось риском упасть на дно этого все время колеблющегося сооружения.

Обратно в Конакри

Плантации хинного дерева в Середу. Посещение лианового моста было заключительным этапом нашего знакомства с Нзереборе и его окрестностями. В дальнейшем перед нами был обратный путь в Конакри. Но все же нам удалось внести в это возвращение элемент нового, еще не познанного, включив в программу заезд в Середу с его известными плантациями хинного дерева, краткую остановку в Масента и двухдневное пребывание в Канкане.

И вот снова дорога по-прежнему, как и все последнее время, красной лентой бежит перед нами через чащу темно-зеленого леса. Цепь Нимба больше не видна, но

выросли новые высокие горы Середу, тоже покрытые сплошной пеленой тропической растительности.

Через какой-нибудь час мы уже подъезжали к заповеднику Середу. Заповедник расположен на самой границе с Либерией, и здесь, в центре этого обширного заповедника, в самой чаще экваториального леса, помещается станция, занимающаяся исследованием биологии хинного дерева (*Cinchona* из сем. мареновых — *Rubiaceae*). Это ее основная задача.

Первые плантации хинного дерева были заложены в Середу в 1939 году на полянах, вырубленных среди девственного тропического леса. Организуя станцию в горах, проложили прекрасную дорогу, сохранившуюся и поныне в отличном состоянии. Плантации хинного дерева занимают в заповеднике двести гектаров. Самая верхняя и притом самая обширная из них называется «пятый участок». Она находится на высоте 1100 метров.

Хинное дерево было введено в культуру в зоне гвинейского экваториального леса французами, и эта проблема считается в настоящее время успешно разрешенной.

В числе исследовательских работ, проведенных станцией, большим достижением явилось выведение новых сортов хинного дерева, в свежей коре которого содержится до семнадцати процентов хинина, в то время как рыночную ценность уже имеет кора, содержащая от сырого веса только шесть-девять процентов хинина.

Известно, что до сих пор не создано искусственного заменителя, равного по силе его действия хинину, и поэтому понятно, насколько большое значение имеют эксперименты, проводимые станцией, с целью выявления наилучших условий для произрастания хинного дерева в Тропической Африке, а также выведения новых сортов с более высоким содержанием хинина в коре. Надо сказать, что в настоящее время в Середу строится завод для получения хинина.

Пробираясь через чащу леса, мы долго поднимались, любуясь все еще непривычным для нас величием и могуществом тропической растительности.

Мы успели добраться до пятого участка километров в пятнадцати от здания станции и выйти ненадолго из автобуса, чтобы посмотреть на плантации хинного дерева. Но более подробно осмотреть лаборатории, подоль-

ше походить по плантациям и тем более попристалиннее заглянуть в тропический лес мы не смогли.

...Прекратилась видимость. Ливень с градом величиной с крупный крыжовник, молнии, раскаты грома, дикие порывы ветра — это налетел торнадо. Сломались и упали две гигантские сейбы с диаметром стволов метра в полтора-два и перегородили нам дорогу. Проехать стало невозможно, нужно было ждать прибытия вызванной аварийной машины, которая должна была распилить и растащить куски упавших деревьев.

Но ждать не хотелось, и мы решили искать обходный путь. И вот мы выехали на такую дорогу, на которой едва не опрокинулся наш автобус.

Началось с того, что у нас погасли фары. Мы вышли из автобуса и пошли пешком, освещая дорогу ручными фонариками. Но дорога была не близкая, и фонарики потухли. В полной темноте, ежеминутно ожидая, что автобус перевернется, буквально ощупью, каким-то чудом мы выбрались на старый путь, куда к тому времени прибыла аварийная машина.

Было обидно недосмотреть интереснейший заповедник в Середу, но зато удалось во второй раз почувствовать торнадо. А ведь это тоже была Гвинея.

Остановка в Масента. Наш самолет из Масента в Конакри улетал в одиннадцать часов тридцать пять минут дня, и, чтобы не опоздать на него, путь из Середу в Масента пришлось проехать ночью. Снова не повезло — ведь дорога шла тропическим лесом.

Ночевали в Масента. Утром продрогли. Было плюс девятнадцать градусов.

Масента — чудесное местечко, к которому высокие горы под пеленой непроницаемого влажного тропического леса подходят вплотную. Городок небольшой, чистенький, привлекательный и какой-то радостный.

Утром до отлета самолета удалось побывать на базаре. Он был, по-моему, самым красочным, самым многолюдным, самым шумным и самым веселым из всех виденных мною в Гвинее.

Затем осмотрели чайные плантации, но сбор чая на них еще не начинался.

В заключение посетили школу для подготовки учителей. Здесь нас очень заинтересовали рисунки, развешанные по стенам в виде наглядных пособий. Все они были

Лесная Гвинея. Базар в Масента

выполнены в модернистическом стиле, и я снова смогла отметить, что такое направление в искусстве пользуется успехом в Африке.

Вначале, после взлета в Масента, было чудесно.

Высокие горы, покрытые волнами мягко окутывающего их тропического леса, сопровождала нас.

Сама Масента и следующие за ней селения лишь небольшими пятнами выделялись на фоне окружающего их зеленого океана.

К селениям тянулись красные, как цвет почвы, ленты дорог.

Казы. Некоторые из них группами стояли среди леса, словно на круглых красно-желтых подносах голой земли, лишенной каких-либо признаков зелени. Это были деревни, занявшие выжженные участки леса.

Но только двадцать минут ландшафт радовал глаз. Исчезает тропический лес, исчезают гари. Селения становятся редки. Пустынно, скучно. Саванна сменила лес.

Появилась река Мило с ее желтыми отмелями. Длинные узенькие каемочки зелени оторачивают ее берега. Появились желтые участки различных культур. Безнадежно однообразная равнина. Мы опускаемся в Канкане, пробыв в воздухе тридцать минут.

Два дня в Канкане. По пути с аэродрома, при въезде в город, фотографирую сейбу с сидящими на ней тридцатью грифами.

Останавливаемся в отеле для туристов при вокзале. От комаров не спала почти две ночи.

Сам город очень большой. Европейские домики чередуются с вклинивающимися среди них большими участками каз. Домики редко в два этажа, как, например, наш отель, а чаще одноэтажные.

Рынок помещается под крышей, и на нем не пришлось видеть той яркой, пестрой толпы, как на открытых рынках. Товаров много, и особенно тканей с характерными рисунками и расцветками. Точно так же большой выбор лефа — плетеных из волокон пальмы рафии — плоских кругов, употребляемых для посуды вместо крышек. Около рынка продают занятые глиняные коричневого цвета «макитры» с рельефными изображениями крокодилов и каких-то стилизованных «уродцев».

Река Мило протекает через город. Мост через нее находится недалеко от нашего отеля. К нему ведет красивая, широкая, тенистая аллея из огромных деревьев манго. Внизу под мостом в течение всего дня стирают белье. Это яркая и интересная картина. Народу всегда много. Выстиранные вещи тут же сушат, раскладывая их на желтом песке отмели. Песок, как ковер, покрывается яркими, пестрыми пятнами различных тканей, юбок-пани, камизолий, платков для головных повязок и других выстиранных вещей.

Кроме того, и сами женщины очень красочны. Длинными вереницами переходят они через мелкую в этом месте реку, унося на головах тазы с выстиранными вещами или принося грязные для стирки. Тут же рядом купаются, плескаясь и перекликаясь между собой, мальчишки.

На следующий день я ездила на такси на пляж, отведенный для иностранцев. Здесь Мило не так широк, но довольно живописен. Он неглубок, но отмелей нет. Пляж хороший, но и здесь кабины отсутствуют.

Вечером у нас было хорошее развлечение — смотрели выступление жонглеров-акробатов. Вот что мы увидели. На сцену вышли десять человек исполнителей. Все они выстроились в один ряд. В центре стояла девушка, по виду лет шестнадцати, а по сторонам от нее располагались девочки меньшего возраста. Самой маленькой, как мне сказали, было года четыре. Барабаны громко били. Все были в масках и в течение всего представления непрерывно трясли в такт головами.

Почти одновременно с женскими масками на сцене появился мужчина, тоже в маске, и в качестве «главного» стал вызывать то ту, то другую стоящую в ряду маску и проделывать вместе с ней разные номера.

Иногда же он заставлял масок работать без него. Все маски поодиночке прошлись на руках, загнувши ноги на спину и вперед по направлению к голове, до смешного напоминая гигантских насекомых.

Затем сцепившиеся маски кувыркались друг через друга. Для следующего номера «главный» вызвал самую маленькую девочку. Она прыгнула, обвинив его, как пояс, после чего, не обращая на нее внимания, он проделывал вместе с ней такие номера, как будто она действительно была только поясом.

Заключительный номер состоял в том, что «главный» вертел в воздухе вызванную маску сначала за одну руку, а потом за одну ногу.

Теперь несколько слов о климатических условиях в Канкане по сравнению с Конакри.

Климат Канкана гораздо более тяжелый. Очень жарко и душно, так как нет океана, который смягчает духоту в Конакри. Приведу для сравнения температуры воздуха, записанные мною 13 марта для Канкана и для Конакри от 16 марта, когда я туда вернулась.

	Утром	2 часа дня в тени	Вечером
Канкан	+28°	+36°	+32°
Конакри .	+25°	+28°	+24°

После Канкана климатические условия в Конакри, от которых я и вообще не страдала, мне показались буквально райскими.

Вернулись в Конакри. Последний перелет из Канкана в Конакри. Он продолжался примерно полтора часа.

Это было повторением старого — все время неизменно скучная саванна.

В одном месте ее жгли и были видны бегущие ленты огня.

И только в самом конце зазвучал торжественный, заключительный аккорд в виде грозного Фута-Джаллона с его плоскими вершинами, вертикальными провалами, «крепостями», прямоугольно очерченными выступами скатов и величественными ступенями каменных лестниц.

Мы прилетели в Конакри. Наше странствование кончилось. Я много видела и пережила много волнующих чувств. Это никогда не забывается.

Примечания

¹ Все приводимые сведения относятся к 1965—1966 гг.

² Пиптадения африканская (*Piptadenia africana*) из семейства мимозовых (*Mimosaceae*) — необычайно крупное и красивое дерево, которое часто можно видеть в гилее. Его стройные, как колонны, светло-серые стволы достигают 42 м в высоту при обхвате в 3,6 м. Сок коры ядовит. Считается, что древесина пиптадеии не разрушается термитами и не поддается гниению

ПОЕЗДКА НА ОСТРОВА ЛОС

Знакомимся с островами

Сегодня четвертое апреля — воскресенье, один из последних нерабочих дней моего пребывания в Гвинее, где я уже провела почти восемь месяцев.

Местное туристическое общество назначило на этот день поездку на острова и, даже не спросив, включило меня в нее, зная по опыту, что я являюсь, как они в шутку всегда говорили, «первым номером» любого организуемого ими интересного мероприятия туристического характера, знакомящего со страной, в которой я сейчас нахожусь. И я, конечно, поехала.

Но что это за острова? Какие они и где они находятся?

Острова расположены в Гвинейском заливе недалеко от Конакри. Небольшие по величине, они рассыпаны по водной глади океана, красиво декорируя вход в бухту, где расположена столица Гвинеи. Мы посетили четыре острова: Касса, Соро, Тамара и Рум.

Погода, как всегда, отличная. Ветерок ласково шевелит воздух. Девять часов двадцать пять минут.

Пароходик громко гудит и отходит от причала.

Мы все сидим на палубе, и увлекательный «кинофильм», который нам показывает сама природа, начинается — так я называю ту непрерывную смену одного пейзажа другим, проходящую перед нашими глазами. Везущий нас пароходик как бы пропускает заснятую кинолентку, которая чем дальше, тем все больше и больше захватывает и увлекает.

Через полчаса подходим к первому острову — Касса. Середина острова лишена леса, и на этом оголенном участке расположена маленькая деревенька, рядом с ней поднимаются, покрытые красной пылью¹, крыши заводских построек, где производится разработка горной породы — бокситов, из которых добывается алюминий. Через широкую полосу воды залива видны строения Ко-

накри. Стоим у пристани десять минут и движемся дальше.

На фоне темно-зеленого пальмового леса «проплывает» совершенно голая, отвесная, сложенная нефелиновыми сиенитами, серая «каменная» стена карьера, где добываются названные выше бокситы². Она производит впечатление.

Огибаем остров Касса с правой стороны — и перед нами уютный широкий пляж острова Соро. Пляж пуст. Еще рано. Только прибой шуршит по песку.

Но лента нашего «кинофильма» развертывается дальше. Приближается следующий остров — Тамара. Он весь темно-зеленый от покрывающего его густого пальмового леса. Его крутые склоны падают в волны океана. На самой высокой точке левой части острова стоит маяк. Пристаем. На берегу танцы.

Но вот барабаны, аккомпанировавшие танцам, смолкают, и мы остаемся одни в тишине.

Начинаем подъем к маяку. Чудесный лес из масличной пальмы и пальмы рафия. В просветах меж деревьев блестит океан. Как много красоты и сколько романтики в этих безмолвных тропинках тропического леса, которые, извиваясь, все ближе и ближе поднимаются к голубому небу. Сюда снизу лишь шорохом доносится дыхание океана.

Мы на вершине маяка. Простор и величие! Кругом вода и волны без конца и начала. Но время стоянки истекает.

Спускаемся вниз и направляемся на пристань к нашему пароходу.

Настоящее воскрешает прошлое

Развалины жилищ пиратов-корсаров на острове Рум. После острова Тамара продолжается наш «кинофильм» — дорога к четвертому, последнему на нашем пути острову — Рум. В архипелаге этот остров самый большой.

По очертаниям волнистый, словно трехгорбое чудовище, «плывет» он навстречу нам по воде. Около него

меньший по величине, красиво обсаженный пальмами островок, но о нем рассказ будет позднее.

Выходим на острове Рум. Лесная дорога извивается среди пальм. Из лесной глуши показывается маленькая деревенька. Около одной из хижин дерево высотой с нашу яблоню. На нем висят шарообразные плоды, которые, созревая, могут достигать величины арбуза. Это уже знакомое нам дерево — калемасс.

Миновав деревеньку, снова попадаем в лес, но теперь он густой, мрачный и темный, пальмы стоят здесь плотную друг к другу.

И вот из тьмы деревьев, высоко заваленных до трети своего роста валежником, начинают вырисовываться неясные, таинственные очертания чего-то крупного, чего-то большого. Сначала вы не понимаете, что это такое. Но неясные силуэты постепенно становятся отчетливей, и, вглядываясь, вы начинаете разбирать, что перед вами какие-то разрушенные стены, иногда высокие, иногда низкие. Во всяком случае, они давнего происхождения, так как на некоторых из них успели вырасти высокие деревья, а от других сохранились лишь отдельно стоящие разрозненные руины, которые свидетельствуют о существовавшем здесь когда-то человеческом жилье.

Но кто его строил и для каких целей?

Эти развалины — остатки жилищ корсаров. В далекие, очень давние времена корсарами, равно как и флибустьерами и буконьерами, назывались пираты, то есть морские разбойники, грабившие морские суда и нападавшие на прибрежные местности.

По национальности это были обычно англичане, французы, голландцы.

Пиратские суда не имели собственного флага и пользовались или флагом какого-либо государства без его разрешения, или черным флагом с нарисованными на нем костями и черепом, наводившим ужас на увидевших его людей. Пираты нередко владели эскадрами кораблей и прибрежными крепостями.

На сохранившиеся следы того времени мы и натолкнулись при посещении острова Рум — на развалины жилищ корсаров, жестоко хозяйничавших в былые времена по побережьям Африки.

Существует ли легендарный «остров сокровищ»?

Размышляя о давно минувших временах, я возвращалась к пристани, где нас ожидал пароход.

Случайно подняв голову, я увидела прямо перед собой небольшой островок, который я заметила, еще подплывая к Руму. Он почти вплотную соприкасался с Румом и привлекал к себе внимание красиво окаймлявшими его пальмами.

— Что это за островок? — спросила я у руководителя нашей экскурсии.

— Этот островок окружен интересной легендой, — ответил он мне. — Говорят, что это тот самый «остров сокровищ», о котором писал Стивенсон в своем романе того же названия³.

Стивенсон рассказывает, что на «острове сокровищ» были зарыты огромные богатства, награбленные внушавшим ужас людям пиратом — капитаном «с рожей, как у дьявола» и с неизменной песней «Пятнадцать человек на сундук мертвеца», который заставлял дрожать от страха подчиненных ему матросов.

Небезынтересно будет познакомить читателя с рассказом самого Стивенсона, каким образом возникла у него идея создания романа «Остров сокровищ».

Началось с того, что, увлекшись игрою с одним школьником, приехавшим на каникулы к его родственникам, он нарисовал ему фантастическую географическую карту острова, старательно раскрасил ее и снабдил очаровательными бухточками, заливчиками и проливами. В центре острова был обозначен клад, а остров назван Стивенсоном «островом сокровищ».

Этот никогда не существовавший фантастический «остров сокровищ» послужил первым толчком, двинувшим вперед вдохновение романтической природы Стивенсона. Ему захотелось оживить свою фантазию, захотелось, чтобы люди зашевелились в лесах созданного им на бумаге острова, захотелось увидеть здесь людей — героев, мечтателей, искателей подвигов и приключений. И вот бриг «Испаньола» расправляет свои паруса по направлению к «острову сокровищ», на капитанском мостике встает отважный капитан... И в результате появ-

ляется роман «Остров сокровищ» на месте творчески оживленной Стивенсоном фантастической географической карты.

Но надо сказать, что в литературе мы все же находим указания, что названный «остров сокровищ» отражает в себе и некоторые реальные географические черты. Так, к югу от Кубы есть небольшой остров Пинос, который обнаруживает поразительное сходство с «островом сокровищ», изображенным Стивенсоном на карте, приложенной к его роману. Такое сходство тем более обращает на себя внимание, что в свое время острова Карибского моря, и среди них остров Пинос, особенно в годы с 1520 по 1830, были главным местом стоянки пиратов, выслеживавших испанские флотилии с грузом золота, серебра и драгоценных камней.

В то время на Пиносе было организовано даже целое пиратское государство, имевшее свои строгие законы.

История сохранила нам несколько грамот, снабженных чертежами, помогавшими обнаружить место спрятанных пиратами кладов. Такие грамоты часто скреплялись страшными клятвами, грозившими ужасными наказаниями за разглашение тайны местонахождения клада. В некоторых из таких грамот были упомянуты как раз те острова, которые встречаются и в романе Стивенсона. Так, в грамоте 1673 года мы находим остров «Сундук мертвеца», в другой — «Остров скелета», которые фигурируют и в романе «Остров сокровищ»...

Итак, существует ли «остров сокровищ»? Исчерпывающий ответ на заданный вопрос, вернее всего, никогда не будет получен, да и вряд ли так важно стараться его получить.

Примечания

¹ Пыль красная, так как цвет бокситов или красный различного оттенка (от розового до темно-красного), или серый (от зеленовато-серого до темно-серого, почти черного) в зависимости от того, в какой форме содержится в них железо.

² Бокситы формируются главным образом на горной породе — нефелиновых сиенитах.

³ По другой версии, услышанной тоже в Гвинее, «островом сокровищ» считается остров Рум, где мы видели развалины жилищ корсаров.

ЭТО — ГВИНЕЯ

Расставаясь с Гвинеей, мне хочется сказать несколько теплых слов этой стране.

Я прожила в Гвинее почти восемь месяцев, работая в качестве профессора в Политехническом институте в Конакри.

Но я не только читала лекции, но и жадно вглядывалась в окружающую меня обстановку и стремилась ничего не пропустить, все заметить и удержать в памяти.

Уже немало времени прошло с тех пор, как я покинула Гвинею, но мои впечатления продолжают сохранять первоначальную свежесть, и образ этой страны встает перед моими глазами как олицетворение захватывающе-незабываемых дней.

Картины тропической природы, то тихой, загадочной и таинственной, то холодно-грозной, суровой и страшной, подавляющей и жутко-красивой, образы местных людей, их быт, украшенный мистикой прошлых времен, их одежда, творчество в легендах, искусстве, танцах, длинной чередой выплывают из моей памяти.

И вот я вижу Гвинею. В каких же неисчерпаемо-разнообразных образах встает она передо мной!

Непроницаемо-черная, тропическая ночь над океаном. Чуть шуршат гибкие пальмы на берегу. Блестящая, золотая дорога пересекает воду, и лунный серп над ней. Но он не стоит так, как у нас, вертикально, а покоится лежа над водой, обращенный рогами к небу. И такой великий покой кругом...

Разве же это не сказка?

А за час перед этим буйные, лилово-красные, роскошные краски тропического заката солнца полыхали над тем же океанским простором, служа фоном для полутораметровых в размахе крыльев крыланов, которые, словно следуя чьему-то неведомому зову, в полном безмолвии тысячами летели друг за другом, исчезая вдаль.

Это — Гвинея, впервые подумала я тогда.

На другой день торнадо. Вакханалия огня в небе.

Змеи молний, падающие в океан и горящими брызгами разлетающиеся по небу. Грохот грома. Ливень, спускающийся на землю белой, не пропускающей света стеной. Это тоже была Гвинея.

Работа со студентами. Дисциплинированность. Жажда знаний. Трогательная признательность и дружелюбие к преподавателю за полученные сведения. Экспансивность к восприятию нового. Это характерно для молодежи Гвинеи.

Далее встречи не с молодежью, а уже со сложившимся поколением людей этой страны. В летние каникулы, как я описывала выше, я сделала большую поездку по Гвинее, выезжая, кроме того, из Конакри и по воскресеньям. Эти поездки сдружили меня со страной и ее народом. Я благодарна всем гвинейским друзьям, которые так тепло относились ко мне и добрым советом и делом старались помочь мне познакомиться с жизнью Гвинеи. Я многим обязана местному туристическому обществу. И мое искреннее душевное спасибо всем сотрудникам общества и возглавлявшему его руководителю за внимание, поддержку и понимание моих устремлений. Как много поездок вспоминаю я, прекрасно организованных обществом. Для меня все они были наполнены радостью познания и чувством щемящего восторга перед красотами гвинейской земли.

Вспомним прибрежную Гвинею.

Сейбы — деревья-гиганты выше десятиэтажных зданий. Другие деревья обычного роста, но покрытые шапками белых, розовых, лиловых и пылающих ярко-красных цветов. Красавицы пальмы.

Сутулые, огромные, темные, голошейные грифы до тридцати на деревьях-гигантах, рядами сидящие на коньках крыш и одиноко скупающие на телеграфных столбах. И тут же рядом стайки веселых нарядных малюток ткачиков, бегающих по траве, порхающих у своих гнездышек, облепляющих ветви масличных пальм или фонариками висящих на проволоках, натянутых меж тех же телеграфных столбов.

Очаровательное местечко Дюбрека в предгорьях Фута-Джаллона, у края саванны, усеянной причудливыми осколками его соседних каменных стен, и с силуэтами величественных, живущих по четыре-пять тысяч лет баобабов вдали.

Форекарья, откуда в лодке мы плывем по тропической реке с непроходимой мангровой рощей по берегам и крокодилами, временами вылезаящими погреться на солнце.

Боффа — ослепительные, захватывающие, как вихрь, танцы под тамтам и балафон, и, как контраст при посещении Фрия, торжественная, большая молитва по случаю самого чтимого мусульманами «праздника жертвы» — Айд эль-Адхаа, впечатляющая благолепием и нерушимой, застывшей тишиной склонившихся ниц тысяч людей.

Добавим, вспоминая саванну, слоновые травы до пяти метров ростом, в которых очень легко заблудиться, стада диких слонов, встречающиеся в районе Маму.

И наконец, гора Какулима — величественный, человеком не тронутый тропический лес. Порой прорубаем по нему путь топором. Обезьяны перелетают с одного дерева на другое, перебегают через дороги, исступленно кричат, не то играя, не то ссорясь между собой.

И все это было в Гвинее.

Нагорье Фута-Джаллон.

«Геометрический» рисунок контуров гор — столь небывалый и необычный, какой я пока не встречала нигде.

Этот суровый ландшафт пугает и потрясает, но в то же время властно влечет к себе, не давая забыть.

Такой мои глаза увидали ту часть Гвинеи, которую горной зовут.

А Лесная Гвинея на юге страны — целое зеленое море тропических деревьев, эпифитов, лиан — все захватившее, всем овладевшее, все себе подчинившее, непроходимое, непревзойденное, устрашающе-властное и жутко красивое — таков этот царственный, подчиняющий себе гвинейский влажнотропический лес.

Не так много стран найдется на свете, кроме Гвинеи, где все, о чем было упомянуто здесь, можно найти.

Но мы ни слова еще не сказали о людях — хороших, прямодушных, трогательно отзывчивых на дружбу, проявленную к ним, людях, умеющих работать и зажигательно танцевать, людях, сложивших немало красивых легенд и сказок, склонных к искусству и в свое время сумевших создать крупные государства.

Но о последнем отдельно несколько заключительных слов.

Москва. Я вернулась из Гвинеи. Я у себя дома. Письменный стол, заваленный книгами. Я знакоблюсь с историей Западной Африки.

Я узнаю, что на современной территории Западной Африки с IX по XVI век располагались великие империи африканцев — могучие государства, слава о которых гремела далеко за пределами этой земли.

Эти империи распались, их больше нет, они не сохранились, но сохранились народы, некогда создававшие их. Сохранились ум, сердце, характер племен — созидателей былого величия.

И в этом несомненно лежит залог будущих творческих достижений африканских народов.

Как хорошо это выражено в словах нынешнего президента Гвинеи Секу Туре, служащих заглавием к выпущенной им книге: «Apprendre... savoir... pouvoir» — «Учиться... познавать... и через это достигать».

До свидания, дорогая Гвинея.

Я благодарна тебе за все виденное и пережитое.

Счастливого тебе пути в твое радостное будущее, которое несомненно ждет тебя.

СОДЕРЖАНИЕ

Неведомое зовет	3
Мое первое знакомство с Гвинеей	6
Берегом Атлантического океана	59
Местечко Дюбрежа — преддверье нагорья Фута-Джаллон	59
На Боффа	68
В лодке по Мелакоре	83
На седловину горы Какулима	88
Поездка в город Фриа	93
Перед нами саванна	99
Через саванну к Киндии	101
Киндия	108
Нагорье Фута-Джаллон	119
Горные реки и водопады Фута-Джаллона	126
Лесная Гвинея	135
Самолетом из Конакри в Нзерекоре	135
Нзерекоре и окрестности	140
Обратно в Конакри	149
Поездка на острова Лос	156
Знакомимся с островами	156
Настоящее воскрешает прошлое	157
Существует ли легендарный «остров сокровищ»?	159
Это — Гвинея	161

Надежда Николаевна Сушкини

**ТАМ, ГДЕ ШУМИТ ОКЕАН
И ЦАРИТ ВЕЧНОЕ ЛЕТО**

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

•

Редактор *М. Д. Памасьянц*
Художник *И. Р. Бескин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *О. Л. Щигореза*

•

Сдано в набор 12/X 1970 г.
Подписано к печати 12/1 1971 г.
А-06803. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1
Печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 9,31
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2654
Зак. № 1135. Цена 50 коп.

•

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В 1971 году выйдут:

Галыбин А. И. Намибия (Юго-Западная Африка) в планах колонизаторов. 1946—1970. 8 л.

Пономарев Д. К. Герои Африки (из истории сопротивления африканских народов европейским колонизаторам в конце XIX в.). 8 л.

Проблемы интеграции в странах Африки. 5 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 50 коп.

